

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (61) — 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),

С. Г. Айвазова (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),

В. Н. Аргунова (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),

Н. Б. Гафизова (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2011
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2011

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 4 (61) — 2011

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),
Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)511-7

О. А. Козлова

ДВОРЯНСКАЯ СВАДЬБА В РОССИИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII в.: ДОМОСТРОЕВСКИЕ КАНОНЫ И ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Свадебный церемониал — важнейший из праздников жизненного цикла, во все времена бывший структурообразующим, определяющим быт, жизнь, повседневность и мужчин, и женщин. Изучения его, так или иначе, касались все ученые, которые обращались к анализу истории повседневности: историки, как Н. Л. Пушкарёва [26, 30, 33], этнографы — Т. С. Макашина [20], Т. А. Листова [19], культурологи — И. И. Шангина [28], О. Г. Щербинина [29]. Зарубежных исследователей также немало привлекали реалии свадебной обрядности рассматриваемого переломного времени, конца XVII — начала XVIII в., среди них Н. Бошковска [31], Д. Кайзер [12], В. Росслин [34], М. Ламарш-Маррезе [32] и другие. Поскольку переломные моменты в истории всегда вызывали интерес, изучение своеобразия того или иного общественного феномена, в числе которых и свадьба, — путь к пониманию противоречий и механизмов их «снятия», типических для переходных периодов. В данной статье речь пойдет о характерных особенностях свадебного обряда в дворянском сословии Петровской эпохи, о значимости замужества и его праздничного оформления для женщины того времени.

Трансформации свадебного обряда как область этнокультурной истории с точки зрения принятия/непринятия нового в структурах повседневности пока мало описаны, и наш анализ может внести вклад в изучение истории русской семьи и статуса женщин в рассматриваемое время. Верно ли предположение, что в Петровскую эпоху модельным типом изменений были именно дворянские свадьбы? Их проще изучить ввиду наличия значительного числа источников и того, что новшества на европейский лад Пётр I считал необходимым проводить именно в среде высших сословий.

Русская свадьба всегда изобиловала колоссальным количеством своеобразных символов, и даже внедрение в исконно русскую культуру европейских веяний практически не изменило эту тенденцию ее развития [30, с. 594—606], что было отмечено многими исследователями и сформулировано ими в том аспекте, что российская дворянская семья на заре Петровской эпохи являла собой синтез традиционных домостроевских обычаев, диктуемых стариной, и новомодных европейских обрядов, навязываемых проводимой реформой [2, с. 124—126]. Во многих исследованиях по истории свадеб подчеркивалось, что, несмотря на рвение Петра I искоренить исконные обычаи русской старины, это удалось ему частично, поскольку некоторые каноны повседневности попросту слились с проводимой «западной» реформой, обретя совершенно иную ипостась [19, с. 103; 20, с. 479]. Хотя в работах Т. А. Листовой и Т. С. Макашиной дается подробное описание свадебной обрядности, учитывающей религиозные и этнические традиционные обычаи, в большинстве случаев они описывают обрядность, характерную для простонародья, не давая глубокого всестороннего анализа свадебной обрядности дворянской верхушки. В исследованиях указанных авторов не наблюдается изучение повседневности, которая, в отличие от быта, не только обряд, но и переживания, чувства людей, восприятие ими исторических событий, свидетелями и участниками которых они стали.

История изучения русской свадьбы имеет солидную двухвековую традицию. Вопросу русской дворянской повседневности во времена Петра Великого уделяли большое внимание как отечественные, так и зарубежные авторы. Вообще, отечественную историографию указанной проблемы можно разделить на три этапа. Среди дореволюционных историков следует отметить В. О. Михневича [21, с. 35—72, 138—173], Н. И. Костомарова [16, с. 119—126], И. Е. Забелина [10, с. 889—901]. В. О. Михневич в своей работе дает пошаговое описание дворянской свадьбы в России, но анализ этот проводит исключительно с точки зрения европейских традиций. Авторы, описывая общую картину повседневности, в результате чего была всесторонне рассмотрена материально-вещественная сторона жизни русского общества, анализируют тот комплекс изменений, который произошел в нем в ходе Петровской реформы культуры и быта, но не заостряют внимание на сочетании исконных традиций и нововведений в процессе свадебного обряда. Дореволюционная историография по вопросу представляет собой комплекс историко-бытовых очерков, исследований этнографического характера и источниковедческих работ, созданных на основе мемуаристики и частной переписки. Все исследования, безусловно, важны и необходимы в аспекте изучения истории петровского времени как в этнологическом, так и в культурном плане, но среди них нет работ, посвященных новым интерпретациям сферы женской истории, где бы делался особый акцент на описание переживаний и чувств дворянских женщин.

В советской историографии начиная с 1970-х гг. преобладают исследования этнографического характера (до того научная проблематика была сосредоточена на исследованиях сословно-экономического и политического характера). Особняком стоят работы литературоведов и культурологов, в особенности Ю. М. Лотмана. В своей классической работе «Беседы о русской культуре XVIII — начала XIX в.» он дал прекрасную этнографическую и культурно-

антропологическую характеристику бытовой сферы российского общества, его новаторство заключается в выделении и трактовании скрытой прежде символики, позволявшей характеризовать стереотипы поведения знати того времени. Но работ, посвященных только вышеуказанному вопросу, в исследованиях советских авторов нет.

В современной историографии новым ракурсом изучения темы стали гендерные исследования, ставящие во главу угла тему социальных и семейных иерархий, порождаемых принадлежностью к своему полу. Несмотря на то что в них дается подробная картина свадебных обрядов конца XVII — начала XVIII в., нет работ, посвященных синтезу старорусских и европейских обычаев в процедуре дворянской свадьбы Петровской эпохи. Значительный научный интерес в отношении свадебных обрядов привилегированных сословий конца XVII в. представляют работы Э. Ваталы, А. Кулагиной, О. Щербининой, которые поэтапно характеризуют свадебную церемонию с точки зрения основных канонов Домостроя и используют при этом значительный источниковый аппарат. Собственно XVIII в. подробнее представлен у Н. Л. Пушкарёвой [26, с. 148—173], И. И. Шангиной [28, с. 253—352], хотя исследование последней носит более углубленный этнографо-антропологический характер и описывает российское общество в целом, в особенности повседневность непривилегированных сословий.

Мы постараемся понять, как именно возник синтез старорусских традиций и европейских нововведений в процессе свадебного ритуала в дворянских семьях, как воспринималось это слияние дворянством, и оценить, сколь велика была роль в этом власти. Данной теме было посвящено диссертационное исследование Е. В. Алексеевой [1, с. 34—35; 2, с. 455—459] на соискание ученой степени доктора исторических наук, но свадьбе в нем внимания уделено не было. Е. С. Анпилогова [3, 4] описывает повседневность женщин русского дворянского сословия Петровской эпохи, но ее научный интерес более проявляется в политологическом подтексте. Мы намерены не только показать повседневность русских дворянок с точки зрения этноэтической, но и описать сферу чувствований и переживаний русских женщин высших сословий.

Нами рассмотрены такие виды источников, как русская мемуаристика [8], сборники житейских предписаний и поучений [9, с. 21—168; 13, с. 12—135; 27], сочинения этнографо-исторического характера [17, 30, с. 552—641], воспоминания иностранцев [7], чаще всего оформленные в виде путевых записок или дневников, и архивные данные [23]. Несмотря на то что «Описание о браке» цесаревны Анны Петровны датировано 1725 г., мы привлекли и его, полагая, что свадебная церемония цесаревны была итогом слияния старорусских и европейских традиций в свадебном обряде и может рассматриваться в качестве образца.

В XVII—XVIII вв. (как и ранее) любое свадебное предприятие начиналось со сватовства [19, с. 101]. В Московии конца XVII в. процессом руководили родители жениха или невесты, которые иногда привлекали свах [20, с. 511].

С начала XVIII в., чуть ранее 1718 г., дворянские девушки уже не «затворялись» дома, как требовалось до того, а выходили в свет, участвовали в придворной жизни, где и знакомились с потенциальными кавалерами [6, с. 308; 21, с. 148]: «...обыкновенно всегда, где слышат невесту богатую, тут и женихи

льстятся...» [8, с. 44]. По воспоминаниям Н. Б. Долгорукой (одной из первых представительниц пореформенного постпетровского общества, чье мнение, безусловно, ценно для исследования повседневности знатных дворянок, особенно сферы их чувств и переживаний), ставшей в детстве свидетельницей синтеза старорусских и европейских традиций, только ранняя смерть матери отвратила ее от светского общества на два года: «...я после матери моей всех компаний лишилась <...> вздумала я себя сохранять от излишнего гулянья <...> И так я сама себя заключила <...> в свете очень примечали поступки знатных или молодых девушек...» [8, с. 43]. Молодые дворяне уже не ждали услуг свахи: посвататься к понравившейся девушке они могли как самостоятельно, так и с помощью родителей. Порой сам Пётр I, желая заключения того или иного брака, выступал сватом, тогда свадьбу играли скорее — в целях разрешения политических амбиций и надежд государя.

Вопрос приданого в этом случае оставался неизменным и с позиций домостроевских времен, и с позиций европейских нововведений. Девушка не просто входила в дом и семью мужа, она обязана была доказать свой статус и значимость в семье первоначально в таком важном материальном аспекте, как приданое. Европа оказала серьезное влияние на вопрос о значении и обязательности приданого: дворяне, перед принятием в семью невестки, требовали ознакомления с описью приданого имущества, где указывалось все, вплоть до носовых платков и пуговиц. Заметим, что подобные описи имели место еще в допетровской Московии и были важным документальным подтверждением пополнения бюджета семьи приданным имуществом. Окончательно общие принципы составления описей приданого были закреплены уже при Елизавете Петровне.

Между сватовством и свадьбой в России конца XVII — начала XVIII в. в обоих случаях проходило не слишком продолжительное время. Разница состояла в том, что домостроевские каноны диктовали девушке по-прежнему находиться дома, в своей светлице, не встречаясь с нареченным, а дух европейских традиций обязывал будущих супругов постоянно встречаться, жених должен был наносить визиты в дом невесты, и так продолжалось вплоть до свадебной церемонии [34, р. 57]. У подобных встреч находилось немало противников с патриархальными взглядами в высшем обществе, но авторитет и воля Петра, не желающего мириться с предрассудками, сдерживали их критические отзывы. В. О. Михневич подчеркивал, что моралисты того времени высказывались в том смысле, что любовь в Петровскую эпоху была «грубой» и «животной» [21, с. 146], но идеал высокой и нравственной любви в обществе существовал. Нельзя утверждать, что нравственность юных дворянок петровского времени была «сомнительной», «показной». Ни один мужчина не мог приблизиться к девушке без одобрения ее родителей или опекунов, согласие на брак давала и ее семья. Несмотря на «свободу нравов», царящую в пореформенном обществе, девушки могли испытывать глубокую привязанность к женихам и, в случае замужества по любви, создавали удачные долговечные союзы, подтверждение чему можно найти в частной переписке того времени. Многие женщины, верные своим чувствам к одному человеку, принадлежали к двум мирам: старому — дореформенному и новому — петровскому.

Сам процесс сватовства, в корне отличавшийся от дореформенного, напоминал в определенной степени ритуал, многократно повторявшийся как в дворянских, так и в купеческих и мещанских семьях: жених просил руки девушки, ее родители медлили с ответом, он приезжал в ее дом, виделся с ней для того, чтобы узнать, «какое понятие она о нем имеет», и в этот момент их заставляли родители, которые уже решили выдать дочь замуж за ее ухажера, они давали официальное согласие, и вскоре играли свадьбу — в этом проявлялась не только дань традициям старины, щадящим скромность невесты, но и европейское нововведение в сфере культуры, проявляющееся в «высшей степени благовоспитанности и такта» родителей девушки и ее жениха. В этом смысле показателен случай сватовства Дмитрия Янькова к своей избраннице Елизавете. Ее отец три раза не соглашался на предложение жениха, в четвертый уступил и спросил мнение дочери. Она ответила: «Ежели вы, батюшка, изволили согласиться, то я не стану противиться, соглашаюсь и я» [5, с. 5—6; 15, с. 1—2]. Однако следует учитывать тот факт, что нередко подобные отказы носили условный характер и выступали своеобразным средством соблюдения приличий. Родители даже в пореформенном обществе играли ведущую роль в заключении брачных союзов своих отпрысков, потому брак, заключенный без родительского благословения, считался законным лишь условно и не принимался в свете [18, с. 105; 19, с. 102]. В этом сказывается как наследие основных воззрений домостроевских времен [9, с. 16—18, 29—35, 97—101; 14, с. 1—2], так и новомодный европейский уклад, повлиявший на православную трактовку. В связи с этим к жениху и невесте предъявлялись соответствующие требования: жених должен быть родовит, имущественно состоятелен, нравственно добродетелен, образован и занят на службе, а невеста — внешне привлекательна, с хорошими манерами, сердечной добротой и состоятельна [15, с. 1]. Разумеется, возраст будущих супругов чаще всего соответствовал царящим в обществе социальным воззрениям, и разница «в годах» у пары, вступающей в брак впервые, не превышала 5—7 лет [12, с. 232].

Дворянские свадьбы в уже постпетровской России игрались по европейскому образцу, примером чему может служить «Описание о браке между Ее Высочеством Анной Петровной, цесаревной Всероссийскою, и его королевским Высочеством Карлом-Фридрихом, герцогом Голштейн-Готторпским» [23, л. 1—4], что является своеобразным венцом и идеалом реформирования свадебной обрядности на европейский лад и, безусловно, выступает наследием эпохи Петра в культурно-этической сфере.

Однако некоторые черты свадебных ритуалов домостроевских времен можно было усмотреть и здесь. Например, новобрачная была окружена накануне венчания придворными дамами — представительницами виднейших знатных семей [23, л. 3]. Отношение к многочисленным свадебным чинам [17, с. 164—172; 27, с. 152], которые играли едва ли не доминирующую роль в проведении свадебного ритуала, упростилось, но их роль не исчезла: в дворянских свадьбах по европейскому образцу в свадебной церемонии главенствовали «маршал» и «шафера», выбиравшиеся из самых почетных гостей, которые встречали молодых дома по приезде с венчания, обносили их водкой и провозглашали самые первые тосты в честь их здоровья и благополучия.

Подобные «встречи» молодых носили не европейский, а старорусский, традиционный характер, европейским же новшеством стало то, что женщина отныне воспринималась иначе, поскольку совершенствование просвещенности общества сыграло роль в эволюции женского образа в общественном восприятии. Принятое отношение к женщине как к рабе и слуге своего мужа изменилось. Получили развитие ее права и привилегии, благодаря чему стало эволюционировать в позитивную сторону и чувственное восприятие дворянками своего статуса в обществе, следовательно, приглашенными на свадьбу она могла уже восприниматься как хозяйка дома и семьи, если не равная еще мужу, то хотя бы не зависимая от него полностью в своей жизни и смерти, как ранее, потому и приветствовалась она «маршалом» и «шаферами» соответствующим образом [34, р. 82].

Кроме того, наследие домостроевских времен можно усмотреть в том, что столы, за которыми восседали гости, делились по половому признаку: отдельно для мужчин, и отдельно для дам. Лишь иногда стол для гостей бывал смешанным.

Молодожены участвовали в обеде (что было запрещено ранее) и в танцах. Бал заканчивался вечером проводами молодых — опять же традиционно.

Невинность невесты уже не имела столь приоритетного значения, как раньше, когда в случае добрачной ее утраты семья девушки и она сама предавались позору (влияние Домостроя), но она была желательным и важным аспектом в момент заключения брака. Нецеломудренной невеста могла быть, если вступала в брак повторно или вела до замужества «распутную жизнь», чем в большинстве случаев могли отличаться придворные фрейлины. Жених прощал нареченную за этот грех, если его устраивало материальное положение или статус, приобретаемый им с женитьбой, или же роль здесь играла любовь с его стороны, благодаря которой союз пары и сохранялся. В источниках приводится пример: один дворянин незнатного происхождения и небогатого рода, женился на близкой родственнице князя, приближенного к правящей верхушке и принадлежавшего к «старой знати», придворной даме, известной богатым интимным прошлым, делился с приятелями своими соображениями: «...а что мне с того, что она б...., собой она ладна, да и рода хорошего, а я по природе смирен и не горд <...> уживемся...» [13, с. 114].

На второй день после свадьбы пир возобновлялся в обычном порядке (многодневность свадебных торжеств является чертой старины, а не европейским веянием [32, р. 43]), только новобрачный пересаживался за женский стол, перед этим сорвав висевший над головой жены венок, символизирующий ее девичество. Об этом говорится и в работе В. О. Михневича, утверждавшего, что подобный ритуал носил в дворянской среде повсеместный характер [21, с. 64], и в исторических документах того времени, полно описывающих подобный эпизод свадебного дворянского обряда: «...когда после первой брачной ночи молодые выходят к гостям, жених пересаживается за дамский стол к невесте, но перед этим <...> он, к вящему восторгу гостей, взбирается прямо на стол и срывает подвешенный над головой невесты венок из цветов, который, как символ целомудренности оной, висел над ее головою во время свадебной церемонии всего первого дня...» [22, с. 196; 24, с. 42; 25, с. 63; 31, S. 76]. Из прежних канонов сохранился обычай, когда молодой муж благодарил родите-

лей жены за дочь и желал им долголетия, здоровья и благополучия: «Свет-батюшка, сударыня-матушка, здравствуйте на многие лета и благодарствуйте, родимые, за дочь покорную, жену мою верную, молитесь за нас, грешных, о доме богатом и чадах благих...» [18, с. 104; 29, с. 99; 31, S. 58]. Существенным различием между традициями домостроевской Московии и пореформенной России стало то, что в последующие дни молодые супруги, ранее вообще не устраивавшие брачных торжеств после двух дней свадьбы, принимали родственников в своем доме и наносили визиты в дома родных и друзей, где в их честь давались обеды и балы [21, с. 69; 33, р. 125].

Общеввропейская традиция одаривать новобрачную деньгами и дорогими вещами, прочно укоренившаяся в традиционной обрядности России, сохранилась в неизменном виде. Одаривали все, кто сколько мог, в основном родственники; причем подарки бывали необычайно ценные, что, разумеется, говорило о принадлежности к высшим сословиям. Происходило это сразу же после обручения или после свадьбы, и дарили преимущественно ювелирные вещицы или же всякую галантерею [8, с. 54; 21, с. 153].

После торжеств у молодоженов начиналась семейная жизнь, в силу проведенных Петром I реформ изменившаяся, непохожая на ту, что вели их предки в Московии XVII в., но это уже не является предметом исследования.

Итак, можно утверждать, что именно синтез домостроевских традиций и европейских нововведений: изменения в сфере социальных воззрений, сочетающие в себе европейские новшества, слившиеся с традиционными общественными убеждениями допетровской Московии; культурно-этнический пласт преобразований, касающихся эмансипации дворянских женщин и степени их социализации в реформирующемся обществе, изменения их внешнего облика на европейский манер, совершенствования образованности и просвещенности, в том числе и в женской среде; наконец, реформирование повседневного восприятия дворянскими женщинами своего положения в обществе — явился самым приемлемым вариантом для обеспечения жизненных перипетий в раннепетровской России, и свадебного обряда в том числе. Российское общество конца XVII — начала XVIII в. не могло окончательно отрешиться от многовекового нравственного наследия Домостроя, завещанного предками, потому было способно воспринять лишь некоторые нюансы изменений, которые были им навязаны властью, и немного модернизировать навязываемые европейские новшества в свою пользу.

Слияние двух видов традиций, двух миров — старого и нового — дворянством частично воспринималось как нечто неизбежное, частично вызывало этический протест, немедленно подавляемый правящей верхушкой, проводящей в жизнь европейский образец. Однако некоторые исследователи увидели в этом не столько негативные моменты, выражающиеся в разрушении многовековых самобытных традиций, сколько положительное влияние европейских порядков на общество в целом и на женскую личность, что особенно проявилось у женщин высших сословий. Примером тому может послужить высказывание В. С. Иконникова: «...русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда, в некоторых отноше-

ниях, даже имеет перед ними преимущество...» [11, с. 70]. Личность русской женщины, ее переживания и чувства, которые ранее были безразличны окружающему обществу и претерпели не менее серьезные изменения в связи с новыми порядками, навязываемыми реформой, повлияли на ее поведение в светской жизни и создали тот уникальный, непохожий на европейский — в отношении повседневности — образ русской дворянки, которая вела себя в обществе как утонченная европейская дама, но в быту чаще всего оставалась верной патриархальным воззрениям допетровской Московии.

Дворянство вынужденно или охотно участвовало в европейских новшествах, введенных Петром Великим, в полном объеме, поскольку само реформирование общества было предпринято государем «сверху», т. е. в среде высшего сословия. Роль власти в процессе реформирования общества была заглавной, а в таком частном случае, как дворянская свадьба, власть играла роль важную, если не сказать доминирующую, ведь без проведения политической линии Петра невозможно было бы введение европейской моды. В данном случае *мода* стала носителем этических ценностей, неоспоримо проявившихся в повышении культурного уровня русских дворянок, развитии их образованности и степени их социализации. Домостроевский «терем» как воспоминание старины, «как отрицание самых жизненных начал — общственности и личной жизни, не мог более держаться, когда кругом него были уже явления иной жизни и когда в нем самом показались признаки вопиющего разложения...» [11, с. 48]. *Наследие старины* проявилось в морально-нравственном развитии женской личности, что представляется наиболее важным для реформируемого общества в любое время, поскольку женщина, как жена и мать, является той опорой семьи, благодаря которой воспитывается новое поколение, и только от личностного ее развития зависит то, каким это поколение станет. Но в любом случае именно Петровская эпоха показала наглядно, что этический носитель *моды*, диктуемой проводимой Петром Великим реформой, и нравственное, прочно укоренившееся в сознании общества *наследие старины* уже неразделимы и не могут существовать отдельно друг от друга, поскольку являются выражением той потребности переживаний и чувств русской дворянки, без которых развитие ее как личности невозможно. Частный случай свадебного обряда лишь начинает этот процесс социализации и совершенствования чувственно-повседневной стороны жизни дворянства Петровской эпохи, но влияние на статус дворянской женщины он имеет немаловажное, потому и нуждается в рассмотрении с точки зрения не только этнической, но и нравственной. Насколько существенными были изменения в свадебном обряде для дальнейшей семейной жизни супругов, стала ли она легче и проще после петровских нововведений — вопрос дискуссионный. В данной статье мы ставили целью изучить другое — степень влияния европейских новаций на одну из наиболее консервативных сторон русской частной жизни, а именно на свадебный обряд, с которого брала начало социальная ячейка общества — семья, чье развитие в эпоху петровских преобразований представляется ведущим двигателем нравственного развития общества.

В современном российском обществе проблемы нравственности, патриотизма, уважения к историческому прошлому весьма актуальны, что объясняет и интерес к этносоциальным и этнокультурным особенностям нашего народа, формировавшимся на протяжении столетий. Современное российское общество, пережив ряд реформ, затронувших, помимо политических и экономических областей, и область этическую, в известном смысле схоже с российским обществом конца XVII — начала XVIII в., когда социум переживал этап, связанный с попытками Петра I европеизировать страну. Черпая опыт из исторического знания, возможно провести качественные преобразования в обществе современном.

Библиографический список

1. *Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 52 с.
2. *Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 556 с.
3. *Анпилогова Е. С.* Публичная жизнь женщин высших сословий на рубеже XVII—XVIII веков // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/Anpilogova/> (дата обращения: 29.11.2010).
4. *Анпилогова Е. С.* Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII—XVIII веков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 92. 27 марта. URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/anpilogova_92_45_48.pdf (дата обращения: 27.03.2010).
5. Брачно-семейное право в России XV—XVIII вв. // Образоват. портал. 3 мая. URL: <http://education.prompter.ru/828.html> (дата обращения: 03.05.2010).
6. *Ватала Э.* Любовные утехы русских цариц. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 590 с.
7. *Вебер Ф.* Записки о Петре Великом // Русский архив. 1872. 18 июля. URL: <http://bibliotekar.ru/reprint-44/index.htm> (дата обращения: 18.07.2008).
8. *Долгорукая Н. Б.* Своеручные записки // Записки русских женщин XVIII — первой половины XIX века / сост. Г. Н. Моисеева. М. : Современник, 1990. С. 41—66.
9. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подгот. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова, М. В. Пименовой. М. : Сов. Россия, 1990. 304 с.
10. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. : АСТ : АСТ Москва : Транзиткнига, 2005. 1129 с.
11. *Иконников В. С.* Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нея. Киев : Унив. тип., 1874. 495 с.
12. *Кайзер Д.* Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX в. : тез. докл. Междунар. конф.-чтений памяти акад. Л. В. Черепнина. М. : 1994. Ч. 2. С. 225—237.
13. Как жену учить, как себя лечить, как судьбу узнать. СПб. : Авалонь : Азбука-классика, 2008. 304 с.
14. *Корогодина М. В.* «Или мучивал жену напрасно, а не по закону?..» // Человек. 2003. № 6. 11 июля. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/BAVA/BAVA.HTM> (дата обращения: 11.07.2008).
15. *Короткова М. В.* «Родство — священная вещь»: православные традиции и европейские новшества в московских дворянских семьях XVIII — начала XIX в. //

- Слово : православ. образоват. портал. 30 апр. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39053.php?PRINT=Y> (дата обращения: 30.04.2010).
16. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск : Русич, 2003. С. 3—278.
 17. *Котошихин Г.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII веков : сб. / сост. Ю. А. Лабынцев. М. : Сов. Россия, 1984. С. 162—315. (Сокровища древнерус. лит.).
 18. *Кулагина А.* «Привыкай, душа Марьюшка...»: свадьбы в Московии // Родина. 1997. № 11. С. 103—106.
 19. *Листова Т. А.* Благословение на брак // Родина. 1997. № 5. С. 100—104.
 20. *Макашина Т. С.* Свадебный обряд // Русский Север. Этническая история и народная культура, XII—XX века. М. : Наука, 2001. С. 473—574.
 21. *Михневич В. О.* Русская женщина XVIII столетия. М. : Панорама, 1990. 404 с. Репринт. изд. 1895 г.
 22. Обычай и обряды русского народа. От крестин до поминок / сост. И. А. Панкеев. М. : Олимп : Астрель : АСТ, 2008. 539 с.
 23. Описание о браке между Ее Высочеством Анной Петровной, цесаревной Всероссийскою, и его королевским Высочеством Карлом-Фридрихом, герцогом Голштейн-Готторпским // РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1—4.
 24. *Пономарёва В. В., Хорошилова Л. Б.* Мир русской женщины. Воспитание, образование, судьба, XVIII — начало XX века. М. : Рус. слово, 2006. 320 с.
 25. *Пономарёва В. В., Хорошилова Л. Б.* Мир русской женщины. Семья, профессия, домашний уклад, XVIII — начало XX века. М. : Рус. хронограф, 2009. 352 с.
 26. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М. : Наука, 1997. 289 с.
 27. Чин свадебный // РГБ. Ф. 205. № 340. Л. 145—171. (Подгот. текста, перевод и коммент. В. В. Колесова). Цит. по: Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. 16 окт. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5146> (дата обращения: 16.10.2008).
 28. *Шангина И. И.* Русские девушки. СПб. : Азбука-классика, 2007. 352 с.
 29. *Щербинина О.* Тайны брака. В зеркале обряда // Родина. 1997. № 5. С. 98—100.
 30. Эротика в русской литературе. «А се грехи злые, смертные...» : русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века : в 3 т. / сост. Н. Л. Пушкарёва, Л. В. Бессмертных. М. : Ладомир, 2004. Т. 1. 746 с.
 31. *Boskovska N.* Die russische Frau im 17 Jahrhundert. Koln ; Weimar ; Wien : Bohlau, 1998. 498 S.
 32. *Lamarche Marrese M.* A Women's Kingdom : Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700—1861. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2002. 280 p.
 33. *Pushkareva N. L.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk (N. Y.) : M. E. Sharpe, 1997. 265 p.
 34. *Rossllyn W.* Women and Gender in 18th Century Russia. Nottingham : Ashgate, 2003. 284 p.

ББК 82.3(2=М)

В. О. Белевцова

ТРАДИЦИОННАЯ БРАЧНАЯ ОБРЯДНОСТЬ МАРИЙЦЕВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.: МОДЕЛЬ ГЕНДЕРНОЙ ИЕРАРХИИ

Система обычаев и обрядов формировалась на ранних этапах развития человеческого общества. По мере развития этноса изменились форма, содержание и функции обрядов. Большой степенью сохранности традиционных элементов отличается семейная обрядность, связанная с основными моментами жизни человека в семье — рождением, свадьбой, похоронами. Свадебная обрядность является одной из наиболее устойчивых форм обрядности благодаря своей значимости в традиционной культуре. Она относится к обрядам перехода, связанным с переломными моментами в жизни человека, с изменением его социального статуса, нормативного поведения, функциональных обязанностей и места в иерархии новой семьи. В условиях традиционного социума гендерные роли базируются на коллективных представлениях и поведенческих моделях, что практически исключает любые отклонения и нововведения.

Традиционная свадьба — это сложный комплекс обычаев и обрядов, имевших социальное, правовое, мировоззренческое, религиозно-магическое и иное значение [5, с. 156]. Вся совокупность этих обрядов направлена на утверждение гендерных отношений, ролей и иерархии в новой семье, которые должны быть идентичны ценностям общества.

В статье предпринята попытка выявить взаимосвязи между обрядами свадебного цикла и моделью гендерной иерархии в традиционной семье, а также рассмотреть основные женские и мужские персонажи в традиционной брачной обрядности мари и их гендерно-функциональное значение.

Брачная обрядность нами рассматривается как структурный элемент традиционной культуры, как сложный комплекс социальных коммуникаций и регулятивов, один из важнейших институтов социализации личности в формировании культурных, этнических, нравственных ценностей и поведенческих моделей.

Брачный возраст юношей в конце XIX — начале XX в. колебался от 16 до 24 лет при наиболее распространенном возрасте вступления в брак 18—20 лет. Возраст невесты нередко превышал возраст жениха на 3—5 лет, т. к. родители не спешили выдавать дочерей замуж, чтобы они потрудились в своем хозяйстве, в то время как сына было выгодно женить раньше, чтобы иметь в доме работницу [5, с. 157].

В указанный период браки у марийцев заключались двумя способами: путем договора между родственниками и путем похищения женихом невесты — *ўдыр шолыштмаши, онцыц келиен шолышмаш* [10, с. 9].

Заключение брака путем умыкания невесты было широко распространено у восточных марийцев и совершалось даже чаще, чем брак по договору [9, с. 114]. Похищение в конце XIX в. уже получило в большей степени обрядовое значение и проходило с согласия девушки, а иногда и с молчаливого согласия родителей. Такая форма брака вызывалась, главным образом, желанием снизить выкуп за невесту, приблизить дату свадьбы. Например, у марийцев Кичкняшевской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии согласие на похищение невеста давала в виде подарка жениху [6, с. 44]. В Малмыжском уезде Вятской губернии данный способ заключения брака оформляется сопутствующими обрядовыми действиями. Наутро после похищения молодые, отец жениха, сват отправлялись к отцу невесты с гостинцами. После решения денежных вопросов между сватами проходило совместное пированье, только с меньшим размахом.

Этот сюжет достаточно ярко иллюстрирует как доминантное положение жениха и его право на выбор невесты, так и проявление свободы выбора со стороны невесты, что даже оформляется определенным обрядовым действием — дарением подарка. При таком способе заключения брака жених и невеста ведут себя как активные персонажи, однако это можно считать довольно поздним явлением. Следы традиции похищения невесты прослеживались не только в свадебном комплексе восточных марийцев. У части луговых и горных марийцев встречается обрядовый откуп жениха от парней той деревни, откуда он берет невесту, нередко сопровождавшийся обрядовой погоней. Не исключено, что данный способ заключения брака мог в прошлом относиться к универсальным явлениям марийской свадьбы. И в этом случае можно говорить о привилегированном положении мужчины и дискриминации женщины в традиционном представлении иерархии семьи у марийцев.

Вторая форма заключения брака — договор между родственниками — в конце XIX — начале XX в. была более распространена, при этом сохранялся весь цикл обрядов. Свадьба с исчерпывающим исполнением свадебного ритуала считалась наиболее правомерным актом оформления брака.

Свадебный цикл начинался с выбора брачного партнера, сватовства, освящения брачного договора как ознаменования завершения процесса выбора невесты. Весь процесс состоял в основном из встреч родителей, родственников и соседей с обеих сторон. Участие же будущих супругов в нем было достаточно пассивно.

Поиск брачного партнера, по сути, являлся поиском невесты. Роль семьи невесты была более инертна и заключалась в принятии положительного или отрицательного решения в отношении семьи жениха, причем согласие родителей невесты носило вторичный характер.

К выбору невесты подходили основательно, и кандидатуру подбирали сразу по ряду критериев. У марийцев запрещались браки между родственниками до седьмого колена. В большинстве случаев они заключались с девушками в пределах «брачного округа» [2, с. 215; 3, с. 112], т. е. носившими тот же го-

ловной убор и говорившими на том же диалекте. Кроме того, большое значение имела семья девушки, материальное положение, репутация. Если говорить об обобщенных идеальных добродетелях девушки, ими являлись физическая и умственная полноценность, здоровье, трудолюбие, умение вести хозяйство.

Традиционно в выборе невесты жениху активно помогали его родственники-мужчины. На смотрины у марийцев отправлялась группа людей во главе с организатором мероприятия, выступавшим посредником между семьями. Человека, по чьей рекомендации осуществлялось сватовство, называли *тулар мари*, куда *мари* (сватун), *тамлуше*, *темче* (сват), у горных марийцев — *туклар мара* (сват). С течением времени, видимо под влиянием русского населения, в марийской свадьбе определенную роль начинают играть женщины-свахи, хотя в традиционной марийской свадьбе этот персонаж отсутствовал. Появляются специальные термины, обозначающие конкретных действующих лиц: *ончыч коитшио вате* (жена сватуна из деревни невесты), *тулар вате* (жена свата), *сваха-вате*, *темлыше вате* (сваха, сватунья). Прямым результатом русского влияния на свадебный ритуал горных и луговых марийцев, соседствующих с русским населением, явилась смена в начале XX в. марийских терминов, обозначающих сватов и сватовство, русскими заимствованиями — *сватояшь*, *сватун вате* и *сыватайаш*, *сваха-вате* [9, с. 104]. Именно у горных марийцев, чьи контакты с русскими были наиболее интенсивными и продолжительными, центральное место в обряде сватовства стала занимать женщина (Козьмодемьянский уезд). У восточных марийцев встречается и группа свах: 1-я — *карт* (исполняющая религиозные обряды), 2-я — *пурашь* (распоряжающаяся угощением), 3-я — *вейн-карт* (ответственная за песни и пляски) [4, с. 173]. Хотя у восточных марийцев, по свидетельству информаторов, сватами могла выступать семейная пара — *тулар тыши*¹.

Таким образом, можно отметить, что в традиционной брачной обрядности марийцев начиная уже с предсвадебного цикла мужчины занимали центральное место. С течением времени, возможно под влиянием славянского компонента, ситуация изменилась. Женщины стали занимать все более устойчивые позиции, что упрочило их положение в проведении обрядовых действий. Женщины-свахи наравне с мужчинами стали принимать активное участие в выборе невесты, а также в организации свадебного торжества.

После смотрин следовало сватовство, где и должно было быть принято окончательное решение о заключении брака с освящением брачного договора. Как правило, согласие на брак давали родители невесты, но традиционными нормами предусматривалась и некая свобода выбора со стороны невесты. Так, например, согласие на замужество давалось самой девушкой, если она принимала дары сватов и пила их вино. У марийцев Царевококшайского уезда в случае несогласия родителей невеста сама выходила к сватам и выпивала вино [10, с. 136]. У моркинских марийцев девушка на самом обряде не присутствовала; если она была согласна на брак, то пряталась в таком месте, чтобы ее могли найти, и это расценивалось как согласие; в противном случае сватовство счита-

¹ Полевые материалы автора, 2008 г. Республика Башкортостан, Балтачаевский, Бирский, Бакалинский районы.

лось не состоявшимся [12, с. 56]. В некоторых районах подарок невесты являлся символическим согласием на брак. Кроме того, вышитое полотенце, подаренное невестой жениху, служило неким знаком получения ею нового социального статуса. Одариваться также могли сватья, родственники жениха, в частности отец. Во время сватовства у части луговых и восточных мари девушка в знак согласия выйти замуж дарила жениху поясное полотенце, у горных — полотенце. У уржумских марийцев жениху и сватам подносили стакан с вином, покрытый подарком.

В выборе брачных партнеров в традиционном обществе, несомненно, основную роль играли семьи будущих новобрачных. Нельзя отрицать роль товарно-денежных отношений для заключения брачного союза, вопрос размера приданого и брачного выкупа был ключевым. Однако нельзя говорить и об абсолютно пассивной роли брачующихся. Традиция предусматривала в исключительных случаях решение самой невесты.

У горных марийцев накануне свадьбы в домах жениха и невесты варили пиво, стряпали. У невесты пиво делали ее подруги. Мать жениха, жених и его дружка приезжали к невесте, для того чтобы выкупить невестино пиво. В моркинскинской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии марийцы перед свадьбой устраивали девичник — *үдыр ончыл йӱмӧ*.

После сватовства и дополнительных договоренностей семьи новобрачных начинали готовиться к свадьбе. В невестиной семье готовили приданое — *кумалтыш*. Большую помощь невесте оказывали ее сверстницы: вышивали рубахи, полотенца, платки, традиционные женские головные уборы. В приданое входили все необходимые вещи: подушки, одеяла, рубахи, летние и зимние варианты верхней одежды, традиционные головные уборы, полотенца, отрезки ткани, подарки родственникам жениха. Обрядовое оформление процесса укладки приданого было свойственно в основном марийцам Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов. Сбор сундука невесты происходил после девичьей бани, перед прибытием свадебного поезда. В этом принимали участие подруги невесты и ее крестная мать. Она и родители невесты перед укладкой вещей бросали в сундук хмель, зерно или мелкие монеты для того, чтобы у дочери не переводилось добро. Затем в него складывали вещи невесты, подарки родственникам жениха, поверх всего — каравай хлеба [9, с. 113]. У горных и луговых марийцев приданое в основном отвозилось в дом жениха непосредственно во время проведения свадебного торжества. Кроме того, у горных марийцев существовал обычай вывешивать предметы одежды из приданого во дворе жениха для всеобщего обозрения.

В изучаемый период у всех народов Поволжья браки были патрилокальными, т. е. жена всегда переходила в семью мужа [3, с. 111]. Патрилокальный брак был присущ и марийцам, но ряд элементов брачной обрядности, например гостевание поезжан жениха у невесты, указывает на бытование в прошлом матрилокального брака. Вследствие распространения православных традиций изменения коснулись локализации свадьбы: можно отметить переход от матрилокальности к патрилокальности всего свадебного церемониала. У некрещеных мари кульминационные свадебные обряды соответственно матрилокальной традиции проходили преимущественно в локусе невесты или локализова-

лись как у невесты/посаженных родителей, так и у жениха. Среди горных и луговых марийцев (Васильевского, Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов), где православие играло значительную роль, основные свадебные обряды совершались в локусе жениха. Кроме того, часть обрядов (освящение брачного договора, смена головного убора) переносилась на территорию православного храма.

Восточные марийцы, уплатив *олно* родителям невесты, привозили ее задолго до самой свадьбы в дом названного отца. Но перед отъездом в доме невесты устраивалась малая свадьба — *юкташ* (букв. напоить)/*күрö йўмаш* (букв. предбрачный пир), на которой присутствовали родственники невесты и которая, по свидетельству информаторов, проходила также с большим размахом². В день накануне свадьбы названные родители устраивали ее в отдельном доме «девичьих игр» — *ўдыр модмо пор*. В нем собиралась вся деревенская молодежь. Невеста — *ўдыр* и ее подруга — *ончыч шогышо* сидели за столом. Участники свадьбы несколько раз приходили к невесте, приглашая ее своими песнями идти вместе с ними к жениху. Только после третьего посещения она соглашалась идти в дом посаженных родителей [7, с. 167]. Само свадебное торжество также проходило в доме названных родителей, отсюда же ее увозили в дом жениха.

Свадебный цикл начинался со дня бракосочетания. Во время свадьбы каждый родственник семьи, житель деревни (общины), сверстник жениха и невесты играл свою особенную социальную роль в свадебном церемониале.

Первым по значимости чином являлся глава свадьбы — *сўан вуй*. Он выполнял функции распорядителя. В Помьяльской волости *сўан вуй* был в сопровождении жены [1, с. 140]. Им мог быть крестный отец жениха, если крестные родители играли важную роль в социальных связях. У некрещеных марийцев главным действующим лицом на свадьбе оставался человек, исполняющий религиозные обряды при заключении брака, т. е. *карт* [12, с. 51—52]. Информаторы свидетельствовали также о том, что в Яранском уезде, вероятно под русским влиянием, молитву могла совершать пожилая женщина³. Несмотря на то что главную роль играли по большей части мужчины, женщины также занимали значительное положение в проведении свадебного церемониала. Так, ключевыми фигурами свадебной церемонии являлись женские персонажи — женщина или группа женщин, которые проводили обряд смены головного убора. Названия и родственные связи невесты с этими женщинами локально различаются, но при этом сохраняется главная функция — содействие переходу невесты в новый социальный статус, закрепленный внешними атрибутами (смена девичьего головного убора на женский). Например, у луговых марийцев, где важную роль играли посаженные родители — *кияматлык ача* и *ава/тулар* и *тулаче/крес ача ава*, именно *кияматлык ава* (*тулаче*) производила обряд смены головного убора. Аналогичную функцию у горных марийцев выполняла жена мнимого жениха — *кугу венге* [7, с. 135]. В Арбанской и Вараксинской волости

² Там же.

³ Полевые материалы автора, 2006—2010 гг. Республика Марий Эл, Куженерский, Медведевский, Оршанский, Мари-Турекский, Парангинский, Сернурский районы.

Царевококшайского уезда и в Козьмодемьянском уезде этот персонаж назывался *свах-вате*. У некрещеных марийцев она называлась *вуй пугурма ава* (букв. обертывающая голову мать).

У моркинских марийцев роль посаженной матери — *кияматлык ава* исключительна. В ее обязанности входили смена девичьего головного убора на женский, исполнение всех ключевых свадебных обрядов вместе с молодыми. Во время вхождения в дом родителей жениха посаженная мать от имени невесты одаривала всех присутствующих полотенцами. Обязательным атрибутом у *кияматлык ава* была пуховая подушка, на которой везли невесту, сажали в доме жениха, а посаженная мать использовала ее для защиты. При проведении постельного обряда *кугу венге* должен был ударить невесту трижды кнутом, а посаженная мать — закрыть невесту от удара. Данному обряду придавали большое значение и считали, что от его исхода будет зависеть вся дальнейшая жизнь молодой⁴. Обязательными чинами на свадьбе были подруги невесты — *ончыч шогышо ўдыр*, *пелен шогышо ўдыр*, *онцылан шогышо ўдыр* (букв. впереди стоящая, рядом стоящая, подруга невесты). У горных марийцев известно еще одно название — *ыдыр гуньыр/ыдыр гыньыр*. В их функции входило встречать жениха и его свиту у невесты, сопровождать невесту, выполнять вместе с ней обряды (моркинские марийцы), помогать одевать невесту.

Диалектные различия относительно этого чина определялись тем, к какому роду относится этот персонаж. У горных и части восточных марийцев (Белебеевский уезд) подругой невесты являлась сестра или племянница жениха [6, с. 36]. Тогда в ее функции также входило сопровождение невесты к источнику воды, встреча в доме жениха. У луговых марийцев подруга невесты выбиралась со стороны невесты и ее присутствие на свадьбе ограничивалось проводами невесты из отчего дома. В этом случае ее функции в доме жениха выполняла посаженная мать или незамужняя родственница жениха — *лашка шолтышо удыр* (букв. Девушка, варящая суп-лапшу) [5, с. 170].

В некоторых районах присутствуют чины с узкой направленностью функций. *Тулача* сопровождала невесту в кибитке, *чаза корка кушычо ўдыр* отвечала за сбор денег при выкупе приданого или места рядом с невестой. У моркинских марийцев появляется специфический персонаж — *первый ўдыр* (первая невеста), который выбирался из родственников невесты. Молодого человека одевали в свадебный кафтан невесты — *сывын* и приводили к столу, который он обходил три раза. Это делалось с целью защиты невесты [12, с. 58]. Интересно, что здесь для оберега женскую роль отдавали мужчине.

Таким образом, можно сделать вывод, что женщины выступали и как хранительницы этнических традиций семьи. Женские роли в традиционной свадебной обрядности имели характер символического приобщения к женской группе, играли важную роль в консолидации женского сообщества вокруг главной его ценности и главного символа — семьи. В соответствии с выполнением приоритетной функции происходила организация женского пространства в свадебной обрядности. Женские роли в основном обеспечивали приобщение молодой к новой социальной ипостаси, именно женщины переводили ее в дру-

⁴ Там же.

гой социальный статус (смена головного убора). Статус девочек и пожилых женщин определял более пассивную и замкнутую линию поведения. Замужним женщинам отводилась самая активная организационная роль, хотя зачастую они могли выступать лишь в паре с законным супругом. Промежуточное положение между ними занимали незамужние девушки. В то же время функции молодых замужних женщин в традиционной свадебной обрядности имели более развлекательный характер, особенно ярко выраженный в предсвадебном и свадебном циклах. Так, *сյан-ватэ* являлись неотъемлемыми персонажами в свадебной обрядности, именно эта группа женщин отвечала за фольклорную составляющую обряда.

Что касается самой невесты, на протяжении всего свадебного церемониала ее роль была довольно пассивна, все обрядовые действия были направлены в основном на проверку практических навыков и проведение защитных обрядов.

Некрещеные марийцы (преимущественно восточные) придавали очень большое значение первым минутам пребывания невесты в их доме. Они не выходили встречать молодую и проводили специальные обряды. Новобрачным предлагалось отведать блюдо из одной ложки. В это время дружка своей плетью снимал с головы невесты лисью шапку и лицевое покрывало. Обойдя стол три раза, молодые показывали свое почтение к семейным традициям. Невеста дарила свекрови рубаху — *опса лондэм тувур* (букв. рубаха порога), за то что ей разрешили переступить порог [5, с. 171].

Одаривание молодой родственников жениха являлось характерным элементом свадебной обрядности всех ареалов. Наибольшей структурированностью, регламентацией, строгой последовательностью и сложностью отличались обряды, проводившиеся у восточных и луговых марийцев. Здесь они проходили в несколько этапов и сопровождали практически все действия молодой жены в новом доме. У моркинских марийцев процесс одаривания также состоял из нескольких этапов. Во время вхождения в дом родителей жениха посаженная мать от имени невесты одаривала всех присутствующих полотенцами, при этом жених, невеста и посаженная мать вставали на колени⁵ [12, с. 60—61]. Обычай одаривания требовал, чтобы невеста имела много полотенец, поясов, женских головных уборов, платков и других предметов. В качестве подарка применялся также холст. Особенным богатством и сложностью выделялись подарки для родителей жениха. По традиции невеста должна была их одеть «с головы до ног». Так, в Яранском уезде подарок свекрови при посещении первой бани превышал по значимости даже свадебный и состоял из верхней и нательной одежды⁶.

Первый визит молодой к источнику воды был направлен на приобщение молодой жены к роду мужа. Общим моментом являлось одаривание сопровождающей/сопровождающих молодушку и принесение своеобразной жертвы богине воды: монет — Козьмодемьянский и Ветлужский уезды, бисера — Царвококшайский уезд [10, с. 132—133].

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Обряд «разрубания порога» — *опса лондэм тувур руымаш/омса лодэм пўчмө* — это специфичный обряд марийской свадьбы, распространенный в основном среди луговых марийцев. Родственники приглашали новобрачных к себе в гости. Во время посещения дома осуществлялся символический выкуп права на переход через порог избы родственников. Для этого невеста должна была положить на порог серебряную монету, по которой хозяин три раза ударял топором [5, с. 172]. После этого невеста могла беспрепятственно входить в дома родственников жениха. В Мари-Турекской волости Уржумского уезда данный обряд проводил маленький мальчик⁷. В Яранском уезде обряд проделывали при вхождении в каждый дом. У моркинских марийцев молодуха прежде всего посещала дом посаженных родителей, где и проводился обряд «разрубания порога» — *омса лодэм пўчмө*, после чего молодая дарила посаженной матери головной убор [1, с. 146].

Заслуживает внимания еще один цикл обрядов, подвергшийся серьезным изменениям и получивший новое осмысление у марийцев в XIX в., — обряды, направленные на проверку целомудрия невесты. До принятия христианства марийцы не уделяли девственности невесты особого внимания. Напротив, наличие у невесты ребенка свидетельствовало о ее способности к деторождению. Так, по мнению исследователей XIX в., добрачное сожитие не являлось помехой для заключения брака. С введением христианства данные постулаты подверглись переосмыслению и девственность невесты стала рассматриваться как одно из обязательных условий заключения брака. По мере распространения христианской морали девственность невесты стала необходимым условием для совершения обряда бракосочетания с соблюдением всего традиционного обрядового комплекса. В противном случае стоимость вносимого выкупа за невесту снижалась в несколько раз и свадьба проходила без особых обрядовых действий: по свидетельству информаторов, на такой свадьбе нельзя было использовать музыкальные инструменты и петь⁸. А. Фукс отмечает, что у луговых марийцев обряд проверки девственности невесты проводился в течение первого дня свадьбы и завершался демонстрацией результата. В случае невинности невесты жених выказывал любовь к молодой жене, а в противном случае мог даже побить [11, с. 223]. В тех районах, где общение с русскими было более тесным (юринский, килимарский кусты), утром второго дня свадьбы молодых усаживали вместе со свадебными гостями за стол и подносили молодому рюмку вина. Если молодая сохранила невинность до свадьбы, он выпивал вино и ставил рюмку на стол. В противном случае муж бросал рюмку с вином на пол. По мере распространения этого обряда он постепенно видоизменяет исконные марийские традиции. Так, в центральных волостях Царевококшайского и Яранского уездов обряды, связанные с проверкой целомудрия невесты, исполнялись во время послесвадебного посещения молодыми ее родителей. Если зять начинал во время застолья брать специально приготовленную яичницу — *пурлашкамуно* осторожно, с краешка, это свидетельствовало о невинности молодой, иначе он брал угощение посередине и переворачивал

⁷ Там же

⁸ Там же; Полевые материалы автора, 2008 г.

ложку. В благодарность теще зять клал за пазуху серебряные монеты — *цызы пукшымылан* (букв. за кормление грудью) [9, с. 116].

Таким образом, под влиянием христианизации изменяются и традиционные языческие верования марийцев, в большинстве случаев представляя собой синкретизм язычества и православия, что впоследствии оказывает влияние и на семейно-брачную обрядность. В контактной зоне отмечается ослабление язычества и, как следствие, упрощение языческого обряда бракосочетания, упрощение или переосмысление согласно христианской традиции некоторых магических обрядов, появление новых элементов в традиционной структуре свадебного церемониала (обряды, направленные на проверку девственности невесты). Именно процесс христианизации видоизменил традиционные духовные ценности, выработал стереотипы гендерных ролей и поведения, идентичные ценностям патриархатного общества. Постепенно система ценностей патриархатного социума, закрепленных в соответствующей системе обрядов и обычаев, частично была заимствована марийцами у русских через религиозные воззрения.

После свадьбы мужское пространство долгое время оставалось закрытым для молодой жены. Она не имела права разговаривать со свекром и старшими братьями мужа до тех пор, пока не получала специального разрешения от них.

Важное место в послесвадебном периоде занимают так называемые обряды избегания. По отношению к молодушке, чаще в течение первого года пребывания в семье мужа, действовали строго регламентированные правила и ограничения. В частности, молодушка не имела право появляться в присутствии свекра и вообще старших родственников без головного убора и босиком. В Царевококшайском уезде она обязана была носить весь комплект праздничных украшений в течение первого года брака.

Своих родителей молодая жена могла навестить в первый раз только вместе с мужем. В ближайший после свадьбы праздник новобрачные направлялись в гости к родителям жены. Это посещение у луговых марийцев называлось *первый йошо*. У марийцев Козьмодемьянского уезда оно проходило через три дня после свадьбы и называлось *шарпан андижиктали* (букв. шарпаный пир); новобрачные ехали с родителями мужа к тестю в гости с пивом и масляными лепешками [7, с. 146].

Первая поездка молодоженов в родительский дом молодушки имела очень большое значение, молодая впервые представлялась своим родителям и родственникам в женском головном уборе, олицетворяющем ее статус замужней женщины. У восточных марийцев первое посещение молодыми родителями невесты носило название *ончыч йўаш кая* [8, с. 191].

Таким образом, можно заключить, что традиционная брачная обрядность марийцев, начиная с выбора брачного партнера и заканчивая послесвадебными обрядами, задавала однозначную конфигурацию гендерных отношений будущей семьи. Во время совершения традиционного свадебного церемониала молодые приобретали практические и теоретические знания о супружеской жизни. Стереотипы поведения закладывались уже на уровне брачного церемониала, который характеризовался устойчивостью, заложенное в обрядовой системе смысловое содержание было органично представлением народа, а само обря-

довое действие выступало регулятором поведения и сознания, кодирующих социальную, культурную и этическую информацию.

В указанный период принцип маскулинности в традиционном социуме мари был распространен практически повсеместно. Большое значение в сохранении традиций имел опыт старшего поколения, позволяющий знакомить членов семьи с требованиями традиционного этикета внутрисемейных отношений, а также с традиционными праздниками и обрядами. Место и роль отца в культуре Среднего Поволжья определялись его посреднической функцией между семьей и обществом. Характерной особенностью было устойчивое половозрастное разделение труда: мужчина выступал как кормилец, пример для подражания, непосредственный наставник.

Проблема отмирания традиционной культуры сегодня стоит довольно остро; потребности общества в самоидентификации, сохранении и трансляции собственных традиций существенно возрастают. Под воздействием урбанизации, индустриализации, информатизации происходят серьезные изменения в отношениях между мужчиной и женщиной, в том числе в сфере семейно-брачных отношений. В связи с этим традиционная культура в целом и семейно-брачные отношения как один из ее важнейших компонентов выполняют функцию стабилизации и сохранения базовых культурных ценностей. Модель традиционной семьи с жесткой дифференциацией ролей мужа и жены сегодня утратила свою целесообразность не только в рамках региональной культуры, но и в рамках целой страны, которая в настоящее время переживает серьезные социальные и культурные трансформации. Но культурная ценность семьи по-прежнему сохраняется в виде идеальной модели. Традиционные роли, при которых женщина вела домашнее хозяйство, рожала и воспитывала детей, а муж был хозяином, часто единоличным собственником имущества и обеспечивал экономическую самостоятельность семьи, продолжают сохранять актуальность и являются традиционными для марийцев. По этой причине не доминирующие члены общества, которые находятся вне государственно-политической жизни и дистрибутивных экономических сетей, в своих ценностно-психологических установках и поведенческих моделях сами реализуют идею маскулинной доминанты. Воспитанное в жестких императивах женское сознание воспринимает следование патриархальным традициям и мужскому авторитету как долг.

Сегодня традиционный мужской и женский поведенческий комплекс, имеющий социально-историческую основу, претерпел значительные изменения, однако главными хранителями и трансляторами традиционной культуры являются именно женщины.

Библиографический список

1. *Евсеев Т. Е.* Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. 1927. № 10. С. 125—165.
2. *Козлова К. И.* Марийско-русские этнические границы и связи в XVII—XVIII вв. // Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1971. С. 213—236. (Тр. МарНИИ; вып. 23).
3. *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. М. : Изд-во МГУ, 1964. 175 с.

4. *Лоссиевский М. В.* Черемисская свадьба // Зап. Оренбург. отд-ния Императ. геогр. о-ва. СПб., 1881. Вып. 4. С. 170—176.
5. Марийцы : ист.-этног. очерки. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
6. *Мендиаров Г.* О черемисах Уфимской губернии // Этногр. обозрение : изд. этногр. отд-ния Императ. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1894. № 3. С. 34—54.
7. *Михайлов С. М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1972. 423 с.
8. *Сенеев Г. А.* Восточные марийцы : ист.-этногр. исслед. материальной культуры (середина XIX — нач. XX в.). Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1975. 245 с.
9. *Смирнов И. Н.* Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокульт. традиции марийского народа. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1986. С. 98—121.
10. *Смирнов Н. Н.* Черемисы : ист.-этногр. очерки. Казань : Тип. Императ. ун-та, 1889. 155 с.
11. *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань : Тип. Императ. ун-та, 1840. 329 с.
12. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемисов. Казань : Изд. Православ. миссион. о-ва, 1887. 87 с.

ББК 82.3(2-Ч)

О. А. Иванчина

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СЮЖЕТАХ ЧУВАШСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Сказки чувашского народа, как и сказки других народов, затрагивают все стороны жизни этноса. В них отражены представления о добре и зле, жизни и смерти, земле и небе, счастье и горе, прекрасном и безобразном, людях и животных и, конечно же, представления о женщине и мужчине.

При анализе текстов сказок мы опирались на методологию структуралистской работы В. Проппа «Морфология “волшебной” сказки» [2], с внесением в нее ряда изменений, связанных с нашими задачами. Поэтому наиболее важным атрибутом будет являться пол персонажей, в соответствии с которым рассмотрены все остальные атрибуты, функции, мотивировки.

Наиболее распространенная типизация гендерной конфигурации, которую вводят исследователи, — это различие сказок по субъекту [1, с. 67]. В сказках, где субъект — мужчина, выделяют несколько сюжетов [1, с. 68]. В результате анализа чувашских сказок с мужчиной-героем были выявлены следующие наиболее распространенные варианты гендерных конфигураций: «герой-богатырь и женщина-приз (царевна)», «молодец и царевна».

Для гендерной конфигурации «герой-богатырь и женщина-приз (царевна)» характерен канон героя-богатыря, который отчетливо представлен в сказках «Как крестьянский сын за солнце работал», «Эдикан и Удикан», «Иван Иванович и Лазарь Лазаревич», «Чуста-батыр». Типичным видом испытания для героя является физическая борьба с врагами: «На Эдикана набрасывается сразу добрая сотня чертей, он выхватил меч и начал рубить водяных налево и направо. Махнет налево — десяти чертей нет, махнет направо — двадцати чертям головы срубит» [3, с. 56].

Атрибуты, которыми обладает царевна, совпадают с атрибутами сказочного канона положительной героини-жертвы. Она, как правило, пассивна в своих действиях, подчиняется воле отца: «Царь сдержал свое слово, выдал прозревшую дочь за крестьянского сына» [3, с. 128]. Распространенное испытание для героини — проверка силы любви и преданности любимому мужчине: «Уходя в солдаты, оставил Эдикан в деревне невесту — красивую девушку Селиме. Селиме обещала ждать Эдикана. Родители девушки <...> решили выдать дочь против ее воли за другого парня. Селиме с горя и отчаяния утопилась» [3, с. 55]. Умение самозабвенно и преданно любить — одно из наиболее поощряемых качеств положительной героини.

Вознаграждение женских добродетелей: терпения, покорности, преданности — внешняя красота, удачный брак, счастливая семья и богатство. Это традиционный идеал женской судьбы.

Таким образом, рассмотренная гендерная конфигурация (молодая положительная героиня, богатырь-молодец) демонстрирует гендерный традиционный патриархальный стереотип. Психологические черты, предписанные женщине в рамках такого стереотипа, — терпение, покорность, сострадание, верность, жертвенность.

Гендерная конфигурация «молодец и царевна» («Бытыр и Чигехурсухал», «Юман и Чадах», «Иван-простак», «Иван-батыр», «Юман-батыр», «Иван») характеризуется тем, что протагонистом в этих сказках выступал один из сыновей (младший или старший, единственный) в семье. Положительному герою покровительствуют волшебные силы, воздаявая ему за доброту, жалость, уважение к старшим. Он часто обладает чертами, которые в рамках патриархального стереотипа считаются типично женскими. Он близок к природе («У Ивана было два любимца: жеребенок и кудлатый щенок» [3, с. 246]), которая помогает ему; запросто выражает свои чувства: легко плачет, лихо радуется («Идут отец с сыном по земле и нарадоваться не могут <...> вдруг откуда-то взялся и с криком пролетел коршун над их головами. Юман сразу же опечалился» [3, с. 51]).

Женские персонажи в сказках с описанным выше сюжетом не просто являются субъектом поисков и вознаграждением героя, круг их действий расширяется. Здесь героиня (царевна Марье, красавица-Уга) задает трудные задачи: «Если не побоишься трудов и опасностей, приходи ко мне и буду я тебе верной и любящей женой, но помни, придется тебе износить три пары железных сапог, истратить три железных посоха да три железных колобка» [3, с. 171]; снабжает героя волшебными средствами: «Подала ему девица-ненаглядная красота коумысло и золотой перстень» [3, с. 203].

Положительной героине позволительно иметь строптивый нрав, когда речь идет о выборе жениха (царевна Марье вместе с отцом стремится погубить Ивана-бытыра, отправляя его на разные испытания [3, с. 74]). Но в конце концов девушка демонстрирует покорность: «Пока они шли вместе, успели полюбить друг друга» [3, с. 76].

Физическая красота, как всегда, — обязательный атрибут положительной героини: «Младшая дочь была красоты неопикуемой...» [3, с. 251]. Кроме красоты, для героини также важны такие качества, предписанные патриархальным стереотипом, как сострадание, умение утешить и поддержать близких ей людей в трудную минуту, навыки, необходимые для ведения домашнего хозяйства. Так, царевна Уга утешает суженого словами: «Не вешай головы <...> на поклон ни к кому не пойдем, все сами справим как надо» [3, с. 174]. Она шьет наряды для родителей, накрывает богатый стол, где «так много всего наготовлено, что хватило не только на ближнюю родню» [там же], тем самым доказывая всем, что она хорошая хозяйка.

Негативными чертами женщин (мачехи) считаются зависть, коварство, нелюбовь к детям. В рамках патриархальной традиции порицается авторитаризм хозяйки дома.

Можно сделать вывод, что в сказках с данной гендерной конфигурацией патриархальный стереотип размывается, становится менее жестким и определенным. Часто испытания проходят и герой, и его невеста, однако типы испытаний гендерно дифференцированы и воспроизводят патриархальное разделение сфер жизни.

Немало чувашских сказок содержат в своих сюжетах собственно описание добродетелей девушек. Традиционная культура высоко ценила духовную красоту девушки, ее способность к умиротворению. В сказке «Девушка на луне» героиня-падчерица спасается от своей мачехи-колдуньи мольбой к луне: «Девушка в отчаянии взглянула и взмолилась на луну: “Не допусти, ясный месяц, моей гибели!”» [3, с. 165].

Уважение к природе и к проявлениям потустороннего мира выступает неотъемлемой характеристикой положительных героинь. В сказке «Старикова дочь» дочь старика безропотно терпит унижения и побои от своей мачехи, в тяжелые моменты жизни с любовью и почтением относится к природе: «Ночью она проснулась от щебетания птиц, посмотрела и увидела на дереве двенадцать голубей. Девушка тихонько запела...» [3, с. 300]; к проявлениям потустороннего мира: «Ровно в полночь из-под печки бани вылезла страшная старуха Ййе. Девушка очень перепугалась, но все же нашла в себе смелость приветливо встретить ведьму» [3, с. 301]. За свою доброту, почтение, уважение героиня награждается богатством: «...набросали ей драгоценных камней и улетели» [3, с. 300]; внешней красотой: «Тело стало белое, как мрамор, волосы и брови черные, как ночь, а губы и щеки — как маков цвет» [3, с. 301]. Ей в сказке противопоставляются злая, коварная, жадная мачеха и ее гордая, брезгливая дочь, которые за свою надменность наказываются традиционной моралью.

Сказочная мораль особое внимание уделяет описанию должного в общении и поведении девушки-невесты с представителями противоположного пола (женихами). Так, в сказках «Кукла» и «Про девушку и про ужа» представлены

два противоположных типажа девушек-невест. В первом случае выводится отрицательный персонаж — невеста, которой присущи надменность, избирательность, излишняя активность по отношению к потенциальным женихам. Она наказывается сказочной моралью со словами: «На том и кончилась сказка о разборчивой невесте-кукле» [3, с. 33].

Героиня сказки «Про девушку и про ужа» воплощает женские добродетели — доброту, покорность, кротость: «Несмело девица присела к столу...» Она демонстрирует покорность судьбе со словами: «Видно, так на роду написано. Обещаю быть тебе верной и любящей женой» [3, с. 219]. Героиня, конечно же, покоряется уготованной ей судьбе, при этом ориентируясь в своем решении на общепринятое представление о должном: «Суженого, сказывают, и на коне не объедешь». Вознаграждение женских добродетелей — удачный брак и богатство.

В чувашских сказках часто встречаются сюжеты, выводящие мораль супружеской жизни. Традиционная культура предписывает женщине роль хранительницы домашнего очага. В сказках «Про медведя», «Про девушку и про ужа» предвестием беды и несчастья в семье становится излишнее тяготение жены к родительскому дому: «Позволь мне с ребятами пойти к родителям». На что ей муж отвечает: «Потерпела бы еще три недели... Ступай, ежели так не терпится» [3, с. 222]. За проявленное нетерпение героини обеих сказок в дальнейшем несут наказание, становятся вдовами: «Говорят, жена медведя до сих пор живет у своих родителей» [3, с. 35].

Описанием отрицательных качеств замужней женщины богата чувашская сказка «Злая жена». Здесь представлен типичный отрицательный женский персонаж: героиня бездетна, по психологическим характеристикам — «сварлива и упряма» [3, с. 161], обладает жестким авторитарным характером. В семье она является лидером и управителем: «...старика ни во что не ставила, слова ему не давала вымолвить». Происходит нарушение традиционного гендерного сценария и в сфере производственно-хозяйственных отношений: «Старик делал все что надо по дому, носил воду, кормил скотину, один управлялся и с полевыми работами» [там же]. Сказочная мораль, порицая авторитаризм хозяйки, делает ее недостойной супружеской жизни и наказывает ее со словами: «Так, говорят, и жили старуха и черт в той яме, мучая и изводя друг друга до самой смерти» [3, с. 164].

В большинстве чувашских сказок заявлено типичное разделение производственно-хозяйственной деятельности. Для женщины характерны занятия, связанные с ведением домашнего хозяйства, для мужчин — деятельность вне дома, в общественной сфере. В этом смысле показательны сюжеты сказок «Пирог веревочкой», «Откуда Волга началась» («Пришла зима и невеста села за пряжу» [3, с. 226]), «Приметливый портной» и др. Ярким свидетельством гендерной дифференциации хозяйственной деятельности является и то, что женские персонажи во многих сказках оперируют в своих действиях предметами только из «женской сферы» (клубок ниток [3, с. 54], иголка [3, с. 154], метла [3, с. 153], волшебный пирог [3, с. 44], шелковый платочек [3, с. 134] и т. д.).

Традиционная культура предполагает жесткую регламентацию хозяйственной активности мужских и женских персонажей, нарушение которой приводит, как правило, к нарушению семейной жизни, как в сказке «Пирог вере-

вочкой». Будучи недовольным кулинарными способностями жены-старушки, хозяин предлагает временно поменяться хозяйственными обязанностями. Такой эксперимент завершается тем, что старик не справляется ни с одним из женских дел: «Сама занимайся своими женскими делами, а я пойду поищу по свету таких же глупых да неумелых, как ты» [3, с. 341]. Интересно отметить, что героиня-старушка испытание на выполнение мужской работы проходит успешно, однако внимание на этом не акцентируется.

Для выяснения гендерной конфигурации важно рассмотреть властные отношения между полами, воспроизводящиеся в рассмотренных сказках. Исследование показало, что люди старшего поколения независимо от пола обладают большой властью в сказочном мире. В большинстве случаев пожилые люди, родители — воплощение мудрости и знания жизни: «А и всяк молодец на сем свете женится, да не всякому женитьба удастся» [3, с. 175]. Однако сказочная мораль допускает послушание старших по возрасту (родителей) в том случае, если ориентирами в их действиях выступают лживость, коварство, скупость и др. В начале сказки «Питахир и Янзихире» государь-батюшка дает обещание егерю с ним породниться, но спустя время забывает о своем обещании и старается выдать свою дочь, красавицу Янзихире, как можно выгоднее: «Не парой моей дочери эти женихи» [3, с. 228]. И когда появляется жених, соответствующий требованиям царя-батюшки, героиня Янзихире отвечает протестом желанию родителей выдать ее замуж: «Как ни оробела царевна от этой новости, но набралась храбрости, земно поклонилась сперва отцу с матерью, потом королевичу и промолвила...» [3, с. 229]. Из текста видно, что дочь, хотя и выступает с протестом против воли родителей, но делает это с уважением к ним, за что традиционная мораль награждает героиню возможностью прожить всю жизнь с любимым человеком. Но ее неповиновение (и отсутствие родительского благословения) не остается незамеченным, платой за протест становятся изгнание ее из царства родителей и материальные лишения [3, с. 234].

Ключевым моментом в рассмотрении характеристик женских персонажей является представление о женщине как матери. Предметы быта и деятельности женщины-матери в сказках наделены волшебными свойствами, в первую очередь связанными с идеей возрождения/рождения нового. В сказке «Чустабатыр» старуха-мать «замесила тесто, вылепила ребенка» [3, с. 282].

Традиционная культура, как правило, по достоинству оценивала способность женщины к продолжению рода, эмоциональную близость матери и ребенка, высокие нравственные начала в женщине. В одной из древних чувашских сказок встречается героиня-помощница в образе «земли-матери» [3, с. 328], которая приходилась герою-богатырю названной матерью. Подобное олицетворение находим в сказке «Дети ветра», где властительницей стихии ветра выступает женское начало — «мать детей Ветра» [3, с. 43]. Однако не всегда женщина-мать является положительным персонажем. Насколько сильно традиционная мораль оценивала эмоциональную близость матери и ребенка, настолько жестко она осуждала ее отсутствие в женщине. В сказке «Земля поглотила» отрицательными персонажами выступают «пьянствующая мать» [3, с. 151] и «мать-колдунья» [3, с. 153], которые совершают по отношению к своим детям безнравственные поступки.

В сказочном нарративе пространство для женской самореализации ограничено пределами дома и семьи. Устная же традиция не исключает возможности проявления женского героизма и женского руководства действиями множества людей, но исключает такую женщину из обычной жизни. Примером тому служит легенда о «Царице Пике» [3, с. 327].

Подведем итоги. Во-первых, в рамках традиционного патриархального стереотипа женщина пассивна и виктимизирована. Выбор супруга часто осуществляется отцом девушки без ее участия. Героиня играет роль «приза» для победителя злых сил. Женский персонаж, обладающий атрибутами, характерными для патриархального стереотипа, всегда оценивается положительно. Во-вторых, большинство сказочных сюжетов увязывают оценку судьбы героини с перспективами замужества и дальнейшего семейного благополучия. В семье неоспорим приоритет мужчины и старших по возрасту, поэтому достоинства будущей жены и снохи включают такие качества, как добросердечность, покладистость, исполнительность. Не менее важной характеристикой идеальной жены является ум, позволяющий ей быть мудрой советницей мужа, а также высокая работоспособность и совершенство трудовых навыков.

Библиографический список

1. Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки // Преображение : науч.-лит. альм. 1998. № 6. С. 65—77.
2. Пронн В. Я. Морфология «волшебной» сказки ; Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 1998. 512 с.
3. Чувашские народные сказки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 351 с.

ББК 63.3(2)614

В. С. Околотин

РОЛЬ ЖЕНЩИН В РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1929—1935 гг.)

Модернизация национальной экономики в 1930-е гг. характеризуется различными примерами вовлечения женщин в строительство новой жизни. Их участие наравне с мужчинами в общем производительном труде стало возможным благодаря провозглашению Конституцией 1918 г. принципа равноправия женщин. В тот период революционной пропагандой женщины рассматривались в качестве не только объекта воздействия, но и проводника большевистской идеологии. Предполагалось, что революционные идеи, сформированные у женского пролетариата под воздействием агитации и пропаганды, будут пере-

даваться детям посредством семейного, а главным образом, коллективного воспитания. В этой связи центральные органы ВКП(б) циркулярно требовали от органов власти на местах проведения различных мероприятий по привлечению широких женских масс к общественной жизни [9]. Согласно утверждению М. Шабуровой на страницах «Экономической жизни», «партия из года в год поднимала и поднимает все новые пласты трудящихся женщин на активную революционную борьбу, вовлекает их в государственное управление страной и социалистическое строительство <...> воспитала из среды женщин прекрасных руководителей». В результате к началу 1935 г. «по всем отраслям промышленности СССР свыше 70 процентов работниц охвачено соревнованием, а по предприятиям легкой промышленности ударницы составляют 80—90 % работающих женщин» [29, с. 2]. В Ивановской промышленной и Московской областях (ИПО и МО соответственно)*, где легкая промышленность традиционно имела сильные позиции, участие женщин в советском строительстве отличалось специфическими особенностями. В отечественной историографии оно нашло достойное отражение и продолжает привлекать внимание исследователей. Вместе с тем в истории советского феминизма 1930-х гг. существуют и малоизвестные страницы, в том числе связанные с участием женщин в лице руководителей ведомств, работников финансовых органов, передовиков производства и активистов общественных организаций в реализации финансовой и налоговой политики Советского государства. Восполнить означенные пробелы и призвана данная статья. Разумеется, отразить повседневную роль женщин в этой работе из-за недостатка источников довольно затруднительно. Выполнение этой задачи, по мнению автора, возможно лишь через обращение к ключевым этапам реализации Советским государством налоговой политики, связанным с проведением массовых кампаний по мобилизации средств, в том числе и с негативными последствиями. С течением времени формы такого участия видоизменялись, но по-прежнему они зависели от директивных установок центра и соответствовали идеологии Советского государства.

Итак, в октябре 1929 г. по инициативе С. Орджоникидзе «к делу ликвидации недоимочности с частного, к проверке работы финансово-налогового надзора <...> причин образования недоимки и способов ее ликвидации <...> была привлечена рабочая общественность ряда крупных московских заводов». Использование бригад из передовых рабочих и работниц сначала было апробировано в Москве и МО, а в дальнейшем накопленный «передовой» опыт был растиражирован на другие административно-территориальные образования. По

* Постановлением ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 г. было завершено административно-территориальное деление республики. Вместо губерний, уездов и волостей были образованы области (края), округа, районы и сельсоветы. В результате на ее территории в числе других появились Центрально-промышленная область с центром в г. Москве в составе Московской, Тульской, Рязанской и Тверской губерний; Ивановская промышленная область с центром в г. Иваново-Вознесенске в составе Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерний и Западная область с центром в г. Смоленске в составе Смоленской, Брянской и Калужской губерний. Летом 1929 г. Центрально-промышленная область была переименована в Московскую промышленную, а затем в Московскую область.

утверждению одного из руководителей НКФ СССР М. О. Лифшица, деятельность рабочих бригад была насыщена «политическим содержанием и дала крупные положительные и политические результаты». Разговоры об ошибках и искривлениях, допущенных при проведении мероприятий по взысканию недоимки с частного, он назвал «обывательским хныканьем», которое должно быть пресечено [10, с. 3]. В ИПО такая работа была начата с проведения крупномасштабной операции по взысканию недоимки в декабре 1929 г. Операция состоялась 20 декабря одновременно на всей территории ИПО и была приурочена к 50-летию И. В. Сталина. В общей сложности в ней было задействовано 6962 человека, из которых 4071, или 58,5 %, рабочий, а остальные, 41,5 %, — работники финотделов, курсанты финансовых и юридических курсов, сотрудники милиции, в сельской же местности — батраки и крестьяне-бедняки. С их участием в городах и районах области было произведено 4376 обысков, из них в г. Иваново-Вознесенске — 450, Владимирском округе — 716, Ярославском — 970, Костромском — 340, Кинешемском — 961, Шуйском — 350, Рыбинском — 402, Александровском округе — 190 [4, ф. Р.-1698, оп. 1, д. 1, л. 43]. В целом результативность принятых мер оказалась диаметрально противоположной имевшимся ожиданиям. Если в ходе проведения операций, по данным НКФ СССР, удалось взыскать прежнюю недоимку (деньгами, имуществом, недвижимостью и др.) в размере 40 млн руб. и приблизиться к ее погашению, то уже по состоянию на 1 июня 1930 г. она выросла на 412 млн руб. (или 379,7 % к общей задолженности на 1 октября 1929 г.) [10, с. 3].

К 10 марта 1932 г. ИПО досрочно выполнила первый квартальный финплан на 103,8 %, намного опередив по достигнутым показателям другие регионы республики, в том числе Московскую и Ленинградскую области. В постановлении коллегии НКФ СССР, состоявшейся в середине марта, говорилось, «что успех Ивановской промышленной области в выполнении плана мобилизации средств является результатом развертывания за последнее полугодие массовой политической работы, социалистического соревнования районов, большого внимания к этому делу местной печати...» [22, с. 1]. За достигнутые показатели было решено выделить в распоряжение облфо ИПО 50 тыс. руб. для премирования передовых районов, сельсоветов, колхозов, местных газет и ударников финансовой работы. Премированию в первую очередь подлежали Костромской, Ярославский, Иваново-Вознесенский и Юрьевский районы «как наилучшие в выполнении плана» [11, с. 1]. Иваново как центр, «показавший лучшие образцы массовой работы», было избрано местом проведения 24 апреля 1932 г. Республиканского межкраевого финансового слета [12, с. 4]. «Лучшим рапортом к межкраевому слету, — говорилось в «Рабочем крае», — будет рапорт о максимальном выполнении к открытию слета финплана на основе широчайшей массовой работы, соревнования и решительной борьбы с оппортунистами всех мастей и примиренцами к ним». Предполагалось, что в нем примут участие представители центральных органов НКФ СССР и РСФСР, ЦК ВЛКСМ, женсектора ЦК ВКП(б), Ленинградской, Уральской, Средневожской областей, ЦЧО, Нижегородского и Нижневолжского краев и др. Общее число участников должно было составить около 500 человек. Однако обратная сторона достигнутых показателей была не столь оптимистичной. Количество жа-

лоб с мест на «перегибы, искривления классовой линии, нарушения революционной законности в налоговом обложении трудящихся», поступавших в НКФ РСФСР, увеличилось. Только за февраль 1932 г. НКФ РСФСР удовлетворил 10,4 % этих жалоб. По МО и ИПО этот показатель составил 13,6 % и 12,38 % соответственно. Причем от рабочих и служащих поступило 27,7 % жалоб, а от трудовых кустарей — 18,7 %. Для сравнения: жалобы от бывших торговцев составили 9,8 %, кулаков — 18,7 %. Таким образом, говорилось в «Экономической жизни», наибольшее число заявлений поступило от трудящихся, что свидетельствовало о явных недостатках налоговой работы [13, с. 4].

Подготовка к слету была омрачена беспрецедентными по своему масштабу и накалу рабочими волнениями, охватившими ИПО в начале апреля, в которых приняли активное участие работницы вичугских фабрик и Тейковского текстильного комбината. Предзабастовочная ситуация наблюдалась на фабриках и заводах Иваново-Вознесенска, Костромы, Ярославля, Кольчугина, Гусь-Хрустального, Александрова, Лакинска, Кинешмы и Родников. Эти волнения были очень серьезно восприняты в Москве. 17 апреля 1932 г. ЦК ВКП(б) обратился к секретарю обкома ВКП(б) И. П. Носову с категоричным письмом, в котором обязывал местные органы власти, кроме всего прочего, «облегчить налоговое обложение и местные сборы с рабочих, имеющих собственных коров и сельское хозяйство потребительского типа» [4, ф. П.-327, оп. 5, д. 243, л. 51—53]. В закрытом письме обкома ВКП(б) ИПО к партийным, советским и хозяйственным руководителям области с характеристикой апрельских событий и перечнем мер для преодоления их последствий признавалось, что на бюджете рабочего значительно отразилось повышение цен на предметы широкого потребления, а также мобилизация средств, которая проводилась «по линии налоговой, культсбора, внесения кооперативных паев». На многих предприятиях несвоевременно выдавалась зарплата. На фабрике им. Ф. Зиновьева (Иваново) с рабочих, живших в общежитиях, взимались чудовищные вычеты за квартплату, коммунальные услуги. Так, за март работница Овцина из заработка 65 руб. должна была заплатить за квартиру 43 руб., Пронина из 70 руб. — 38, Фролова из 70 руб. — 51, Копейкина из 50 руб. — 57. Аналогичная картина наблюдалась во всех домах, где имелось более 350 квартир. Ярославский горком ВКП(б) по вопросу мобилизации средств вызвал всех хозяйственников и предложил им внести за два месяца причитающиеся с рабочих вычеты по налогам, а вычет с рабочих произвести потом [там же, оп. 4, д. 509, л. 60—72].

Несмотря на рабочие волнения, межкраевой слет финударников в Иваново-Вознесенске все же состоялся. В своем докладе завоблфо ИПО В. Ф. Королёв среди новых форм массовой работы назвал соцсоревнование, участниками которого в большинстве своем стали женщины. По его словам, в мобилизации платежей приняло участие около 30 тыс. женщин. Только силами женских бригад на территории 16 районов области было мобилизовано более 1500 тыс. руб. Вынужден он был признать и наличие возмутительных фактов в налоговой практике, особенно в районах, охваченных волнениями. Получили распространение и другие негативные проявления. В частности, Ковровский райфо на протяжении ряда кварталов преувеличивал показатели выполнения финплана (III и IV кв. 1931 г. — на 8,9 % и 13 % соответственно, I кв. 1932 г. — на

12,4 %). Аналогичные факты были вскрыты во Владимирском и Молвитинском райфо ИПО. Межкраевой слет закончился вручением переходящего Красного знамени Костромскому району, добившемуся лучших показателей в мобилизации средств, и «рогожного» — Гусевскому району, занявшему последнее место в области [27, с. 3].

Тем не менее сложное положение на предприятиях области сохранялось. Забастовки, вызванные плохим снабжением продуктами, не прекращались. Об обстановке на местах свидетельствуют многочисленные жалобы и обращения. Так, в январе 1933 г. ударницы и работницы фабрики г. Гусь-Хрустальный, делаясь с Н. К. Крупской в своем письме горем, приводили примеры невыносимых условий жизни, высоких цен на продукты (вынуждены «спекулировать-продавать свои пожитки с прежних лет»). «Голод и эти ужасы, издевательства над нами директора Захарова заставляют нас выйти из ударников, быть спекулянтами своих пожитков! Нас никто не слышит. Нашего горя никто не чувствует», — писали они в завершение [4, ф. П.-327, оп. 5, д. 92, л. 129—130]. Такая двойственность положения, когда пропагандистские призывы сопровождались принуждением и нарушением заявленных обязательств перед населением, наблюдалась в течение 1933—1934 гг. Об этом свидетельствуют как различные архивные документы, так и газетные публикации того времени.

В октябре 1934 г. завоблфо ИПО С. Л. Рубин в статье «По-боевому провести единовременный налог» довольно оптимистично информировал об оргмерах по обеспечению его взыскания. По его словам, обком и облисполком ИПО потребовали от районных партийных и исполнительных комитетов собрать к 17-й годовщине Октября не менее 60 % учтенной суммы [23, с. 2]. Иная тональность звучала в докладной записке облфо в обком ВКП(б) и облисполком в начале ноября 1934 г. В ней говорилось о фактах отрицательных явлений, заключавшихся в сбрасывании единоличниками земли и скота. В частности, в Пучежском районе единоличные хозяйства Н.-Воскресенского сельсовета отказывались принять платежные извещения, заявляя при этом: «Возьмите от нас землю, а мы налог платить не будем». В Тейковском районе 40 единоличных хозяйств села Лопатницы подали заявления о лишении их земли, мотивируя свои действия «непосильностью» уплаты налоговых платежей. В Морозовском, Нерльском, Борисовском, Родинском сельсоветах этого же района единоличники продавали лошадей, якобы для уплаты налогов. Информировав о процессах среди единоличников, облфо обратился за дополнительной помощью к руководству ИПО, правдиво признавая, что одни финорганы не обеспечат выполнения задачи по взысканию единовременного налога на территории области [4, ф. П.-327, оп. 5, д. 338, л. 64—68]. Тем не менее обком ВКП(б) и облисполком ИПО считали, что увеличение тяжести налоговых платежей на единоличные хозяйства продолжает отставать от роста их доходности. В докладной записке, направленной ими в ЦК ВКП (б) в ноябре 1934 г., говорилось, что единоличники в отличие от колхозников значительно меньше заняты на сельхозработах и получают основные доходы от использования «тягловой и рабочей силы на побочных и отхожих заработках». Отсюда — существование среди них устойчивой тенденции к ликвидации или сокращению своего хозяйства и к отказу от земли [там же, д. 318, л. 97]. «Не либеральничать со злост-

ными неплательщиками единовременного налога!» — такой лозунг звучал со страниц центральной и местной периодической печати того времени. Руководствовались им и при заслушивании 13 ноября 1934 г. в НКФ РСФСР завоблфо МО, ИПО и Воронежской областей, имевших низкие показатели по взысканию единовременного налога. Среди причин неблагополучия, создавшегося в этих областях, наркомфин РСФСР В. Н. Яковлева выделила нерешительность финаппарата в применении мер принудительного взыскания к единоличникам, уклоняющимся от уплаты налога в установленные сроки [14, с. 1]. Это послужило основанием для инициирования проведения в Свердловской, Западной, Челябинской, Ивановской и ряде других областей финансовых совещаний. Расширенное совещание финансовых работников состоялось 16 ноября 1934 г. и в ИПО [25, с. 1]. Для участия в нем прибыла наркомфин РСФСР В. Н. Яковлева. Следует подчеркнуть, что это был ее второй визит в течение года в г. Иваново, вызванный, как и в апреле, обеспокоенностью провалами в деятельности финорганов ИПО по массовым платежам [28, с. 1]. Выступая на совещании, она заявила: «...на предприятиях у вас качество налоговой работы отстает от количественных показателей. Проверка показывает, что вы иной раз неправильно облагаете, не предоставляете льгот, берете больше, чем полагается по закону. Завкомы, комсоды и финактив на предприятиях обязаны добиться, чтобы рабочие и служащие облагались правильно, без единой копейки перебора». Среди причин снижения ее результативности в III квартале она назвала несоответствие декларативных обязательств центру и мер, принятых местным руководством для их исполнения. В завершение она пожелала собравшимся, чтобы «Ивановская область оказалась в первой категории наших краев и областей», «оправдала надежды советской власти и Коммунистической партии» и смогла уже «с завтрашнего дня развернуть работу и оказаться в числе передовых, если не отвоевать первое место» [32, с. 2]. В выступлении секретаря обкома ВКП(б) ИПО К. И. Николаевой по итогам совещания говорилось: «...товарищи не понимают, продолжают смотреть на финплан как на дело третьей, четвертой, пятой очереди в зависимости от конкретной обстановки, как у нас говорят. Забывают, что конкретная обстановка требует, чтобы мы выполнили план сейчас и выполняли бы его не скачком, а систематически». И далее: «Обязательства надо не только брать, но и выполнять, по-большевистски драться за их реализацию, иначе это будет пустая болтовня. <...> Неужели же мы будем плестись в хвосте? Я думаю, что мы могли бы по выполнению финплана биться за одно из первых мест» [15, с. 3].

В праздничном номере «Экономической жизни» от 8 марта 1935 г. была опубликована целая подборка статей, эпиграфом к которым послужили слова И. В. Сталина: «Мы должны приветствовать растущую общественную активность трудящихся женщин и их выдвижение на руководящие посты как несомненный признак нашей культурности». Обсуждению этого высказывания были посвящены статьи М. Шабуровой «Женщина на социалистической стройке» и М. Каганович «Женщина в управлении государством». М. Каганович озвучила ряд положений, которые, собственно, стали ключевыми в развертывании этого движения среди финансового актива. По ее словам, «женщины-активистки оказали огромную помощь в борьбе за выполнение финансового плана». В этой свя-

зи «внимание к женщине должно быть неизмеримо большим, чем есть в настоящее время; воспитывать и беречь женский финактив, решительно выдвигать финактивисток на руководящую финработу — вот что требуется и что обязаны делать финансовые органы» [6, с. 3]. В тот же день в Центральной комиссии содействия при президиуме ВЦИК состоялось совещание финактивисток передовых комиссий содействия Московской области, которые приняли обращение ко всем женщинам, работающим в комсодах РСФСР, внести свою лепту в выполнение финансового плана [3, с. 1]. Движение финактивисток получило развитие, и уже 16 июня в ходе приема делегации финударниц г. Москвы наркомфин РСФСР В. Н. Яковлева подвела некоторые итоги [19, с. 3]. Однако развитие ударничества лишь частично способствовало решению задач по формированию доходной части бюджета и не могло решить всего комплекса накопившихся в национальной экономике проблем. Они продолжали оставаться, и подтверждением этому суждению являются дальнейшие события.

В октябре 1935 г. в адрес руководства ИПО поступило грозное предупреждение. Под заголовком «Ивановские руководящие организации не ведут борьбы за укрепление рубля» в «Экономической жизни» была напечатана статья Г. Ксендзацкого. Пожалуй, впервые за шесть лет существования ИПО ее финаппарат подвергся столь жесткой и публичной критике. Опираясь цифрами, автор статьи выстроил логическую цепь доказательств, свидетельствовавших о развале финансовой работы на территории ИПО. К ее звеньям он отнес: срыв выполнения задания по госдоходам, сельхозналогу, массовый либерализм к неплательщикам и кулакам, создание атмосферы безнаказанности за невыполнение государственных финансовых заданий, игнорирование элементарных основ советской дисциплины, наплевательское отношение к жалобам населения и др. За систематический срыв госплана, по словам Г. Ксендзацкого, должны нести ответственность не только финорганы, но и обком и облисполком, которые «не хотят заниматься финансами и не занимаются ими». И далее: «Их не трогает позорное отставание области в финансовой работе. Они ничуть не озабочены тем обстоятельством, что область задолжала стране десятки миллионов рублей, а местный бюджет не сможет обеспечить финансирование тех мероприятий, которые обком и облисполком сами утвердили <...> Поймут ли ивановские руководящие организации, что их отношение к финансовой работе граничит с политической недооценкой борьбы за укрепление советского рубля? Когда же прекратится отставание Ивановской области и когда она покроет свой долг стране?» [7, с. 3].

За данной статьей последовал ряд решений НКФ РСФСР, направленных в облфо. Так, 21 октября 1935 г., рассматривая итоги конкурса, он признал недопустимыми ослабление дисциплины со стороны облфо ИПО в отношении райононов и сельсоветов, слабую организацию массово-политической работы по выполнению госфинплана, непринятие мер борьбы со злостными недоимщиками [20, с. 4—5]. 29 октября НКФ РСФСР вновь заслушивал облфо ИПО о работе финорганов области по сбору налоговых платежей — теперь уже с промышленных предприятий. В результате, как отмечалось в постановлении НКФ РСФСР, был выявлен новый ряд крупнейших недочетов в работе облфо и его низовых органов. К ним были отнесены «полная бездеятельность финорганов в

получении и проверке отчетности и расчетов предприятий по налогу с оборота, низкая платежная дисциплина хозорганов и предприятий, слабое привлечение общественности и бездействие финансовых контрольных постов, недостаточная организация социалистического соревнования между районами по линии госдоходов». Все это послужило причинами неудовлетворительного состояния работы облфо по госдоходам и основанием для признания «недостаточной» деятельности заведующего облфо С. Л. Рубина [20, с. 2—3].

Жесткой критике было посвящено и областное совещание финработников, состоявшееся предположительно 22—23 октября 1935 г. Выступавшие на нем С. Л. Рубин и секретарь обкома ВКП(б) И. П. Носов оказались солидарны в том, что невыполнение плана мобилизации средств напрямую связано с плохой работой облфо, с отсутствием большевистского руководства, конкретного дифференцированного подхода к районам [24, с. 2]. В этой связи, говорил И. П. Носов, «отставание области будет продолжаться до тех пор, пока само руководство облфо не сделает правильных выводов, пока оно не научится как следует руководить низовыми работниками». «В финансовом аппарате области насчитывается 560 ответственных работников, около 70 тыс. финансовых активистов, которые, при внимательном отношении и помощи им, смогут выправить создавшееся положение. Только болтуны, которые не знают своего аппарата, могут утверждать, что все работники никуда не годятся. Людей надо не только критиковать, но и помогать, руководить ими», — утверждал он. Вместе с тем, по его словам, обком ВКП(б) не снимает с себя ответственности за политическое руководство деятельностью финотдела, виноват и облисполком, самоустранившийся от контроля за ним. Тем не менее возможности для ликвидации финансового прорыва у области имеются. Опираясь на них, ИПО в состоянии к 15 декабря 1935 г. выполнить годовой план и к 1 января 1936 г. занять одно из первых мест в Советском Союзе [17, с. 2]. Такое заверение И. П. Носова позволило «Экономической жизни» 30 октября констатировать, что обком ВКП(б) ИПО вскрыл болезни облфо и готов путем приведения в движение «огромной армии финансового актива, выдвижения Стахановых и Виноградовых в финансовой системе» вывести область из создавшегося прорыва. «Уроки Ивановской области очень поучительны. Из них обязаны сделать выводы все финансовые органы, многие обкомы и райкомы», — отмечалось в том же номере газеты [26, с. 1].

Апеллирование к армии финансового актива имело место и в центре. Так, ЦК Союза финансовых и банковских работников 22 октября приняло постановление, которым объявило социалистическое соревнование за внедрение стахановских методов в работу всех финансовых, кредитных и сберегательных учреждений. Основной задачей соревнования названо «большевистское выполнение поставленных партией и правительством задач по выполнению финансового и кредитного плана 1935 г.» [30, с. 3]. 25 октября 1935 г. состоялся слет стахановцев г. Москвы и Московской области, который, как предполагала «Экономическая жизнь», сможет придать «предоктябрьскому финансовому походу новое политическое содержание. Стахановцы финансового дела смогут обеспечить в самый короткий срок не только хорошие количественные, но и высококачественные показатели выполнения финансового плана. Это значит,

что в самый короткий срок может быть ликвидировано отставание в финансовой работе <...> областей Ивановской, Московской и Калининской» [21, с. 1].

18 ноября 1935 г. состоялось первое Всесоюзное совещание рабочих и работников — стахановцев промышленности и транспорта, на котором с докладом «О значении стахановского движения» выступил И. В. Сталин. Следует сказать, что уже на следующий день его выступление обсуждалось в НКФ СССР и прозвучал вывод о том, что «стахановское движение это не серия вспыхивающих и погасающих рекордов, а начало новой производственной эпохи невиданных размеров народного движения, развивающегося вглубь и ширь» [5, с. 1]. Уже через неделю «Экономическая жизнь» опубликовала обращение Марии и Евдокии Виноградовых, других работниц фабрики им. В. Ногина г. Вичуги ко всем фанактивистам, рабочим и колхозникам ИПО. В нем говорилось: «Мы, рабочие ногинцы, твердо решили покончить со всеми этими недостатками. Родина виноградовского движения — Вичуга, и прежде всего фабрика им. Ногина — должны показать всей Ивановской области образцы финансовой работы с тем, чтобы у нас все районы области учились не только высокой производительности труда, но и умели организовать финансовую работу» [2, с. 1]. Это послужило для газеты основанием сделать вывод о том, что в стране началось новое большое движение, идущее снизу, из гущи рабочего класса, от знатных людей высокой культуры труда, которые не мирятся с косностью и рутинной и ломают всякие преграды на своем пути. «Финансовые органы покроют себя несмываемым позором, если не сумеют возглавить это движение, не сумеют оказать ему горячую деловую поддержку и направить его в правильное русло», — говорилось там же [18, с. 1]. Следует сказать, что данное обращение не осталось незамеченным. Оно быстро преодолело границы ИПО и было поддержано стахановцами Рязанского завода сельхозмашиностроения, работниками управления сберегательных касс Западной области и г. Куйбышева, горфинотдела г. Киева и др. В свою очередь, каждый из поддержавших инициативу вичугских работниц не только брал на себя повышенные обязательства, но и вызывал на соревнование других. Так, стахановцы рязанского завода обратились ко всем заводам, фабрикам и колхозам района с призывом организовать свой труд так, чтобы он стал передовым в МО по финансовой работе в 1936 г., а киевский горфинотдел вызвал на соцсоревнование днепропетровский горфо [31, с. 1].

На совещании финансового актива области, состоявшемся 10 декабря 1935 г. в Иванове, из уст орденоносцев М. И и Е. В. Виноградовых, Т. И. Одиной (г. Родники) прозвучали упреки в адрес финорганов ИПО в отставании от того мощного трудового подъема, который был поднят стахановским движением [31, с. 2]. Признавая их справедливость, С. Л. Рубин говорил в своем выступлении: «У нас 37 тыс. членов комиссий содействия, 35 тыс. активистов. А все-таки дела наши неважны». С целью немедленного исправления положения собравшимися было принято решение выбрать 150 лучших финансовых ударников Иванова, Ярославля, Рыбинска, Костромы, Ростова, Родников и Вичуги и «послать их туда, где плохо с финансовой работой» [16, с. 3]. На страницах газеты «Экономическая жизнь» НКФ СССР поддержал инициативу ивановцев и обратился к финансовым работникам страны с предложением «под-

нять волну отличничества в финансовой работе, выдвинуть передовых людей, которые бы возглавили это движение» [1, с. 3]. Вместе с тем, признавалось в газете, работать за фиаппарат активисты не могут и не должны. В этой связи облфо ИПО необходимо покончить с расхлябанностью райфо и «как можно быстрее навести твердый порядок в собственном доме» [8, с. 1].

Таким образом, модернизация национальной экономики осуществлялась при массовом участии рабочих и служащих, среди которых было немало женщин. Формы такого участия изменялись не только под воздействием установок из центра, но и по инициативе, идущей «снизу». Однако не всегда инициативы «снизу» возникали как следствие трудового порыва передовых рабочих и работниц. В ряде случаев они были акциями, спланированными органами власти на местах. К примеру, исходя из логики исторических событий, можно с уверенностью полагать, что трудовая инициатива работниц вичугской фабрики им. В. Ногина М. И. и Е. В. Виноградовых не случайно возникла там, где три года назад бастовали рабочие. Среди прочего она должна была продемонстрировать, что в короткий период органам власти на местах удалось исправить ситуацию и сплотить трудовые коллективы бастовавших предприятий на решение государственных задач. Передовой опыт нашел применение и в реализации налоговой политики. Но в силу специфичности финансовой и налоговой работы он мог дать положительные результаты только при его использовании на более длительном этапе. Кратковременные успехи по мобилизации средств очень часто оборачивались провалами в выполнении планов по формированию доходной части государственного бюджета. Тем не менее, пусть и на кратковременном этапе, такие формы стали классическим примером привлечения трудящегося населения к реализации финансовой и налоговой политики Советского государства.

Библиографический список

1. *Аболин К.* Пойдем в ногу со стахановским движением // Экон. жизнь. 1935. 18 дек.
2. Борься за финплан так же настойчиво и культурно, как стахановцы, бусыгинцы и виноградовцы борются за высокую производительность труда : обращение стахановцев-виноградовцев Вичуг. ф-ки им. Ногина // Там же. 2 дек.
3. Вызов фиаппаратисток Московской области // Там же. 12 марта.
4. Государственный архив Ивановской области.
5. Досрочно выполним финансовый план // Экон. жизнь. 1935. 24 нояб.
6. *Каганович М.* Женщина в управлении государством // Там же. 8 марта.
7. *Ксендзацкий Г.* Ивановские руководящие организации не ведут борьбы за укрепление рубля // Там же. 6 окт.
8. Кто следующий // Там же. 18 дек.
9. *Кутырова О. В.* Из истории советского феминизма // Отеч. история. 2007. № 5. С. 218—219.
10. *Лифшиц М. О.* Реконструкция бюджетных изъятий из обобществленного сектора // Экон. жизнь. 1930. 23 апр.
11. Лучшим бойцам финплана премии // Там же. 1932. 22 марта.
12. Межкраевой слет ударников финплана // Там же. 8 апр.
13. Налоговую практику на смотр общественности // Там же. 30 марта.

14. Не либеральничать со злостными неплательщиками единовременного налога // Там же. 1934. 15 нояб.
15. *Николаева К. И.* Завоюем одно из первых мест в Союзе по финансовой работе // Там же. 20 нояб.
16. *Никулов Н., Дубнов Я.* Сила актива // Там же. 1935. 16 дек.
17. *Носов И. П.* Финансовый аппарат должен работать как часы // Там же. 28 окт.
18. Ответить делом // Там же. 2 дек.
19. Передовой отряд финударниц // Там же. 20 июня.
20. Постановления и распоряжения НКФ РСФСР. 1935. № 33.
21. Привет московскому слету стахановцев финансового фронта // Экон. жизнь. 1935. 24 окт.
22. Равнение на Ивановскую область // Там же. 1932. 16 марта.
23. *Рубин С. Л.* По-боевому провести единовременный налог // Там же. 1934. 8 окт.
24. *Рубин С. Л.* Привести в движение многотысячную армию финансового актива // Рабочий край. 1935. 24 окт.
25. Финансовое совещание Ивановской области // Экон. жизнь. 1934. 18 нояб.
26. Финансовой работе партийное руководство // Там же. 1935. 30 окт.
27. Финплану большевистские качественные показатели // Там же. 1932. 28 апр.
28. Чему учит прорыв первого квартала // Рабочий край. 1934. 6 апр.
29. *Шабурова М.* Женщина на социалистической стройке // Экон. жизнь. 1935. 8 марта.
30. Экономическая жизнь. 1935. 24 окт.
31. Экономическая жизнь. 1935. 10 дек.
32. *Яковлева В. Н.* Победрами рапортовать съезду Советов : речь на Ивановском областном совещании // Там же. 1934. 24 нояб.

ББК 60.542.21

Н. Н. Козлова

ГЕНДЕРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Основной объект политической науки в XX в. — политический процесс. С начала Нового времени революции, реформы, выборы и другие составляющие политического процесса, ведущие к изменению политических систем, привлекают внимание исследователей. Модернизация — одна из форм социально-политического процесса, которая характеризует превращение общества традиционного типа в индустриальное [17, с. 170]. Политическая модернизация во всех странах поставила на повестку дня введение всеобщего избирательного права, принципа разделения властей, формирование представительной системы и пр. Однако векторы и скорость движения стран по пути политической модернизации существенно отличались, в том числе и в решении «женского вопро-

са». Почему различные типы политических систем по-разному артикулировали и разрешали гендерные проблемы?

Атрибутируемое нами понятие «гендерная модернизация» несколько отличается от уже используемых в гендерной политологии концептов, таких как «гендерная реконструкция политических систем», «модернизация гендерных отношений общества», «модернизация гендерной системы», но изоморфно им. В работах авторов, использующих данные категории, основной акцент поставлен на изменение социально-политических ролей женщин, определение их новой общественной ниши в рамках общей трансформации социального гендерного порядка. Известный российский политолог С. Г. Айвазова считает, что суть модернизации общественных систем заключается «в изменении характера власти и одновременно ее разделении, т. е. перераспределении полномочий между различными ветвями власти, между государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами» [1, с. 6].

На наш взгляд, гендерную модернизацию можно рассматривать и как составную часть общемодернизационного процесса, рядоположенную таким явлениям, как индустриализация, урбанизация, секуляризация, и как самостоятельный процесс, порождающий новые гендерные системы/режимы/порядок. Гендерная модернизация политической системы — это трансформация политической системы, одна из ее базовых характеристик, показывающих, как политическая система решает проблемы своего внутреннего функционирования и развития за счет изменения гендерных отношений.

В рамках данной статьи главное внимание уделяется институциональному аспекту функционирования советской политической системы, которая в процессе гендерной модернизации по-новому распределяет политическую власть между полами, использует гендер как ресурс и инструмент власти, сегментирует социальную базу по гендерному признаку для раскрытия потенциала социализма. Мы солидарны с теми исследователями, которые считают советский способ решения «женского вопроса» уникальным и самобытным. Если публичные дебаты по «женскому вопросу» в российском обществе во второй половине XIX в. конструировали отношения между полами в большей степени в общецивилизационном (либеральном) ключе, то теория и практики большевизма создали, на наш взгляд, новый тип гендерной модернизации [5, с. 4]. Наибольшую заслугу в создании новой гендерной системы мы видим в организации институциональной базы по решению «женского вопроса» в рамках советской политической системы — женских отделов Российской коммунистической партии большевиков (РКП (б)).

Для решения «женского вопроса» были созданы органы на партийном уровне — женотделы. Они явились уникальной структурой, не имеющей аналогов в других странах. Малая советская энциклопедия определяет их следующим образом: «Женотделы (отделы по работе среди женщин, работниц и крестьянок) — самостоятельные отделы комитетов компартий по пропаганде среди трудящихся женщин коммунистических идей, по вовлечению работниц, батрачек и беднячек-крестьянок в партию, по выдвижению работниц и крестьянок на руководящую работу...» [11, с. 142]. В течение 1919 г. женотделы были созданы во всех 65 губерниях и 10 областях и республиках страны [12].

В работе А. М. Коллонтай «Задачи отделов по работе среди женщин» были детально обозначены направления деятельности женотделов: «Первая их задача — воспитывать работниц и крестьянок в духе коммунизма, вовлекать их в нашу партию. Вторая задача — втягивать женские массы в советское строительство <...> Третья задача отделов — ставить перед партией и выдвигать в области советского строительства такие вопросы, которые либо вытекают из особенностей женского пола (например, материнство, охрана женского труда, законодательство по вопросу аборта), либо связаны с особо неблагоприятным положением женщин, с фактической их закрепощенностью или неравенством» [6, с. 210].

Практическая работа женотделов в первые годы советской власти направлялась по двум линиям: делегатское движение и практикантство (позднее — выдвигенство). По воспоминаниям А. М. Коллонтай, «делегатки знакомились с текущими политическими событиями, с работой различных отраслей советского строительства <...> привлекались как к практической работе на предприятии, так и к обследованию советских учреждений с целью изучения методов и системы работы в различных отраслях советского аппарата» [7, с. 324]. В 1922 г. насчитывалось 95 тыс. делегаток [16, с. 20]. С целью подготовки женщин для работы в государственных и общественных учреждениях был введен институт практиканток — женщин из числа делегаток, которые с отрывом от производства проходили практику в Советах, профсоюзах, кооперативах, больницах, детсадах и др. Таким способом за три года советской власти к участию в государственном строительстве были привлечены 4 млн женщин [14, ф. 1, оп. 2, д. 510, л. 20 об.].

Миссия женотделов с трудом находила поддержку в массах. Женотделы получали оскорбительные клички — «Центробаба», «бабкомы» [20, р. 82]. В исследованиях С. Т. Любимовой, М. П. Аракеловой, Н. П. Басистой отмечается, что в некоторых парткомах женотделам отказывали в помещении, материальных средствах, канцелярских товарах [10, с. 68—70; 3, с. 11—13]. В ходе XII съезда партии и Всероссийского совещания заведующих губернскими женотделами (1922 г.) была принята специальная резолюция, в которой подчеркивалось, что надо «вписать методы работы среди женщин в общую работу партии» [15, с. 135]. И уже к 1928 г. через школу делегатских собраний прошли 747 тыс. женщин [10, с. 74].

Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» поставило перед женотделами новые задачи — готовить квалифицированные женские рабочие кадры для тяжелой промышленности [8, с. 517]. Таким образом, к концу 1920-х гг. деятельность женотделов набирала обороты. Однако в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)» женотделы были ликвидированы. Единственным разъяснением стала статья секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича «Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы», в которой отмечалось: «Женотдел закончил круг своего развития. Мы уже имеем сейчас в Советах 301 999 женщин, в профсоюзах — 3 078 000, из них в составе фабрично-заводских комитетов — 56 608, а в составе низового профактива — 290 000, в составе партийных комитетов процент

женщин с 1929 г. увеличился до 20,1 % против 7,1 % в 1927 г. Конечно, этого еще мало, но это — достаточно солидная группа, которую уже не надо специально опекать, а для дальнейшего выдвижения новых и продвижения, пожалуй, женотдел становится не прогрессивным центром, а тормозящим» [4, с. 5]. Политическая работа среди советских женщин стала осуществляться женсектора-ми и привязываться к общим задачам государства и партии.

В гендерологии сложились разные точки зрения на причины закрытия женотделов. Е. К. Костюшева и И. И. Юкина считают, что женотделы были опасны для партийной политики, т. к. продвигали независимую женскую личность [9, с. 81; 18, с. 452]. Ряд исследователей полагают, что ликвидация женотделов была осуществлена в связи с реорганизацией партаппарата, в целом явившейся еще одним шагом по пути свертывания внутривластной демократии и усиления режима личной власти [12, с. 16—17; 2, с. 70; 13, с. 466]. И. Аристархова высказала оригинальную точку зрения, согласно которой государство переориентировалось на новые — производственные — способы подчинения женщин [19, р. 4].

Если оценивать деятельность женотделов по тем задачам, которые обозначила А. М. Коллонтай, то две из трех можно считать выполненными: воспитание работниц в духе коммунизма, втягивание женских масс в советское строительство — все это можно считать свершившимся фактом и соответственно историческую миссию женотделов выполненной. Третья же задача женотделов — ставить перед партией вопросы — не вписывалась в логику партийно-государственного строительства. Благодаря интенсивной государственной политике по работе с женским населением в 20-х гг. XX в. из аморфной женской массы получился адресный сегмент подконтрольного псевдогражданского общества тоталитарной советской системы.

Библиографический список

1. *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия : очерки полит. теории и истории. М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
2. *Аракелова М. П.* Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 20-е годы: опыт организации и уроки. М. : ЗелО, 1997. 220 с.
3. *Аракелова М. П., Басистая Н. П.* Женщины России: опыт истории. М. : Звездапад, 2000. 154 с.
4. *Каганович Л. М.* Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы // Коммунистка. 1930. № 2/3. С. 4—7.
5. *Козлова Н. Н.* Гендерная модернизация российской политической системы. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. 108 с.
6. *Коллонтай А. М.* Задачи отделов по работе среди женщин // Марксистский феминизм : коллекция текстов / под ред. В. И. Успенской. Тверь : Золотая буква, 2003. С. 209—215.
7. *Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М. : Политиздат, 1972. 430 с.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898—1986 : в 14 т. М. : Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.
9. *Костюшева Е. К.* Женотделы и феминизм // Женские и гендерные исслед. СПб. : Дорн, 2000. Вып. 5. С. 72—82.

10. *Любимова С. Т.* Из истории деятельности женсоветов // *Вопр. истории КПСС.* 1969. № 9. С. 68—77.
11. *Малая советская энциклопедия.* М. : Сов. энцикл., 1930. Т. 3. 927 с.
12. *Окорочкова Т. С.* Деятельность женотделов партийных комитетов в 1919—1929 гг.: (к 70-летию создания) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8 : История.* 1990. № 1. С. 14—22.
13. *Стайст Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М. : РОССПЭН, 2004. 615 с.
14. Тверской центр документации новейшей истории.
15. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. 372 с.
16. Численный состав делегатов по СССР // *Коммунистка.* 1924. № 10. С. 17—21.
17. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
18. *Юкина И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.
19. *Aristarkhova I.* Women and government in bolshevik Russia // *Comparative Labour Studies Working Papers.* 1995. [№] 4. URL: <http://www.warwick.ac.uk/fac/soc/complabstuds/russia/irawp.doc> (дата обращения: 29.10.2011).
20. *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. Michigan University Press, 1989. 325 p.

ОБРАЗОВАНИЕ

ББК 60.542.2

С. Д. Морозов

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.: УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Развивающейся экономике России на рубеже XIX—XX вв. требовались грамотные работники. Поэтому в пореформенный период был отмечен некоторый рост грамотности и образовательного уровня населения, хотя в целом он продолжал оставаться весьма низким. Перепись населения 1897 г. является единственным источником, позволяющим выявить уровень грамотности населения Центральной России к началу XX в. В выяснении этого вопроса помогают и земские обследования 90-х гг. XIX в.

Сельские жители составляли преобладающую массу населения страны, поэтому уровень их грамотности являлся определяющим в оценке общей грамотности всего населения России. По данным земского статистика Н. Бычкова, к началу XX в. сравнительно высокими показателями грамотности отличались Петербургский (38,3 %), Камышинский (36,8 %), Серпуховский (25 %) уезды, а наиболее низким показателем — Бугульминский уезд (2,1 %) [2].

По подсчетам другого земского статистика, Н. А. Благовещенского, на рубеже XIX—XX вв. в среднем грамотные и учащиеся в 21 губернии Европейской России составляли 10,8 % всего населения, тогда как в 11 губерниях Центральной России доля их не превышала 12,4 %. При этом выше других были показатели грамотности населения в Московской (20,7 %), Петербургской (19,7 %) и Тверской (16,8 %) губерниях. Несколько ниже — в Саратовской (15,7 %), Самарской (13,4 %), Новгородской (10,9 %). На последнем месте находилась грамотность сельского населения в Орловской (9 %), Рязанской (8,8 %), Воронежской (7,9 %), Курской (7,8 %), Тамбовской (5,8 %) губерниях [1, с. 209—211, 128, 260].

Анализ данных о грамотности всего населения России, ее европейской части, а также погубернских данных о грамотности населения Центральной России в 1897 г. свидетельствует о том, что всего грамотных в стране (включая Польшу) было 21,2 %, в том числе мужчин — 29,3 %, женщин — 13,1 %; показатели средней грамотности по Европейской России (вместе с Польшей) несколько отличались от общероссийских (23,2 %), зато показатель грамотности мужчин в регионе был выше общероссийского и составлял 32,6 %, а показатель грамотности женщин почти не отличался от имперского — 13,7 %. Исключи-

тельно резко выступает различие в грамотности мужчин и женщин, городского и сельского населения. Так, среди мужчин грамотных насчитывалось в 2,3 раза больше, чем среди женщин [7, с. 19—90].

Рассматриваемый показатель по районам и губерниям Центральной России колебался в весьма значительных размерах. В целом показатель общей грамотности этого региона был немного выше аналогичного показателя Европейской России и всей России. Из губерний со сравнительно высокими показателями отметим Петербургскую, Московскую, Ярославскую; в четырех губерниях: Симбирской, Астраханской, Пензенской и Псковской — удельный вес грамотных колебался в пределах 14—15 % [12, с. 325—375, 7—30].

Подсчитанные сплошные данные о грамотности городского и сельского населения Центральной России по полу и возрасту в 1897 г. обнаруживают следующее. Расхождение показателей грамотности мужчин (53,4 %) и женщин (34,9 %) в городах было менее значительно, чем среди сельского населения. Кроме того, сравнительно более высокая доля грамотных как среди мужчин, так и среди женщин наблюдалась в возрастных группах 10—19 и 20—29 лет. В целом показатели грамотности городского населения были довольно высокими. Если сопоставить эти данные с данными начала 90-х гг. XIX в., то увидим, что почти за 10 лет рост грамотности оказался небольшим. При этом необходимо учесть, что за рассматриваемые годы в Центральной России происходил значительный рост городского населения главным образом за счет выходцев из сельской местности, т. е. людей со сравнительно низким уровнем грамотности. Это обстоятельство сказывалось на показателях общего уровня грамотности в городах.

Грамотные люди в селах составляли 18,3 % от всего сельского населения региона. Доля грамотных среди женщин была в 2,6 раза ниже, чем среди мужчин (грамотных мужчин 26,6 %, женщин — 10 %). Показатели грамотности для отдельных возрастных групп также в значительной степени различались: среди населения в возрасте 10—19 лет (29,3 %) и 20—29 лет (26,6 %) грамотных было примерно в 2 раза больше, чем в возрасте 50—60 лет и старше [11, с. 125—175, 15—30].

При очень низком среднем уровне грамотных среди женщин в сельской местности (10 %) различия этого показателя по отдельным губерниям были весьма значительными. Так, среди сельского женского населения Ярославской губернии грамотные составляли 21,6 %, Московской — 14,4 %, Воронежской — 4,4 %, Курской — 4,3 %, Орловской — 3,9 %, Пензенской — 4,3 %.

Основные показатели грамотности всего населения Центральной России демонстрируют значительные различия. Если не принимать во внимание первую возрастную группу (менее 10 лет), в которой значительная часть еще не обучалась грамоте, то в остальных группах по мере перехода к более старшим наблюдается падение уровня грамотности: с 33,5 % в возрастной группе 10—19 лет, до 14,9 % — 60 лет и старше. Весьма характерными являются существенные различия доли грамотных среди населения разных возрастных групп у мужчин и женщин.

Отдельные губернии в значительной степени различались по удельному весу грамотных. Характерно, что губернии с более развитой промышленностью выделялись и более высоким удельным весом грамотных. Так, в Петер-

бургской губернии грамотные составляли 55,1 %, в Московской — 40,2 %, в Ярославской — 36,2 %, во Владимирской — 27 % [11, с. 125—175, 7—30].

Хотя сословное деление, принятое при разработке материалов переписи 1897 г., не в полной мере отражало социальный состав населения страны, все же различия в уровне грамотности были столь велики, что они совершенно ясно проступают и при сословной группировке общества. Наличие неграмотных даже среди высших слоев населения Центральной России, особенно женщин и сельского населения, отражало некоторую отсталость развития России. Свыше 3/4 лиц «сельских сословий», в основном крестьян, были неграмотными. Нерусские народы, поименованные переписью как «инородцы», в подавляющей массе были также обречены на неграмотность. Среди этих народностей грамотные составляли только 5,7 %.

Уровень грамотности дворян, чиновников и духовенства был в 3—4 раза выше, чем лиц «сельских сословий». Грамотность почетных граждан, купцов, мещан и других городских сословий с семьями составляла свыше 50 %. Показательно, что в Центральной России существовало резкое различие в уровне грамотности населения города и села, мужчин и женщин.

Разработка материалов переписи 1897 г. дала возможность также выявить грамотность всей массы наемных рабочих и прислуги Центральной России. В среднем по всем группам занятий среди рабочих грамотных оказалось 35 %, причем эти показатели весьма различались по полу: грамотных среди рабочих-мужчин было 44,8 %, а среди работниц и прислуги — 25,2 %. По группам занятий также определились значительные различия. Так, в сводной группе «промышленность, транспорт и торговля» оказался максимальный уровень грамотных — 46 %, среди поденщиков и чернорабочих грамотных было учтено лишь 24,5 % [11, с. 125—175, 7—30].

В значительной степени по уровню грамотности различались в 1897 г. рабочие отдельных возрастных групп, занятые в промышленности, транспорте и торговле. Доля грамотных в рассматриваемых сферах деятельности среди мужчин (58,8 %) была в 1,8 раза выше соответствующего показателя среди женщин (33,2 %). Наиболее резко различался уровень грамотности в возрастных группах мужчин 13—16 лет (73,3—73,4 %) и 60 лет и старше (34,7 %). В многочисленной группе мужчин 20—39 лет уровень грамотности (57,9 %) в целом совпадал со средним (58,8 %).

Колебания доли грамотных женщин были еще более значительными. Укажем крайние показатели: 13—14 лет — 57,0 %, 40—59 лет — 12,3 %. Доля грамотных среди работниц в возрасте 20—39 лет была довольно низкой — 22,4 % [8, д. 7, 14, 29, 35, 109, 136, 197, 305, 441].

Общие показатели грамотности призванных на военную службу по районам и губерниям Центральной России в 1894—1904 гг. были более высокими, чем у городского и сельского населения, хотя их колебания в рассматриваемый период оказались весьма значительными. В целом относительно высокие показатели наблюдались в группе более развитых промышленных губерний, в частности в Ярославской, Петербургской, Московской, Тверской и Владимирской. Доля грамотных среди призванных на военную службу здесь превосходила среднюю по региону — соответственно по годам 49,1 и 65,9 %. Кроме того, гу-

бернии Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов имели более высокие показатели грамотности по сравнению с Центрально-Земледельческим, Поволжским районами и со средними показателями по региону в целом.

Следует отметить, что эти показатели не являлись характерными для динамики грамотности всего населения. Существенное значение их состоит в том, что они в целом отразили изменения в динамике грамотности мужчин в возрасте 20—24 лет. Развитие школьной сети за рассматриваемый период не могло значительно повлиять на рост грамотности населения старших возрастных групп. Внешкольным путем приобреталась грамотность лишь отдельными группами населения.

Необходимо также отметить, что доля грамотных среди общей массы призывавшихся в армию, очевидно, была ниже, чем среди призванных на военную службу. Показательно, что за 10 лет доля грамотных среди призывавшихся и призванных на военную службу значительно повысилась, но при этом и в начале XX в. свыше 1/3 призванных и более половины призывавшихся на военную службу были неграмотными [8, д. 7, 14, 29, 35, 109, 136, 197, 305, 441].

Весьма примечательными являются данные о новобранцах Курской губернии в 1890—1895 гг. Грамотные за этот период составляли среди призывавшихся 16,8 %, а среди призванных — 25 %. Следовательно, доля грамотных среди призванных была почти в 1,5 раза выше, чем среди призывавшихся. Столь большое расхождение несколько уменьшилось к 1895 г.: грамотные среди призывавшихся составляли 29,2 %, а среди призванных — 37,5 %. В целом следует считать, что показатели грамотности среди призванных на военную службу были примерно в 2 раза выше показателей грамотности, исчисленных для всего населения [6, с. 46—49].

На рубеже XIX—XX вв. удельный вес неграмотных среди рассматриваемой группы все еще продолжал оставаться значительным. Часть неграмотных обучалась во время службы, причем обучение солдат грамоте стало обязательным лишь с начала XX в. Характерно, что одним из основных мотивов введения обязательного обучения грамоте в армии явилось стремление комплектовать унтер-офицерский состав из среды темных и наиболее забитых элементов деревни. Это стремление достаточно ярко отражено в «Объяснительной записке к проектам положений об обучении нижних чинов» [3, с. 34—35].

Чтобы полнее ответить на вопрос о грамотности населения Центральной России на рубеже XIX—XX вв., следует сгруппировать имеющиеся данные в отношении отдельных городов региона и проанализировать произошедшие изменения. Так, в 1897 г. в Петербурге общий показатель грамотности населения составлял 61,7 %, в том числе мужского — 71,8 %, женского — 51,5 %; в Москве соответствующие показатели равнялись 54,6; 66,9 и 42,3 %; в Воронеже — 51,9; 60,4 и 43,4 % [5, с. 19—90, 20].

Наряду с Петербургом и Москвой, в которых грамотность населения являлась относительно высокой, приведены показатели типичного губернского центра региона — Воронежа. Хотя эти данные не могут считаться достаточно полными для характеристики грамотности всего городского населения в изучаемый период, некоторые тенденции в грамотности населения городов они в целом все же отражают.

Приведенные показатели грамотности городского населения Центральной России дополним более подробными данными по отдельным крупным городам. Грамотность женщин среди населения Петербурга в 1890—1900 гг. отставала от грамотности мужчин. При этом общие показатели грамотности увеличились в 1,1 раза, в том числе грамотность мужчин возросла в 1,2 раза, женщин — в 1,1 раза. Показательны соответствующие данные по Москве в 1891—1902 гг. Примечательно, что за десятилетний период грамотность во «второй» столице выросла несколько больше — в среднем в 1,3 раза, в том числе у мужчин — в 1,4 раза, у женщин — в 1,3 раза, тогда как соответствующие показатели Петербурга были ниже. Однако удельный вес мужчин, женщин и обоих полов в Москве оказался ниже аналогичных показателей Петербурга. Кроме того, данные об изменении грамотности детского населения Петербурга и Москвы свидетельствуют, что к началу XX в. 22—23 % детей обеих столиц в возрасте 8—11 лет были неграмотными [5, с. 19—90, 20].

По весьма существенному вопросу о различиях в грамотности коренного и пришлого населения столиц ограничимся отдельными характерными данными. На основании анализа материалов переписи населения Москвы в 1902 г. можно прийти к выводу о том, что коренные москвичи, родившиеся в столице и проживавшие там постоянно, отличались весьма высоким уровнем грамотности: в возрасте от 8 лет и старше грамотным было более 9/10 коренного мужского населения и более 4/5 женского. Напротив, у пришлого населения уровень грамотности был гораздо ниже: из пришлых мужчин неграмотные составляли более 1/4, а среди пришлых женщин наблюдалась почти полная безграмотность (3/5); 3/4 пришлых женщин старшего возраста не умели ни читать, ни писать. В целом показатели грамотности пришлого населения были более чем в 2,5 раза ниже показателей грамотности коренного населения Москвы [4, с. 19]. Необходимо при этом подчеркнуть, что пришлое население резко преобладало в составе всего населения столицы.

Еще более значительной оказалась разница в количестве неграмотных среди коренного и пришлого населения Петербурга в 1900 г. в возрасте от 8 лет и старше. Так, неграмотные, родившиеся в столице, в среднем составляли 10,3 %, в том числе мужчины — 7 %, женщины — 13,5 %; пришлые соответственно — 36,3; 21,6 и 50,9 %; все неграмотное население — 23,3; 14,3 и 32,2 %. Доля неграмотных среди пришлого населения Петербурга была в 3,5 раза выше, чем среди населения, родившегося в Петербурге [4, с. 19].

Для детальной характеристики состояния грамотности и культуры в Центральной России на рубеже XIX—XX вв. проанализируем развитие учебных заведений в районах и губерниях региона.

В Центрально-Промышленном районе народное образование находилось на недостаточном уровне, тем не менее, хотя и медленно, оно развивалось. Следует указать на то, что расходы земства на начальные школы ежегодно возрастали и составили к началу XX в. 1606 тыс. руб. по всему району, в том числе во Владимирской губернии 233 тыс., в Калужской — 131 тыс., в Костромской — 169 тыс., в Московской — 421 тыс., в Нижегородской — 197 тыс., в Тверской — 277 тыс., в Ярославской — 178 тыс. В 90-х гг. XIX в. расходы земства на начальные школы района возросли в целом более чем в 4 раза.

Общее число начальных школ разных ведомств в семи губерниях района составило 7,7 тыс., численность учащихся обоого пола в них — около 381 тыс. чел., в том числе 286 тыс. мальчиков и 94,8 тыс. девочек. В эти общие показатели входили школы Министерства народного просвещения в количестве 3,9 тыс., в которых обучалось 203,3 тыс. мальчиков и 72,1 тыс. девочек. Школ духовного ведомства (церковно-приходских и школ грамоты) было 3,8 тыс., в них обучалось 81,7 тыс. мальчиков и 21,8 тыс. девочек; школы других ведомств находились только в трех губерниях района — Владимирской, Московской и Тверской — в количестве 44, в них обучалось 1,1 тыс. мальчиков и 829 девочек.

Число школ и численность учащихся в разных губерниях района значительно колебались, однако удельный вес учащихся девочек был примерно одинаковым: в среднем по району он составил 24,3 %; минимальным он был в Нижегородской губернии (18,6 %), максимальным — в Ярославской (33,2 %). Одна школа в районе приходилась на 40,1 кв. верст и 1,5 тыс. жителей [7, с. 125].

В последние годы XIX столетия наблюдалось сильное оживление деятельности земств в вопросе народного образования, благодаря чему успехи последнего значительно продвинулись. Некоторые земства (например, Московское, Нижегородское) поставили вопрос о переходе к всеобщему начальному образованию и считали, что в недалеком будущем это можно было бы решить практически.

Статистика высших и средних учебных заведений Центрально-Промышленного района к началу XX в. была следующей. Университеты и институты имелись только в двух губерниях района — Московской и Ярославской — общим числом 9 с численностью обучавшихся мужчин 6,5 тыс. Высшее образование для женщин отсутствовало. В Московской губернии высших учебных заведений было 8 с числом обучавшихся 6,3 тыс. чел., в Ярославской — одно с числом обучавшихся 228 чел.

В районе имелось 148 средних учебных заведений, численность обучавшихся в них составляла 38,5 тыс. чел. Из полученных данных видно, что наибольшее количество всевозможных учебных заведений и учащихся в них приходилось на Московскую губернию как столичную: общее число учебных заведений здесь было 86, в том числе 44 мужских и 42 женских; численность учащихся — 21,7 тыс. чел., в том числе 12,9 тыс. мужчин и 8,8 тыс. женщин. Второе место занимала Ярославская губерния, затем шли Нижегородская, Тверская и Владимирская, а наименьшее количество средних учебных заведений и учащихся в них приходилось на северо-восток и юго-запад района, т. е. на Костромскую и Калужскую губернии. Первая из них имела наименьшее количество женских средних учебных заведений, а вторая — мужских [9, с. 215].

Сравнение показателей грамотности населения, наличия учреждений образования, а также численности обучавшихся дает возможность заключить, что после Московской губернии самой обеспеченной учреждениями образования можно считать Ярославскую, а наименее обеспеченными — Костромскую, Калужскую и Нижегородскую (правда, среднее образование в последней было довольно высоко развито, а начальное — слабо); Тверская же и Владимирская губернии занимали среднее место по уровню развития образования и грамотности.

Успехи народного образования в Центрально-Земледельческом районе к началу XX в. по сравнению с 90-ми гг. XIX в. стали более заметными. В целом здесь насчитывалось 5,7 тыс. начальных школ разных ведомств, которые распределялись по губерниям примерно одинаково: в Тамбовской их была 1 тыс., в Воронежской и Курской — по 880, в Рязанской — 870, в Орловской — 770, в Тульской — 730, в Пензенской — 600.

Общая численность учащихся составляла в районе 380 тыс. чел., в том числе 310,9 тыс. мальчиков и 69,1 тыс. девочек. Распределение учащихся мальчиков по губерниям было примерно одинаковым, а численность девочек заметно колебалась. Удельный вес девочек ко всему количеству учащихся в районе составлял 18,1 %, в том числе в Тульской губернии — 22,5 %, в Рязанской — 20 %, в Воронежской, Курской, Тамбовской — по 17 %, в Орловской и Пензенской — по 16,5 %.

На соотношение школ, населения и территории указывают следующие данные. В среднем по району одна школа приходилась на 51,7 кв. верст и на 2,5 тыс. чел. населения. По губерниям это соотношение выглядело следующим образом: в Воронежской — на 65,8 кв. верст и 2,9 тыс. чел.; в Курской — 46,4 кв. верст и 2,7 тыс. чел.; в Орловской — 53,3 кв. верст и 2,6 тыс. чел.; в Пензенской — 56,8 кв. верст и 2,5 тыс. чел.; в Рязанской — 42,1 кв. верст и 2,1 тыс. чел.; в Тамбовской — 58,5 кв. верст и 2,7 тыс. чел.; в Тульской — 37,2 кв. верст и 1,9 тыс. чел [8, д. 7, 14, 29, 109, 136, 197, 305, 441].

Эти подсчеты показывают, что наиболее обеспеченными начальными школами в районе были две ее северные губернии — Рязанская и Тульская, где показатели числа школ и общей численности учащихся, а также доля обучавшихся девочек были выше, чем в остальных; на самом низком уровне начальное образование находилось в южной части района, т. е. в губерниях Курской, Воронежской и отчасти Тамбовской. Наиболее крупными школами по количеству в них учащихся выделялась Рязанская губерния, а наиболее мелкими — Тульская. Если сравнить приведенные здесь данные о начальном образовании с аналогичными в соседних районах — Центрально-Промышленном и Поволжском, то окажется, что народное образование в рассматриваемом районе находилось на более низком уровне, чем в упомянутых двух соседних районах, как по количеству жителей, на которых приходилась одна школа, так и по численности учащихся, а также по удельному весу девочек ко всему количеству учащихся обоего пола.

На примере Воронежской губернии показательны успехи в развитии грамотности в районе, тем более что она занимала только пятое место среди семи губерний по соотношению учащихся и населения. Среди возрастной группы 45—50 лет к началу XX в. был 21 % грамотных мужчин; в возрасте 40—45 лет — 27 % грамотных; в возрасте 35—40 лет — 31 %; 30—35 лет — уже 37 %; в возрасте 20—30 лет — 40 %; в возрасте 15—20 лет — 46 % и, наконец, в возрасте 10—15 лет — 50 %, что убедительно доказывает, что более половины мужского населения района обучалось грамоте [8, д. 7, 14, 29, 109, 136, 197, 305, 441]. Воронежское земство даже поставило вопрос о всеобщем начальном образовании.

Всего на начальные школы к началу XX в. в семи губерниях района было затрачено около 3 млн руб. (100 %), в том числе казной — 299,6 тыс. руб., или

10,5 % всех затрат; земствами — 1,3 млн руб., или 44,5 %; сельскими обществами — 510,9 тыс. руб., или 17 %; городскими обществами — 348,5 тыс. руб., или 11,5 %; частными лицами — 288,7 тыс. руб., или 9,5 %; плата за обучение составила 178,8 тыс. руб., или 6 %.

В разных губерниях района эти показатели порой значительно колебались, но повсюду расходы земства были больше остальных поступлений и приближались к половине общего объема расходов. Так, в Воронежской губернии на содержание начальных школ казна затратила 9,5 %, земства — 47,5 %, сельские общества — 18,5 %, городские общества — 8 %, частные лица — 5,5 %, плата за обучение составила 11 %, в Курской соответственно — 11, 48, 22,5, 9,5, 5 и 3,5 %; в Орловской — 8,5; 34; 17,5; 14,5; 18 и 7 %; в Пензенской — 11,5; 43,5; 14; 16,5; 10,5 и 3 %; в Рязанской — 10,5; 42; 19,5; 10,5; 11 и 3 %; в Тамбовской — 6,5; 50; 13; 13,5; 7 и 6,5 %; в Тульской — 17; 42; 11,5; 9,5; 13,5 и 6,5 % [8, д. 7, 14, 29, 109, 136, 197, 305, 441].

Из этих подсчетов видно, что дороже всего содержание школ обходилось в Курской губернии, а дешевле — в Тульской. Первое место по объему затрачиваемых средств на начальное образование занимали в районе земства (около 1/2 всех расходов); второе — сельские общества, третье — городские общества, четвертое — казна, пятое — частные лица, причем городские общества и частные лица в отдельности затрачивали немного меньше, чем казна.

Высших учебных заведений в Центрально-Земледельческом районе не было. Среднее образование характеризуют следующие данные. Общее количество учебных заведений в районе составляло 148, в том числе в Воронежской и Орловской губерниях их было по 25, в Курской — 24, в Рязанской — 21, в Тамбовской — 20, в Тульской — 17, в Пензенской — 16. В них обучалось 35,7 тыс. чел., в том числе 20,5 тыс. чел. мужского пола и 15,2 тыс. чел. женского. По губерниям количество учащихся распределялось так: в Воронежской — 5,7 тыс. чел. (3,5 тыс. мужчин и 2,2 тыс. женщин); в Курской — 5 тыс. чел. (1,9 и 3,1); в Орловской — 5,9 тыс. чел. (3,4 и 2,5); в Пензенской — 4,2 тыс. чел. (2,5 и 1,7); в Рязанской — 4,6 тыс. чел. (3,1 и 1,5); в Тамбовской — 6,5 тыс. чел. (4 и 2,5); в Тульской — 3,8 тыс. чел. (2,1 и 1,7) [11, с. 253].

Таким образом, наибольшее количество средних учебных заведений в районе приходилось на Воронежскую и Орловскую губернии, а наибольшее количество учащихся — на Тамбовскую. Наименьшее количество средних учебных заведений и учащихся в них было в Тульской и Пензенской губерниях, причем в первой — несмотря на присутствие такого крупного центра, как Тула. Это объяснялось слабым развитием здесь городской жизни, за исключением одной Тулы, а в Пензенской — относительной отдаленностью этой губернии от более крупных культурных центров и обеих столиц.

Уровень культуры района характеризуют также показатели грамотности и массовых лекториев (народных чтений), народных читален и центральных учительских библиотек. Все названные учреждения имелись, а культурно-массовые мероприятия проводились во всех губерниях района, за исключением Воронежской (здесь отсутствовали центральные учительские библиотеки). Количество пунктов с народными чтениями равнялось 536; количество чтений, проводимых в этих учреждениях, составляло 5,8 тыс. в год; количество посе-

щений этих чтений — 550 тыс. чел. в год. Конечно, в разных губерниях района обнаруживались колебания этих показателей, однако все они были в прямой зависимости между собой. Больше всего посещений и мероприятий было там, где имелось большее число этих учреждений. Количество народных читален в районе было 185, а количество требований — 416 тыс. в год. Центральные учительские библиотеки, как уже было отмечено, имелись только в шести из семи губерний района в количестве 25, число требований в них составили 13,7 тыс. в год [8, д. 7, 14, 29, 109, 136, 197, 305, 441].

В целом приведенные данные свидетельствуют о том, что о народных чтениях и читальнях больше заботились в тех губерниях, где народное образование было развито слабее, чем в других губерниях района; исключение в этом отношении составляла только Пензенская губерния, значительно отстававшая в деле начального образования от других губерний района.

Для характеристики уровня грамотности Северо-Западного района приведем некоторые данные о развитии в нем народного образования.

Ввиду того что высшие и средние учебные заведения были сосредоточены исключительно в городах, для исследования уровня развития образования всего района наибольшее значение имеют начальные школы. На рубеже XIX—XX вв. состояние этого вопроса нельзя было назвать вполне удовлетворительным, хотя отмечалось заметное оживление. Особенно плодотворной в этом направлении была деятельность земств. Расходы этих учреждений на народное образование заметно выросли и к началу XX в. В Петербургской губернии они составили 205 тыс. руб., в Псковской — 180 тыс. руб., в Новгородской — 170 тыс. руб. и в Олонецкой — 120 тыс. руб. [8, д. 5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440].

Более детальную картину могут дать статистические данные по количеству начальных школ и учащихся. Общее число начальных школ всех ведомств было 34 тыс., в том числе 2,7 тыс. Министерства народного просвещения и около 700 духовного ведомства; численность учащихся во всех этих школах составила свыше 165 тыс. чел. обоего пола, включая 151,1 тыс. чел. обучающихся в школах Министерства и почти 14 тыс. чел. — в школах духовного ведомства. Доля девочек во всех школах в среднем по району составила 27,3 %, в том числе в Петербургской губернии — 40,3 %, в Новгородской — 23,4 %, в Псковской — 20,2 % и в Олонецкой — 25,4 %.

Кроме того, следует отметить соотношение начальных школ с численностью жителей, территорией всего района и отдельных губерний. Так, одна школа в районе в среднем приходилась на 114 кв. верст и на 1,4 тыс. жителей; в отдельных губерниях это соотношение выглядело несколько иначе: в Петербургской губернии соответственно — 27,9 кв. верст и 1,3 тыс. чел.; в Новгородской — 84,3 кв. верст и 1,1 тыс. чел.; в Псковской — 79,6 кв. верст и 2,4 тыс. чел.; в Олонецкой — 264,3 кв. верст и 863 чел. [8, д. 5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440].

Приведенные показатели дают представление о плотности школьной сети, но их наглядность несколько ослабляется преобладающим значением крупных городов района, и особенно Петербурга; здесь было сосредоточено большее число учебных заведений, отчего средние показатели общерайонной плотности повышались. Ввиду того что количество школ было тесно связано с

плотностью населения, а именно прямо пропорционально последнему, сопоставим данные о развитии школьной сети с плотностью населения. Таким сопоставлением можно выделить районы, где число школ находилось в том или ином отношении к заселенности, и выяснить, в какой степени была удовлетворена потребность населения в начальных школах.

При сопоставлении всех данных резко выделялся Череповецкий уезд, в котором при низкой плотности населения число школ было относительно велико. В Олонецкой губернии на общем фоне минимальной плотности (менее 10 жителей на 1 кв. версту) выделялись Лодейнопольский и Вытегорский уезды, имевшие сравнительно большее число школ; особое место занимали Повенецкий и Пудожский уезды, где школы встречались очень редко (одна на свыше 1 тыс. кв. верст в первом и 450 кв. верст — во втором).

Следует также обратить внимание на пеструю картину школьной сети довольно большого района с одинаковой плотностью населения (10 — 30 жителей на 1 кв. версту) в юго-западных уездах Новгородской губернии и в Гдовском, Шлиссельбургском и Новоладожском — Петербургской. Здесь встречались уезды с большим числом школ, такие как Новгородский, Гдовский, и, наоборот, уступавшие в этом отношении соседним уездам, например Крестецкий, Портновский и Лужский [8, д. 5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440].

Вопрос о всеобщем начальном образовании, если не о его обязательности, то по крайней мере о возможности посещать школу всем детям соответствующего возраста, неоднократно поднимался отдельными земствами. Первой в осуществлении этих начинаний шла Олонецкая губерния, в которой уже к концу XIX в. число школ соответствовало численности всех детей и подростков 7—14-летнего возраста; на последнем месте в районе находилась Псковская губерния. Иную группировку губерний получим при обследовании состояния среднего и высшего образования в Северо-Западном районе.

Высшие учебные заведения имелись только в одной губернии района — Петербургской — в количестве 27 (22 — мужских, 5 — женских); в них обучалось 11,6 тыс. чел., в том числе 9,7 тыс. мужчин и 1,9 тыс. женщин. Средние учебные заведения имелись во всех губерниях района, но большинство их и здесь принадлежало столичной губернии. Общее число средних учебных заведений в районе составляло 187, в том числе 101 мужское и 86 женских; по губерниям они распределялись так: в Петербургской было 72 мужских и 65 женских, в Новгородской — соответственно 13 и 9, в Псковской — 10 и 9, в Олонецкой — 6 и 3.

Общая численность учащихся в районе была 31,8 тыс. чел., в том числе 18,3 тыс. мужчин и 13,5 тыс. женщин; в Петербургской губернии их было больше всех — соответственно 23,9; 13,6 и 10,3 тыс. чел.; в Новгородской и Псковской примерно равное количество: в первой соответственно — 3,7; 2,2 и 1,5 тыс. чел., во второй — свыше 3 тыс. чел., свыше 2 тыс. мужчин и свыше 1 тыс. женщин; и только в Олонецкой губернии эти показатели были минимальными — 1,2 тыс. чел., свыше 600 мужчин и свыше 600 женщин [8, д. 5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440].

Состояние народного образования в Поволжье на рубеже XIX—XX вв. выглядело следующим образом. Общее число начальных школ всех ведомств в

районе составляло 5,4 тыс., включая 2,6 тыс. школ Министерства народного просвещения и земства, свыше 2,8 тыс. духовного ведомства и 4 тыс. школ других ведомств. Их количество по пяти губерниям района значительно колебалось. Общее количество учащихся обоего пола равнялось 323,3 тыс. чел., в том числе 242,2 тыс. мальчиков и 81 тыс. девочек. В школах Министерства народного просвещения и земства обучалось 166,8 тыс. мальчиков и 62,5 тыс. девочек; в школах духовного ведомства — 75,3 тыс. мальчиков и 18,5 тыс. девочек; в школах же других ведомств — только 174 мальчика. Удельный вес девочек к общему числу учащихся всех школ района составлял 23 %, а по губерниям он также колебался: в Астраханской — 24,1 %, в Казанской — 17,2 %, в Самарской — 29,9 %, в Саратовской — 27 %, в Симбирской — 16,6 % [8, д. 5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440].

Одна школа во всем районе в среднем приходилась на 96 кв. верст и на 1,8 тыс. жителей; по губерниям эти показатели были разными: в Астраханской — на 590,3 кв. верст и 2,8 тыс. чел., в Казанской — 46,9 кв. верст и 1,8 тыс. чел., в Самарской — 78,6 кв. верст и 1,6 тыс. чел., в Саратовской — 55,4 кв. верст и 1,8 тыс. чел., в Симбирской — 56,9 кв. верст и 2 тыс. чел.

Из приведенных данных нельзя не видеть, что народное образование в районе находилось на невысокой ступени развития: одна школа приходилась на 96 кв. верст и 1,8 тыс. жителей, а учащихся на 1 тыс. жителей — всего 32 чел., причем обучавшихся девочек было в 3 раза меньше, чем мальчиков. Правда, по отдельным губерниям района показатели, характеризующие положение начального образования, значительно отклонялись от приведенных средних цифр: по численности учащихся на 1 тыс. жителей первое место занимала Саратовская губерния (43 чел.), по плотности школ — Казанская (1 школа на 47 кв. верст), а по числу жителей на школу — Самарская (1,6 тыс.). Последнее место во всех отношениях занимала Астраханская губерния, где одна школа приходилась на 590 кв. верст и на 2,8 тыс. жителей, а учащихся было 17 чел. на 1 тыс. жителей [8, д. 5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440]. Такое слабое развитие народного образования в Астраханской губернии объяснялось отсутствием в ней земских учреждений, на которых в других губерниях лежала главная ответственность в решении этого вопроса.

Статистические данные о числе высших и средних учебных заведений и обучавшихся в Поволжском районе к началу XX в. дают такие количественные показатели. Университет и институты имелись лишь в Казанской губернии в количестве 3 с 1,6 тыс. чел. обучавшихся только мужского пола. Общее число средних учебных заведений в районе было 71, в том числе 46 мужских и 25 женских; по губерниям они были распределены следующим образом: в Казанской губернии соответственно — 29, 21 и 8, в Самарской — 8, 5 и 3, в Саратовской — 20, 12 и 8, в Симбирской — 8, 5 и 3, в Астраханской — 6, 3 и 3. Общее число обучавшихся в средних учебных заведениях района составляло 17,4 тыс., в том числе 9,6 тыс. мужчин и 7,8 тыс. женщин; по губерниям их распределение было таким: в Казанской — 6 тыс. чел. (3,4 тыс. мужчин и 2,6 тыс. женщин); в Самарской — 2,4 тыс. чел. (1,1 и 1,3); в Саратовской — 5,1 тыс. чел. (2,7 и 2,4); в Симбирской — 2,3 тыс. чел. (1,4 и около 900); в Аст-

раханской — более 1,5 тыс. чел. (свыше 900 и свыше 600) [8, д. 5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440].

Приведенные данные ясно показывают, что роль центра культуры и образования в районе в изучаемый период принадлежала Казани. Здесь были сосредоточены все высшие (университет, духовная академия и ветеринарный институт) и почти половина средних учебных заведений района. Второе место по количеству средних учебных заведений и учащихся в них занимала Саратовская губерния, затем следовали Самарская и Симбирская, которые делили третье место, и, наконец, Астраханская губерния.

Итак, грамотность и образование населения Центральной России на рубеже XIX—XX вв. находились на довольно низком уровне. Это объяснялось прежде всего неразвитостью школьного дела, особенно начального образования. Среднее и высшее образование для широких слоев населения были мало доступными.

Библиографический список

1. *Благовещенский Н. А.* Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. М. : Изд-во ЦСК МВД, 1893. Т. 1. 280 с.
2. *Бычков Н.* Грамотность сельского населения по данным земской статистики // Юрид. вестн. 1890. Июль — август. С. 310—312.
3. Военный сборник. 1902. № 3. 50 с.
4. Известия Московской городской думы. 1904. Март. 55 с.
5. Материалы по статистике Петрограда. Пг. : Босстат, 1921. Вып. 4. 120 с.
6. Народное образование в Курской губернии. Курск : Изд-во губ. стат. коллегии, 1987. 200 с.
7. Общий свод по империи. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1900. Т. 1. 250 с.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 187.
9. Сборник статистических сведений по Московской губернии: народное образование. М. : Изд-во Мин-ва нар. просвещения, 1894. Т. 9. 250 с.
10. Статистический атлас г. Москвы и Московской губернии. М. : Госстат, 1924. Вып. 1. 170 с.
11. Статистические сведения по начальному образованию. СПб. : Изд-во Мин-ва нар. просвещения, 1912. Вып. 1. 325 с.
12. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб. : Изд-во Мин-ва нар. просвещения, 1898. Вып. 1. 500 с.

ББК 74.200.56

Л. В. Штылева

ДВА ПОДХОДА К МОДЕРНИЗАЦИИ «ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ» СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ (1990—2000-е гг.)

Российская Федерация в 1992 г. объявила образование национальным приоритетом с ориентирами на общечеловеческие ценности, жизнь и здоровье человека, свободное развитие личности [8]. В нормативных документах, отражающих стратегии реформ, неоднократно подчеркивалось, что в основу модернизации положен курс на гуманизацию и демократизацию школьного образования, воспитание самореализующейся личности, способной самостоятельно принимать решения и нести ответственность за свой выбор.

Анализ публикаций (за период с 1993 по 2008 г.) в двадцати ведущих педагогических журналах, ориентированных на отражение школьной жизни, показал, что на рубеже 1990—2000-х гг. ни одна из проблем образования не вызвала столько острых споров и обсуждений в СМИ, как проект модернизации полового просвещения российских школьников.

Вопрос о необходимости модернизации сексуального просвещения школьников в России был поднят в статье И. С. Кона «Открытие запретной темы» еще в конце 1980-х гг. [2]. Кульминации обсуждение достигло в 1996—1997 гг. Дискуссия продолжается до сих пор. На ее обострение влияет развитие политических процессов, возрождение идеологического влияния РПЦ, появление различных новых программ и иные факторы [4, 11].

Анализу событий, связанных непосредственно с попыткой внедрения в школу новой программы сексуального просвещения, и анализу позиций, высказанных как сторонниками, так и противниками проекта «Половое воспитание российских школьников», посвящена специальная глава (4-я) в книге И. С. Кона «Подростковая сексуальность на пороге XXI века» (2001), статьи сотрудников РАО и специальные исследования [3, 9, 10].

Точка зрения сторонников модернизации сексуального просвещения в рамках школьного образования (рабочая группа при Министерстве образования, РАПН, ведущие отечественные эксперты И. С. Кон, В. Е. Каган и другие) заключалась в том, что все предыдущее «половое воспитание», включая целевые курсы школьного образования «Этика и психология семейной жизни», «Гигиеническое и половое воспитание» (1983—1985 гг.), игнорировало вопросы сексуальности или трактовало их с заведомо «охранительных» позиций. В результате «аистовой педагогики» в подходах к половому воспитанию и ком-

плекса независящих от образования факторов (стремительное падение уровня жизни, «сексуальная революция» 1980—1990-х гг., ослабление и снятие под видом «демократизации» норм нравственной цензуры в СМИ, проникновение в страну наркотиков и др.) в России 1990-х обострилась ситуация с ростом заболеваний, передающихся половым путем. В геометрической прогрессии стал распространяться ВИЧ/СПИД. Дали о себе знать и новые проблемы: рост детской и юношеской проституции, подростковых беременностей, малолетнего материнства и др. По мнению авторов и сторонников современной программы сексуального просвещения школьников, адекватное сексуальное просвещение могло бы сыграть важную роль в снижении заболеваемости и нежелательных беременностей. Предлагалось, используя практику зарубежного и отечественного сексуального просвещения школьников, опытным путем определить необходимое и достаточное содержание 30-часового курса, выбрать наиболее подходящий возраст, методы и формы проведения занятий, подготовить дидактические материалы и методические рекомендации для педагогов. Но, по оценке И. С. Кона, допущенные Министерством образования и РАО организационные и методические просчеты спровоцировали выступление противников модернизации полового воспитания в российских школах [3, с. 3—77].

Противники проекта сексуального просвещения школьников (из ФСПЗСиР, КИРФ, РПЦ) представили его обществу как «пагубный эксперимент», как проявление политики «криминального государства», где основными действующими лицами являются «секс-эmissары» из Министерства образования, президентской программы планирования семьи, ЮНЕСКО, Фонда народонаселения ООН. Новая программа полового воспитания преподносилась в этом контексте как вмешательство Запада в вопросы национальной безопасности, связанные в первую очередь с демографией и репродуктивным здоровьем населения, вмешательство, которое ведет к уничтожению «русского архетипа и менталитета». В качестве *аргументов против* модернизации подходов к сексуальному просвещению молодежи и школьников использовались рассуждения в духе славянофилов XIX в. об «особом типе сексуальной культуры, свойственной России», утверждения о том, что в отличие от Запада сексуальная проблематика в России — это «культурно табуированная тема», что существует запрет на обсуждение проблемы секса в «культурном ядре», что Россия — «патриархатная страна» и т. д. «Стыд», «целомудрие», «воздержание», «духовность» как характерные черты русской культуры противопоставлялись «сексуальной разнузданности», «агрессивности», «технологизации и бездуховности сексуальных отношений» культуры западной [6, 7]. На самом деле поименованные выше представления о русской культуре не соответствуют реальности, выдают желаемое за действительное. Это доказывают исследования истории русской сексуальной культуры с древнейших времен до наших дней И. С. Кона, Н. Л. Пушкаревой и других [1, 3, 5].

Иначе говоря, определились два принципиально разных подхода к вопросу сексуального просвещения современных школьников.

Приверженцы первого полагали, что критическая ситуация в России (и в том числе с семьей как социальным институтом) требует разработки программ полового воспитания, учитывающих как лучший отечественный, так и лучший

западный опыт. При этом обострение демографического кризиса, рост числа абортотв и количества венерических заболеваний, снижение возраста сексуального дебюта и материнства выступали в качестве аргументов за введение современных программ сексуального просвещения.

Приверженцы второго, диаметрально противоположного подхода, следуя известной традиции славянофилов, утверждали, что западный путь неприемлем для России и необходимо опираться на традиционные институты (в первую очередь семью и церковь). Те же характеристики демографического и нравственного кризиса они использовали как аргументы против модернизации полового воспитания и сексуального просвещения школьников.

Следует подчеркнуть, что ключевой дефиницией в этой дискуссии выступает понятие «безопасный секс». Противники проекта расценивали его как продвижение коммерческих интересов западных фармацевтических концернов, выпускающих различные средства контрацепции. Сторонники, напротив, подразумевали под ним необходимость и возможность своевременно знакомить школьников с рисками сексуальных отношений, в особенности ранних и случайных, с моральными, медицинскими и физиологическими последствиями абортов и др. *Иначе говоря, в данном контексте в качестве одной из важнейших категорий выступала оппозиция «контроль — бесконтрольность».* Сторонники модернизации ориентировали воспитание на информированность и самоконтроль личности в вопросах сексуальности.

Фиксируя ослабление роли семьи, негативные воздействия СМИ, особенности новой молодежной и подростковой субкультуры, влияние криминогенной ситуации в стране, сторонники сексуального просвещения не видели альтернативы школе в реально сложившейся ситуации, считали, что нельзя ее не признавать, а надо смотреть правде в глаза и отвечать на вызов времени. Их противники (И. Медведева, Т. Шишова, представители РПЦ и др.) настаивали на том, что половое воспитание и вопросы интимной культуры — это *традиционно* дело семьи и церкви и вмешательство школы неуместно [6, 7]. Таким образом, налицо известный «охранительный» подход, смысл которого сводится к стратегии «умолчания», «запретов и устрашения», внешнему контролю юношеской сексуальности.

Обращает на себя внимание, что *из вопроса преимущественно педагогического плана* обсуждение проблемы модернизации полового воспитания школьников переведено в область политики, противоборства между либералами и традиционалистами, сторонниками и противниками свободы индивидуального (экзистенциального) репродуктивного выбора. С одной стороны, такой поворот, несомненно, подтверждает гендерную теорию социального конструирования пола и сексуальности, властных интенций контроля над сексуальностью со стороны государства, церкви и др. С другой стороны, сопротивление, оказанное самой идее своевременного и квалифицированного сексуального просвещения молодежи и подростков, заблокировало возможность современного подхода к вопросу полового воспитания школьников в целом. Обсуждать гендерные роли, нравственные аспекты межполовых отношений и при этом исключать из них все, что связано со сферой интимных отношений между мужчиной и женщиной, представляется, по крайней мере, нелогичным. Под давле-

нием развернувшейся на страницах печати массовой критики со стороны противников модернизации 28 марта 1997 г. Президиум РАО принял постановление, в котором задача сексуального просвещения школьников *снова* подменялась нравственным воспитанием с «элементами полового воспитания». По мнению И. С. Кона, широко известному в научных кругах, *эта формулировка отбросила половое воспитание в российской школе к началу 1960-х гг.* В последующих документах РАО, посвященных вопросам здоровья подростков, сексуальное просвещение даже не упоминается.

По вопросам полового воспитания в педагогических журналах в последующий период было опубликовано более 30 статей преимущественно социально-медицинского характера. В них ощутима тенденция клерикализации образования и воспитания школьников. Например, в разделе «Подготовка к семейной жизни» журнала «Воспитание школьников» не только активно публикуются сценарии школьных праздников, материалы для бесед со школьниками, в которых перепеваются привычные стереотипы «жертвенного материнства» и «героической маскулинности», но, как «веяние времени», под эгидой толерантности преподносятся наставления православных священников. В 2007 г. из номера в номер печатались статьи священника И. Шугаева (в помощь классным руководителям для бесед со школьниками). Содержание этих текстов вполне соответствует традиционным канонам православия, в которых нет ничего плохого, кроме того, что они не отражают реалий современной жизни, ценностей равноправия полов, экзистенциальной свободы выбора и ответственности индивида в контексте постиндустриального мира. Содержание этих бесед совсем не отвечает, если верить социологам, на те вопросы, которые на самом деле интересуют подростков и школьников XXI в. в части проблем межполового взаимодействия [3, с. 71].

Подводя итог, можно констатировать, что школьная практика «полового воспитания» 1990—2000-х не претерпела существенных изменений по сравнению с периодом 60—80-х гг. XX в. После отказа от курса «Этика и психология семейных отношений» она не предложила ученикам ничего иного и в части квалифицированного «сексуального просвещения» учащихся осталась «бесполой». Этому способствовали избыточная идеологизация и политизация по сути педагогической проблемы, консервативные настроения в рядах самой педагогической науки, гендерный алармизм учителей, сильные традиции биодетерминизма в ущерб социально-педагогической аргументации при ответе на вопрос: «Какой тип полового воспитания больше соответствует задачам, которые перед школой ставит время и общество?»

Библиографический список

1. «А се грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.) / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М. : Ладомир, 1999. 861 с.
2. Кон И. С. Открытие запретной темы // Вожатый. 1989. № 10. С. 52—56.
3. Кон И. С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Дубна : Феникс +, 2001. 208 с.

4. Кон И. С. Сексуальное воспитание и профилактика СПИДа. Пригодится ли нам французский опыт? // Семья и школа. 2006. № 12. С. 16—19.
5. Кон И. С. Сексуальная культура в России : клубничка на березке. М. : ОГИ, 1997. 464 с.
6. Медведева И., Шишова Т. «Мирный план» в действии : «крестовый поход» против населения России // Нар. образование. 1999. № 10. С. 184—190.
7. Медведева И., Шишова Т. «Эбьюз нерушимый...» // Там же. 2000. № 1. С. 170—178.
8. Об образовании : федеральный закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1. URL: http://www.edu.ru/db/portal/spe/os_zip/540600b_2005.html (дата обращения: 10.06.2011).
9. Снарская О. Сексуальное образование российских школьников: дискуссия и практика : дис. ... магистра политол. наук. СПб., 2006. 80 с.
10. Собкин В., Кузнецова Н. Половое воспитание школьников и модели агрессивного поведения на ТВ // Нар. образование. 1999. № 7/8. С. 250—255.
11. Ходаков М. Сексуальная революция в российской школе. Не пора ли остановиться? // Там же. 2007. № 9. С. 247—251.

ББК 60.542.2

Ю. С. Тукачева

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Гендер является предметом изучения не только гендерных исследований, но и многочисленных социогуманитарных наук. Ученые видят в этом феномене методологический потенциал разрешения многих социальных вопросов и рассматривают гендерный подход как метод преобразования полоролевых взаимодействий. Так, по мнению Г. А. Брандт, гендер «не дается человеку от природы или от Бога, а конструируется его социокультурным окружением, он — продукт власти, а гендер — категория, призванная, прежде всего, таким образом, вскрыть технологию воспроизводства властных отношений в сфере пола» [3]. Исследователи-социологи А. А. Темкина и Е. А. Здравомыслова понимают гендер как культурно-символическое определение пола, как вариант стратификационного подхода, который «работает» на уровне анализа идентичности, межличностных отношений, системном и структурном уровне [16]. Исследователь-психолог И. С. Клещина считает, что гендерный подход принципиально отличается от традиционного, т. к. представляет иную модель психологического пола — «мультифакторный конструкт», который включает не только маскулинные и фемининные черты, но и гендерные представления, стереотипы, интересы, установки полоролевого поведения [5]. Известный исследователь ген-

дерной проблематики И. Кон отмечает, что «сложилась ситуация, когда мужчины и женщины начали открыто и жестко конкурировать друг с другом не только в семейно-бытовой сфере, но и в самом широком спектре общественных отношений и деятельностей. Однако конкуренция — не только соперничество, но и способ кооперации, в результате которой у представителей обоих полов образуются новые социальные качества» [7, с. 372]. Таким образом, ученый позитивно оценивает явление гендерного подхода к социальным изменениям в обществе.

Благодаря гендерному подходу пол стал рассматриваться как инструмент современной социальной детерминации и стратификации (наравне с классом, этносом, конфессией, культурой), а актуальные социальные проблемы — власти, насилия, самосознания, свободы — теперь предстают как проблемы, связанные с принадлежностью к определенному полу [6]. Образовательное отношение по своей природе социально, т. к. неизбежно связано с передачей накопленных знаний и различных ценностей от поколения к поколению. Основные социальные функции образования по Э. Дюркгейму следующие (см. : [9, с. 55]):

— приобщение человека к достижениям культуры, трансляция этих достижений;

— социализация и социальный контроль: интериоризация мотивации, стандартов поведения и определенной жизненной позиции, воспитание законопослушных, функционально грамотных граждан;

— профессиональная селекция: образование обладает возможностями определения предрасположенности человека к профессиональной деятельности и средствами для соответствующего отбора;

— социальная селекция: образование служит механизмом закрепления личности за определенной социальной группой;

— социокультурное преобразование общества: образование является важнейшей культурной детерминантой общества.

Цель данной статьи — дать характеристику гендерного подхода в сфере образования на основе процессов гендерной социализации и адаптации личности в ходе важнейших коммуникаций — образования и воспитания.

Взаимоотношение воспитания и образования является центральной проблемой системно понимаемой педагогической деятельности. Если образование формирует миропонимание входящего в мир человека, знание законов мироздания, то воспитание — его мировоззрение, т. е. его отношение к миру. Возникает парадоксальная ситуация: образование, осуществляющее производство, воспроизводство и перенос знаний о мире, отрывается от воспитания отношения к этому миру, от формирования господствующего в культуре мировоззрения. Происходит осознание философской мысли отрыва в системе образования понимания мира (объекта) от формирования отношения к нему (субъекта к объекту). Причину такого положения дел можно понять только с точки зрения ценностного подхода. Таким образом, мы видим необходимость связи, соединения образования и воспитания в единую педагогическую систему, в которой решается двуединая задача: передачи знаний путем коммуникации и формирования ценностного сознания человека, его мировоззрения [1].

Гендерный вопрос в коммуникациях системы образования рассматривается в контексте следующих проблем: 1) половой идентичности, которая в гендерном подходе как методе считается социально конструируемой; 2) повышении «социального интеллекта» в образовании.

Среди российских ученых первыми поставили вопросы гендерной проблематики в образовании И. Кон, А. Мудрик, Л. Попова, Л. Штылева и другие. В своих работах они показали, что элементы педагогической системы — цели, содержание, методология и формы обучения — традиционно «бесполюсы». Также учеными признано значительное влияние гендерных ролей и стереотипов на процессы воспитания и образования [10, с. 329—330]. Образовательные учреждения преподносят очень влиятельные уроки гендерных отношений, ведь учебные заведения — это не только коллектив и помещение, это еще и система правил, по которым люди взаимодействуют между собой, тот порядок, который позволяет им работать. Речь идет о понятии «скрытого учебного плана». Скрытый учебный план, во-первых, включает организацию самого учреждения, гендерные отношения на работе, гендерную стратификацию учительской профессии. Во-вторых, сюда относится содержание предметов, а в-третьих, — стиль преподавания. Эти три измерения скрытого учебного плана не просто отражают гендерные стереотипы, но и поддерживают гендерное неравенство [24]. Сам термин «скрытый учебный план», или «латентная программа» (по-английски — *hidden curriculum*), был впервые предложен американским социологом П. Джексоном в 1968 г. в его книге «Жизнь в аудиториях». Джексон полагает, что скрытый учебный план — это те ценности, диспозиции, нормы, attitudes и навыки, которые выучиваются независимо от темы урока или предмета (см.: [23]).

Итак, целью гендерного подхода в образовании является деконструкция традиционных культурных ограничений развития потенциала личности в зависимости от пола, осмысление и создание условий для максимальной самореализации и раскрытия способностей девушек и юношей в процессе педагогического взаимодействия. Как отмечает М. В. Юсупова, «гендерное образование — одна из важных задач общей программы построения гражданского общества в России, развития и укрепления демократических идей и взглядов в нашей стране» [21, с. 91].

Однако внедрение гендерного подхода в практику образования сталкивается с множеством трудностей. И. И. Юкина представила анализ процесса институционализации гендера в системе высшего образования. Наряду с успехами гендерного образования она выделила ряд серьезных нерешенных проблем. Среди них:

1) организационные проблемы, проблемы «вписания» гендерных курсов в образовательный стандарт по подготовке специалистов разного профиля, а также оформление специализированных гендерных курсов как дополнительного профессионального образования;

2) проблема содержания курсов и качества преподавания;

3) проблема отсутствия научной рефлексии по поводу познавательного статуса гендерных исследований как нового направления в науке и гендерного подхода как метода научного познания.

И. И. Юкина приходит к выводу, что решение проблем методологического обеспечения гендерных курсов и качество их преподавания является новым барьером на пути институционализации гендерного образования в системе высшей школы в России [20].

Л. В. Штылева констатирует, что к 2000 г. определились два стратегических направления интегрирования гендерного подхода в образование: одно из них — высшая школа, другое — «все остальное», т. е. общеобразовательная школа, учреждения начального и среднего профессионального образования, просветительские программы организаций третьего сектора. По мнению социологов, отмечает Л. В. Штылева, основные препятствия на пути к интеграции гендера в образование выражаются в следующих факторах: социокультурных, политических, организационно-финансовых и личностных. Наиболее острой является проблема концептуализации гендерного подхода в педагогике, которая до сих пор не решена и лежит в основе торможения процесса распространения гендерной инновации на высшее педагогическое образование. Возрастает потребность в профессиональной подготовке гендерно компетентных педагогических кадров, педагогов-экспертов по гендерному подходу в образовании [18].

Так как гендер рассматривается в качестве социокультурной категории, он предполагает социокультурное развитие личности, иными словами, формирование гендерно компетентной личности, владеющей информацией о гендерной культуре, гендерной системе, гендерной идентичности. На практике подобные знания должны обеспечить более глубокую социальную сознательность и ответственность человека перед обществом. Это выражается в общей психологической направленности личности на справедливость и равноправие, активной жизненной позиции. Явление гендера заставляет вводить в сферу образования учебные предметы общественных наук, акцентируя внимание на гендерном устройстве социума. Подобная ситуация говорит о новой, «парадигмальной» тенденции к изучению общественной жизни.

Ученые продолжают обосновывать необходимость включения гендера в систему образования: проводится экспертиза учебной литературы, разрабатываются и внедряются курсы гендерного просвещения преподавателей и учащихся. Таким образом, происходят локальные включения гендерной теории в программу обучения. Однако острота проблемы остается прежней.

Экспертиза учебной литературы и программной документации показала наличие «скрытого учебного плана», подкрепляющего стереотипные представления о месте и роли женщины/мужчины в обществе. О. А. Воронина изучила проблему гендера в образовании на примере учебной литературы и считает, что образовательные программы по гендеру необходимы студентам и преподавателям, потому что в них обсуждаются и анализируются реальные человеческие проблемы. Автор предлагает включить в государственные образовательные стандарты по социальным и гуманитарным наукам гендерный подход, а также сократить количество выпускаемой учебной литературы, содержащей признаки половой дискриминации [2, с. 123—124]. Л. П. Окулова в статье «Гендер в системе отечественного образования» высказывает мнение о том, что гендерный подход необходимо внедрять в целом в систему «дошкольное образование — школа — вуз — повышение квалификации» на основе прием-

ственности, т. е. гендерное образование должно продолжаться всю жизнь. Это позволит, по ее словам, создать эффективно действующую систему гендерного просвещения населения. Она считает целесообразным ввод гендерной составляющей в учебные программы всех уровней образования [11]. Е. Г. Луковицкая и А. М. Осипов полагают, что на уровне образовательной политики и управления образовательными учреждениями необходимо стремиться: 1) к повышению престижности работы в сфере образования; 2) введению учебных дисциплин по гендерной проблематике; 3) проведению гендерной экспертизы и коррекции школьных учебников; 4) тренингу и освоению таких стилей преподавания и общения в системе образования, которые подразумевают преодоление ложных и несправедливых гендерных стереотипов [8].

Сегодня существует реальная проблема социализации и социальной адаптации личности в образовании, которая влияет на ее/его профориентацию, не учитывая гендерный фактор самоактуализации. Важно расширять границы мышления и в то же время не терять умения целостности мировосприятия. Помимо изучения школьных предметов, человек должен учиться анализировать свою роль и место в социальных процессах, которые будут управлять его судьбой впоследствии. Он (она) должен видеть свою перспективу развития. В. В. Сериков утверждает, что «смена парадигмы, при которой знания считались единственным продуктом образования, неизбежна» [14]. Пока система образования не выполняет функции социальной адаптации личности. Налицо кризис человеческого потенциала: безработица, преступность.

Так, например, Л. А. Юргина к числу социальных функций образования относит социально-экономические и культуротворческие. Первые связаны с формированием и развитием интеллектуального, научно-технического и кадрового потенциала общества; вторые — с развитием духовной жизни [22]. Не принимается во внимание еще одна, не менее важная функция — социальной адаптации человека в жизни, за что отвечает социальный компонент образования. В статье «Междисциплинарный подход к социальному образованию» О. В. Солодянкина подчеркивает цель социального образования в социальной компетентности личности [15]. Таким образом, собственно гендерный подход к социальному образованию является стержнем новой парадигмы в образовании. Ее смысл, на наш взгляд, заключается в неспособности системы образования самостоятельно адаптироваться к требованиям гендерной инновации. Поэтому основная задача гендерной парадигмы заключается в разработке методологического обеспечения обновленного содержания коммуникаций в образовании.

В настоящее время в теории образования уже происходят изменения. Л. П. Шустова считает, что одним из важных направлений развития педагогической науки на современном этапе является становление новой отрасли научных знаний — гендерной педагогики [19]. Гендерная педагогика — это проектирование учебно-воспитательного процесса и создание условий для реализации возможностей мальчиков и девочек [4]. Методологическую основу гендерной педагогики составляют принципы феминистской педагогики, которая прославляет ориентацию на студента, демократическую структуру учебного процесса, предполагает отказ от декларируемой традиционной педагогикой нейтральности позиции преподавателя за счет поощрения групповых обсужде-

ний, за счет привнесения в преподавание собственной субъективности. Феминистская педагогика также побуждает студентов к рефлексии их женского и мужского опыта, внимательна к эмоциональному и телесному измерениям их существования. Предлагается учитывать, что момент гендерных различий между преподавателем и студентом играет не последнюю роль в эффективности преподавания [17, с. 124—125].

Гендер становится социальной категорией фактически любой науки. Везде имеет место гендерное соотношение мужчин и женщин, сравнение их достижений. Дух конкуренции между ними сейчас носит соревновательный характер, и здесь на первый план выходит личностный потенциал человека, его талант и способности независимо от половой принадлежности. Важно исключить эту конкуренцию из системы образования, дать личности независимо от предубеждений развивать свою гендерную индивидуальность. Выйдя в социум, она сможет конкурировать на справедливых условиях в плане карьерных достижений. Особый акцент, на наш взгляд, следует сделать не на коррекции воспитательных ограничений на основе гендерной чувствительности педагога, а на необходимости изучения социальных процессов, происходящих в обществе. Таким образом, главенствующая функция образования сегодня — не только обучить и воспитать, но прежде всего социально адаптировать, а изучение наук общественного развития, таких как социология, социальная философия, семейведение, обществознание, политология должно быть пронизано знанием о гендерной системе общества.

Итак, образование нового века должно стать эффективным механизмом, который дает людям возможность самим планировать свою жизнь на принципах активного гражданства. Это возможно только при смещении акцента на модель гендерно ориентированного обучения. Занятия по гендерной проблематике должны помочь студентам «открывать» свои личностные качества, свои способности к межличностным контактам, получить социальный опыт других, развивать гендерную индивидуальность [13, с. 69].

В целом, анализируя гендерную теорию в образовании, можно обозначить проблему социального развития личности как проблему гендерной социализации и социальной адаптации в процессе учебной коммуникации и выделить следующие противоречия.

1. Воспитательный аспект: коммуникативное взаимодействие в образовании не воспроизводит принципы гендерной социализации, которая предполагает формирование гендерной идентичности с эгалитарными ценностными ориентациями.

2. Образовательный аспект: социальная адаптация личности в образовании, влияющая на ее профессиональную ориентацию, не учитывает гендерный фактор самоактуализации.

3. Методологический аспект: гендерное просвещение предполагает необходимость повышения социального качества образования, бросая вызов устоявшейся идеологии и методологии системы образования.

Вышеизложенные противоречия обозначают основную проблему гендерного подхода к коммуникации в образовании как проблему методологического преобразования педагогической реальности в соответствии с современными требованиями общества о гендерном просвещении.

Библиографический список

1. Алиева Н. З., Ивушкина Е. Б., Лантратов О. И. Становление информационного общества и философия образования. М. : Акад. естествознания, 2008. URL: <http://www.monographies.ru/23> (дата обращения: 24.11.2011).
2. Воронина О. А. Образование и гендерное равенство: экспертиза учебников для высшей школы // Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования. Гендерное образование в России: сб. материалов / сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова. М. : Макс-Пресс, 2008. С. 115—125.
3. Брандт Г. А. Гендерные исследования в России: особенности и проблемы // Гендерные отношения в современной России. Самара : Самар. ун-т, 2003. URL: <http://www.liza.am/article/001.htm> (дата обращения: 29.11.2011).
4. Ерофеева Н. Ю. Основные категории гендерной педагогики // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. : Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 2. С. 85—102.
5. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теоретическое обоснование // Гендер как инструмент познания и преобразования общества : материалы Междунар. конф. «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество», Москва, 4—5 апр. 2005 г. / ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова. М. : МЦГИ : Солтэкс, 2006. С. 142—152.
6. Климова В. В. Гендерное просвещение в условиях глобализации // Грани познания : электр. науч.-образоват. журн. ВГПУ. 2009. № 3 (4). Октябрь. URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 14.09.2011).
7. Кон И. 80 лет одиночества. М. : Время, 2008. 432 с.
8. Луковицкая Е. Г., Осипов А. М. Образование и гендер // Образование и общество : науч. информ.-аналит. журн. URL: <http://www.education.rekom.ru> (дата обращения: 29.11.2011).
9. Мухудадаев М. О. Образование : введение в дискурс социальной политики. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 233 с.
10. Образование в гражданском обществе: концептуальные подходы и технологии : моногр. : в 2 т. / под общ. ред. акад. О. А. Колобова. Н. Новгород : ФМО/ИСИ ННГУ, 2008. 414 с.
11. Окулова Л. П. Гендер в системе отечественного образования // Грани познания : электр. науч.-образоват. журн. ВГПУ. 2010. № 2 (7). Июнь. URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 29.11.2011).
12. Педагогика и психология высшей школы : учеб. пособие / ред. М. В. Буланова-Топоркова. Ростов н/Д : Феникс, 2002. 544 с.
13. Перспективы гендерного образования в России: взгляд педагога / И. Костинова, А. Митрофанова, Н. Пулина, Ю. Градская // Высшее образование в России. 2001. № 2. С. 68—85.
14. Сериков В. В. Парадигма современного образования: ориентация на личность // Научно-педагогические школы юга России: теория и история развития : ежемес. электр. пед. журн. URL: <http://rspu.edu.ru/university/publish/schools/2/index.html> (дата обращения: 14.12.2010).
15. Солодянкина О. В. Междисциплинарный подход к социальному образованию // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. : Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 2. С. 112—118.
16. Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 15—23.

17. Трубина Е. «Гендерный» вопрос в вузе: взаимоотношение перемен и парадоксы адаптаций // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе : сб. ст. / под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2003. С. 102—141.
18. Штылева Л. В. Становление гендерного подхода в высшем педагогическом образовании // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. С. 227—234.
19. Шустова Л. П. Подготовка педагогов к гендерному образованию и воспитанию детей // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 2. С. 98—100.
20. Юкина И. И. Гендерное образование в России: состояние вопроса // Пол и гендер в науках о человеке и обществе / под ред. В. Успенской. Тверь : Феминист-Пресс, 2005. С. 9—14.
21. Юсупова М. В. Образование в гендерном измерении // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 5. С. 90—91.
22. Юргина Л. А. Социальные функции высшего образования // Сб. науч. тр. СевКав-ГТУ. Сер. : Гуманит. науки. 2010. № 8. С. 151—155.
23. Ярская-Смирнова Е. Р. Скрытый учебный план как традиция социологических исследований // Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность / под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск : Изд-во Ульян. гос. ун-та, 2006. С. 95—204.
24. Ярская-Смирнова Е. Р. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования. Гендерное образование в России. С. 125—137.

ББК 60.542.2

О. Г. Овчарова

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МЕТОДИКИ РАВЕНСТВА

Гендерное образование, выступая значимой составляющей процесса учебной подготовки специалистов социогуманитарного профиля в вузах, обладает особым мировоззренческим и практическим потенциалом. Его значение обусловлено направленностью гендерного образования на рефлексию общечеловеческих ценностей, прав, свобод и равенства всех людей, несмотря на различие каждого, «на анализ и поиск путей решения реальных социальных проблем, возникающих во взаимоотношениях женщин и мужчин» [2, с. 8].

Из обозначенных выше образовательных ориентиров гендерного знания очевидно, что материал, предлагаемый для изучения и осмысления, может представляться учащимся альтернативным, нестандартным, а порой и противоречащим их взглядам, если те оформлялись под влиянием традиционных гендерных норм. В таком случае перед преподавателем возникает проблема подбора методик обучения, отличных от конвенциональных. И это отличие заключается прежде всего в способности обучающего убедить в целесообразности предлага-

емых рассуждений о необходимости достижения гендерного равенства, в умении простимулировать обучающихся совершить сознательный выбор, определиться среди социально-«провокационных» идей [5, с. 25]. К последним относятся, к примеру, идеи плюрализма пола/гендера, выбора гендерной идентичности, признания равноценности понятий «мужчина» и «женщина», расстановки акцентов на проблемах общественного/частного как власти/подчинения и т. п.

Постараемся обозначить методики гендерного образования, опираясь на собственный шестилетний опыт чтения спецкурса «Гендерные аспекты политологии» в Саратовской государственной академии права, а также на опыт коллег, изложенный ими в научных публикациях. Следует заметить: несмотря на тот факт, что в настоящее время в России реализация гендерного подхода в образовании осуществляется благодаря инициативе ряда преподавателей-энтузиастов, а не на основе введения соответствующих нормативов в государственные образовательные стандарты, географический и дисциплинарный охваты читаемых гендерных курсов весьма обширны (см.: [4]).

Итак, каковы же методы гендерного образования? Прежде всего, преподавателю следует сконцентрировать внимание на собственных манерах изложения учебного материала и общения с аудиторией. Иными словами, непосредственно сам преподаватель обязан «включать» в свои риторику и поведение ключевые принципы гендерного образования — формирование представлений о праве на равенство для всех в одинаковой степени, воспитание адекватного отношения к гендерным различиям и их оценок. Наиболее отчетливо такие требования (в виде вопросительных предложений к преподавателю) содержатся в проверочных листах для включающего обучения, разработанных западными педагогами. Полностью их можно прочесть в работах Е. Р. Ярской-Смирновой. В данном случае для иллюстрации сказанного выше остановимся на двух примерах: «В текстах лекций и в содержании курсов говорите ли Вы на гендерно нейтральном языке и используете ли его в текстах, применяете ли слова с отношением к обоим полам, невзирая на интенции автора текста?»; «Во время интеракций в учебной аудитории осознаете ли Вы, что у Вас могут быть гендерные... предрассудки в отношении успеваемости студентов? Кого из студентов Вы зовете по имени? Почему?» [7, с. 20, 22]. Обозначенные вопросы и представляют собой тот необходимый формат общения с обучающимися, который способствует осознанию гендера не как категории стратификации, а как культурной характеристики, обладающей равной ценностью вне зависимости от норм и стереотипов, которыми ее обеспечивает общество.

Кроме того, понимая, что зачастую определенная часть аудитории (как правило, мужская) может относиться к предлагаемым темам либо скептически, либо настороженно, преподаватель должен в случае возникновения дискуссии соблюдать корректность в ее проведении, не представляя свои аргументы как истину в последней инстанции и манкируя альтернативное мнение учащегося. Базовыми принципами проведения дискуссии во время занятий по гендеру, на наш взгляд, выступают правила ведения спора, озвученные Д. С. Лихачевым: «...1) возражать, но не обвинять; 2) не “читать в

сердце”, не пытаться проникнуть в мотивы убеждений противника (“вы стоите на этой точке зрения, потому что она вам выгодна”, “вы так говорите, потому что вы сам такой” и т. п.); 3) не отклоняться в сторону от темы спора; спор нужно уметь доводить до конца, то есть либо до опровержения тезиса противника, либо до признания правоты противника» [3, с. 38]. Не придерживаясь этих правил, преподаватель только лишится ряда учеников и ослабит интерес к предмету у остальных.

В таком контексте очевидно, что для реализации образовательной перспективы гендерных курсов — обучения практикам равенства — малопримлемы методы преподавания в стиле «лекция как монологическое изложение информации». В настоящий момент преподавание многих социогуманитарных дисциплин также уходит от классической схемы: «Несмотря на то, что по форме лекция — это монолог, по содержанию она должна быть диалогом со студентами или самим собой» [6, с. 272]. Но почему это так важно при преподавании гендерных дисциплин? Учитывая опять-таки специфику восприятия данных курсов (вероятность проявлений нигилизма или даже первоначального отторжения предлагаемого материала), проведение лекционных занятий в стиле «участвующего знания» и «заинтересованной педагогики» становится необходимым. Методика организации семинара как «обратной стороны лекции» также не оправдывает себя. При этом речь не идет о смысловом разрыве лекционных тем и «бесед по развернутому плану» (семинаров). Теоретические знания на гендерных семинарах необходимо закреплять фактами и практиками (как историческими, так и, безусловно, современными), тем более что присутствующая во все времена актуальность гендерных отношений, позволяет интерпретировать гендерное знание как «теорию, основанную на практике» (по Р. Коннелл).

Таким образом, оптимальный коммуникационный вариант в гендерном обучении — диалог, направленный на осмысление «себя в мире» и «мира вокруг себя». Реализация этих подходов осуществляется через обращение к мнению аудитории — организацию мини-дискуссий во время лекционного процесса; проведение деловых и ролевых игр, круглых столов и фокус-групп; тренингов; обсуждение сочинений, эссе. Весьма продуктивно применение методической триангуляции. В определенной степени стимулирующей и раскрепощающей для гендерных занятий становится внеаудиторная форма их проведения. Вне ограничивающих рамок вузовской аудитории увеличивается вероятность откровенности в позициях и мнениях, более глубокого анализа собственного опыта. Последнее крайне важно для гендерного образования, которое, по сути, опирается на перманентное обращение обучающегося к событиям своей биографии. Каждый из обучающихся под влиянием той или иной обсуждаемой темы может обратиться мысленно к аспектам личной жизни, связанным с дискриминацией, несправедливостью, несоблюдением прав или проблемой выбора между гендером/полом, и высказать результат рефлексии вслух.

Выбор методики гендерного образования иногда обусловлен и такой его проблемой, как «политика» подачи материала: автономия образователь-

ного процесса или интеграция. Иными словами, как «читать гендер»: отдельным курсом или в виде составной части определенной академической дисциплины. Более эффективным видится автономия учебного направления, что предполагает сбалансированную, в том числе и методически, подачу знаний: «Выделение указанного научного направления в отдельный курс — лучший путь к познанию теории и методов ее изучения... лучший способ объединить методы традиционных теорий и независимое знание в целое» [8, р. 120]. Кроме того, внедрение гендерного дискурса во все предметы весьма проблематично, потому что не каждый преподаватель возьмется за освоение столь альтернативной науки, разрушающей ряд парадигм конвенциональных теорий и методических установок.

Таким образом, методики обучения, применяемые в гендерном образовании, должны соответствовать непосредственно его концепции — философии и практике равенства. Тогда методики равенства позволят «работать ради свободы, требовать... открытости ума и сердца... искать способы двигаться вопреки границам, то есть трансгрессировать» [1, с. 253], пересмотреть функциональные границы традиционных гендерных норм и ценностей и алгоритмы социального взаимодействия в пределах этих норм.

Библиографический список

1. Белл Хукс. Наука трансгрессировать. Образование как практика свободы // Гендер. Исслед. 1999. № 2. С. 242—253.
2. Воронина О. А. Предисловие // Гендерная экспертиза учебников для высшей школы. М. : МЦГИ : Солтэкс, 2005. С. 6—12.
3. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М. : Дет. лит., 1985. 207 с.
4. Лунякова Л. Г. Развитие и распространение гендерных знаний и гендерного образования в России : вклад МЦГИ // Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования. Гендерное образование в России : сб. материалов. М. : Макс-Пресс, 2008. С. 225—236.
5. Чеснокова О. Проблемы преподавания гендерных дисциплин в системе высшего образования в республике Беларусь // Вариации на тему гендера : материалы III межвуз. конф. молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе» / отв. ред. Т. А. Мелешко, М. В. Рабжаева. СПб. : Алетей, 2004. С. 22—28.
6. Щербинин А. И. Политическое образование. М. : Весь мир, 2005. 288 с.
7. Ярская-Смирнова Е. Р. Одежда для Адама и Евы : очерки гендерных исследований. М. : ИНИОН-РАН, 2001. 254 с.
8. Meehan E. Women's studies and political studies // *Feminism and Political Theory* / ed. by J. Evans, J. Hill. London ; Beverly Hills ; New Delhi, 1986. P. 120—130.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (Гендерный аспект)

Исследование социального самочувствия представителей различных социальных групп является одним из важнейших аспектов социологического анализа тенденций развития российского общества, поскольку позволяет оценить изменения, происходящие в общественном сознании и социальной структуре, выявить зоны социальной напряженности, а также изучить многообразные и противоречивые групповые представления о социальной жизни общества.

В обыденном сознании понятие «самочувствие человека» трактуется как характеристика его физического состояния или, другими словами, уровня его здоровья. На вопрос «Как ты себя чувствуешь?» человек обычно отвечает «Хорошо», если он здоров, и «Плохо», если болен. В то же время данный вопрос часто выступает аналогом вопроса «А как у тебя дела?», и ответ характеризует «состояние физических и душевных сил человека» [3] в целом, акцентируя внимание скорее на нравственном состоянии.

Подобную двоякость в определении данного понятия можно наблюдать и в современных науках, занимающихся изучением самочувствия. Если общая психология трактует самочувствие скорее с физиологических позиций, как «органическое» самочувствие человека, то в социальной психологии и социологии самочувствие выступает как интегральная характеристика, детерминируемая социальными факторами.

Изучением социального самочувствия российские социологи занялись примерно с 80-х гг. XX в. И хотя данный термин уже вошел в науку, до сих пор существует проблема четкого определения понятия. В отечественной социологии можно выделить несколько подходов к определению социального самочувствия.

1. Самочувствие определяется через понятие удовлетворенности человека различными сторонами жизни. Можно даже отметить существование тенденции к отождествлению понятий «социальное самочувствие» и «интегральная удовлетворенность жизнью» [2, с. 6—7; 4]. Сторонники данного подхода рассматривают социальное самочувствие как своего рода отражение образа жизни и для полноты его измерения стараются учитывать различные сферы жизнедеятельности (например, трудовая, бытовая, социально-политическая).

2. Близок к вышеописанному подход, в котором социальное самочувствие рассматривается как интегральная характеристика реализации жизненной стратегии личности, отношение к окружающей действительности, субъективные ее стороны (см.: [5]).

3. Социальное самочувствие трактуется и как синдром сознания, отражающий отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний (в основном определяемой содержательными характеристиками жизненной стратегии) и степенью удовлетворения смысловых потребностей (удовлетворенность реализованностью жизненной стратегии) (см.: [5]).

Таким образом, можно сделать вывод, что самочувствие выступает в качестве одного из результатов рефлексии человеком собственной жизни, своих успехов и неудач.

Одним из социологических подходов к изучению социального самочувствия является концепция Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко о социальном настроении. Социальное самочувствие вписывается в данную концепцию в качестве базового элемента, первого уровня социального настроения и включает в себя актуальное знание, эмоции, чувства, историческую память и общественное мнение. В данной концепции социальное самочувствие выступает как некая основа, исходный структурный элемент для формирования социального настроения личности, ее направленности [6].

Мы изучали социальное самочувствие в рамках социологического исследования социальной адаптации иностранных студентов из Азии и Африки, обучающихся в российских вузах. Исследование проводилось весной 2010 г. методом полуструктурированного интервьюирования. Было опрошено 100 человек — 50 студентов, обучающихся в Москве, 50 — в Иванове. Среди респондентов, принявших участие в опросе, мужчины составляли 62 %, женщины — 38 %; большинство студентов были холосты (не замужем). Наличие диспропорции в отношении представительства полов связано с тем, что численность мужчин среди иностранных студентов в целом существенно превышает численность женщин. Женщины — выходцы из стран Азии и Африки значительно реже покидают свою страну в целях обучения. В этом сказывается сохранение патриархальных пережитков в жизни некоторых обществ, выражающееся в сверхконтроле мужчин — членов семьи над женщинами. Поэтому девушкам крайне неохотно позволяют выезжать за рубеж для получения образования [1].

В процессе исследования социальное самочувствие мы рассматривали как некий результат, индикатор успешности процесса адаптации.

Мы предположили, что социальное самочувствие складывается из трех составляющих: внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма); оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятия собственного положения в новых условиях.

Все наши респонденты живут в общежитиях. Это общепринятая практика проживания иностранных студентов во всех российских городах. Иногда студенты-старшекурсники или семейные пары снимают квартиры, но делают это редко по материальным причинам. Общежитие для иностранного студента становится домом на длительный срок.

Беседуя со студентами, мы интересовались, устраивают ли их жилищно-бытовые условия и как они влияют на успех приспособления к новой обстановке. Разумеется, чем меньше бытовые условия отличаются от тех условий, в которых респонденты проживали на родине, или чем больше они отличаются

от этих условий в сторону лучшей благоустроенности, тем безболезненней будет протекать адаптация. Результаты опроса показали, что большинство студентов не устраивают условия проживания.

Девушек беспокоят такие элементарные бытовые проблемы, как невозможность принимать душ в удобное для них время, отсутствие хороших условий для приготовления пищи; а мужчин — отсутствие возможности принимать гостей со стороны (жесткий контроль на вахте). Что касается общей оценки приспособленности к жизни в общежитии, то было установлено: 38 % студентов жилищно-бытовые условия в целом устраивают, значительная же их часть (62 %) этими условиями не довольны. Отметим, что удовлетворенность бытом влияет на оценку социального самочувствия человека.

Важной частью повседневной жизни является свободное от учебы время. От того, как оно организовано, зависит, насколько человек может восстановить свои физические и духовные силы. Полученные ответы позволяют говорить о разнице в проведении досуга мужчинами и женщинами, московскими и ивановскими студентами. Мужчины значительно чаще проводят его вне общежития (75 %), в отличие от женщин, среди которых 60 % предпочитают оставаться дома. Это объясняется рядом причин. Во-первых, даже оказавшись далеко от родины, женщины придерживаются норм поведения, принятых в своей стране, проявляя сдержанность в публичном поведении. Во-вторых они проживают в общежитии либо с землячкой, либо с девушкой из своего региона. В своей комнате девушки создают домашний микроклимат, который позволяет в некоторой степени сохранять связь с родиной. Довольно часто их комнаты в общежитии являются своего рода центрами притяжения земляков-юношей, которые относятся к своим соотечественницам с большим уважением. В общежитиях девушки общаются с девушками-иностранками, а иногда с российскими студентками. Мужчины активнее находят общий язык со всеми проживающими в общежитиях.

Положительный эмоциональный фон взаимодействия с коллективом факультета и учебного заведения в целом существенно облегчает адаптацию в ходе обучения. Если человек чувствует себя в вузе комфортно и привычно, то он легче переносит все материальные проблемы, связанные с бытовыми условиями, нехваткой денег, плохой погодой и пр.

Беседа с респондентами, мы просили их охарактеризовать свои отношения с преподавателями и российскими студентами, которые складываются во время учебы. Ни разу нами не были услышаны высказывания о недоброжелательном отношении к ним со стороны преподавателей и сотрудников своего вуза. Большинство девушек считают, что преподаватели хорошо относятся к ним. Юноши считают так же, но некоторые из них сказали, что иногда у них бывают проблемы в общении с преподавателями.

Что касается взаимоотношений с российскими студентами и коллективом своей студенческой группы, то они устанавливаются легче, чем с преподавателями. Более 40 % респондентов отметили, что в целом коллектив студенческой группы оказал помощь и поддержку в ходе учебы. В студенческой группе, как правило, всегда находится 2—3 человека, которые охотно идут на контакт с иностранными студентами, предлагают свою помощь и фактически берут их

под опеку. Девушки часто общаются с российскими студентками, и у них складываются хорошие отношения. Мужчины общаются и с девушками и с юношами. Они иногда находят друзей вне стен института. 45 % респондентов охарактеризовали отношения с российскими студентами как дружеские, 37 % — приятельские, лишь 7 % испытывают некоторую напряженность в отношениях, а 11 % занимают нейтральную позицию. Юноши имеют больше друзей, чем девушки, а московские студенты больше, чем ивановские. Что касается девушек, то они чаще характеризуют свои отношения с ребятами в университете как приятельские. Близких друзей среди российских студенток имеют немногие, т. к. преимущественно общаются с девушками-иностранками, проживающими в общежитии. Наличие большого количества друзей из числа россиян у иностранных студентов в Москве, очевидно, детерминировано большей космополитичностью жителей этого города.

На социальное самочувствие оказывает влияние степень толерантности принимающего социума по отношению к иностранным гражданам. В настоящее время в России еще существует расовая дискриминация. Результаты социологических опросов, проведенных в Москве и Иванове в 2010 г., показали, что 68 % иностранных студентов (сами или их соотечественники) подвергались насилию со стороны местного населения. В большей степени страдают мужчины. 77 % мужчин отметили, что столкнулись с насилием, причем многие неоднократно. 23 % женщин также обозначили наличие данной проблемы. Принципиальной разницы в ответах студентов из Москвы и Иванова не было.

Разумеется, это не может не сказаться на социальном самочувствии студентов. 49 % подвергнувшихся насилию респондентов постоянно испытывают чувство страха за свою безопасность и здоровье. Более половины этой группы респондентов (и юноши и девушки) отметили, что если бы они сейчас выбирали место обучения, то поехали бы в другую страну, а не в Россию.

В большинстве случаев респонденты сталкиваются с дискриминацией и насилием на улице (их оскорбляют, обзывают) — 66 % (в основном мужчины), 13 % опрошенных отмечают, что их права ущемляются в сфере обслуживания: магазинах, прачечных, парикмахерских (мужчины и женщины в равной степени), и 14 % студентов чаще всего сталкиваются с этой проблемой в общественном транспорте (в основном мужчины), 7 % — испытывают дискриминацию в стенах учебных заведений (опять же мужчины). На вопрос, в чем же проявляется эта дискриминация, респонденты отвечали: оскорбления, отказ от оказания услуг по причине их расовой принадлежности, различный подход в обслуживании русскоязычных и иностранных граждан. Чаще дискриминации подвергаются выходцы из африканских стран (91 %) и Монголии (75 %), реже — представители Китая (33 %) и Вьетнама (11 %).

Результаты исследования показали, что 29,3 % респондентов чувствуют себя «скорее некомфортно», 28,4 % — удовлетворительно, 19 % — некомфортно и лишь 6,9 % — полностью комфортно. То есть в целом можно говорить о некомфортном самочувствии в России опрошенных иностранцев.

Подводя итоги, следует сказать, что от социального самочувствия иностранных студентов зависит их удовлетворенность своей жизнью в целом, оценка своего сегодняшнего положения в новых условиях. Иностранные сту-

денты, обучающиеся в российских вузах, некомфортно чувствуют себя в общежитиях из-за плохих условий проживания. Почти половина опрошенных недовольны организацией своего досуга. Большинство проводит свободное время дома. Отношениями с преподавателями удовлетворена половина иностранных студентов, отношениями с одногруппниками — большинство студентов. К сожалению, расовая дискриминация, с которой встречаются иностранные граждане постоянно и всюду (на улице, в сфере обслуживания и даже в университете), затрудняет их социальную адаптацию, ухудшает социальное самочувствие и вызывает чувство опасности и страха за свое здоровье и жизнь.

Респонденты (мужчины и женщины) испытывают дискомфорт почти в равной степени. В связи с этим они даже не рассматривают вариант постоянного проживания в России.

Библиографический список

1. *Аргунова В. Н., Лондаджим Т.* Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах // Вестн. ННГУ. 2008. № 4. С. 7—12.
2. *Давыдова Е. В.* Измерение социального самочувствия молодежи. М. : Ин-т социол. РАН, 1992.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. 574 с.
4. *Орлова Л. А.* О социальном самочувствии учителей Московской области // Социол. исслед. 1998. № 8. С. 88—94.
5. *Петрова Л. Е.* Социальное самочувствие молодежи // Там же. 2000. № 12. С. 51—55.
6. *Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.* Социальное настроение. М. : Academia, 1996. 196 с.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 60.561.23

О. Б. Савинская

ЦЕННОСТЬ ЗАНЯТОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРУДА МОСКОВСКИХ МАТЕРЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ

В советский период в России в отношении женщин был сформирован так называемый контракт «работающей матери». Он означал, что на уровне государственной политики разрабатывались декларируемые и/или реально осуществляемые меры государственной политики по стимулированию материнства в сочетании с требованием к женщинам оставаться на рынке труда, в рядах формально занятых [1, 11]. Как следствие — модель двухкарьерной семьи, или семьи, где оба родителя трудоустроены на формальном рынке труда, стала наиболее жизнестойчивой и популярной.

Эта модель семейного уклада осталась наиболее распространенной и в постсоветские годы. Несмотря на дискуссии обществоведов начала 90-х гг., постсоветский период развития России показал, что мотивация к трудоустройству осталась доминирующей у российских женщин. Норматив Советского государства о всеобщей женской занятости ушел в прошлое, однако это не привело к добровольному уходу женщин с рынка труда: резкого изменения в соотношении женщин и мужчин среди безработных и экономически активного населения (доля тех, кто трудоустроен или желает трудоустроиться) не произошло [15, р. 2].

В современном российском обществе эта тенденция остается. Общероссийская статистика за 2008 г. подтверждает, что доля экономически активного населения у женщин остается высокой. Так, если у мужчин доля экономически активного населения составляет 81,4 % от всего населения трудоспособного возраста, то у женщин — 75,7 % [12, с. 37]. Причем уровень экономической активности у женщин в возрасте 20—49 лет выше среднего: 88 % у женщин, не имеющих детей, и 80 % у женщин, имеющих детей [13].

Вместе с тем результаты социологических исследований [6, 10, 14] показывают, что сочетание занятости и воспитания детей оказывается очень тяжелым и болезненным периодом трудовой жизни женщин. Наряду с другими историческими, культурными и психологическими факторами, отсутствие современной сбалансированной семейной политики, которая заключалась бы в комплексной разработке и внедрении мер по улучшению положения работающих матерей,

вынуждает женщин осуществлять нелегкий выбор. Они или полностью отказываются от карьерных и профессиональных устремлений, или же, что случается нередко, от самого ребенка, о чем свидетельствует детальное исследование матерей-отказниц О. Г. Исуповой [5]. Возможен и третий путь — сочетание работы и материнства, профессиональных и семейных обязанностей. Именно эта тема является центральной в данной статье. Речь идет о проблемах «вписывания» репродуктивного поведения женщин в современный образ жизни, и прежде всего в практики занятости, материнства, ведения домохозяйства и досуга.

В западных странах эта проблема маркируется понятием «баланс работы и семьи» или же, более узко, «баланс работы и заботы»; отмечается, что это одна из самых значимых характеристик рабочего места как при поиске работы, так и при построении карьерных планов (см., напр.: [16, 17]). Как показывают приведенные в статье факты, эта проблема не менее актуальна и в России.

Репродуктивное поведение москвичек. Среди работодателей бытует мнение, что трудовым потенциалом женщин, имеющих детей-дошкольников, можно пренебречь. Однако наши подсчеты показали, что он достаточно весом в общей доле экономически активного населения города. Так, по данным Мосгорстата [7, 8], с 2001 по 2007 г. в Москве родился 623 591 ребенок. Учитывая средний коэффициент рождаемости за 2008—2009 гг. (1,3), определяем, что эти дети родились предположительно у 479 685 женщин, проживающих в Москве. Далее, статистика говорит, что в 2007 г. было 3 201 400 женщин трудоспособного возраста. Таким образом, около 15 % женщин трудоспособного возраста имеют детей-дошкольников. Иными словами, в среднем каждая седьмая работающая в московской организации или желающая трудоустроиться женщина является мамой ребенка дошкольного возраста.

Рассмотрим далее подробнее, как статистические данные отражают особенности репродуктивного поведения москвичек последних лет. Согласно данным Мосгорстата, в 2008 г. в Москве доля женщин в возрасте 20—44 лет составляла 36,9 %. Отметим, что за последние шесть лет доля женщин этого возраста несколько снизилась: в 2001 г. она составляла 38 %. Тот же вывод можно сделать и относительно доли женщин фертильного возраста — от 15 до 49 лет. Если в 2001 г. они составляли 52,5 % от численности всего постоянного населения Москвы, то в 2008 г. — 50,6 %. Отметим, что эта тенденция стала наиболее заметной после 2005 г.

Отрадно, что при слабо уменьшающейся доле женщин фертильного возраста показатели рождаемости поступательно растут. Возьмем для сравнения данные по возрастным коэффициентам рождаемости 1995 и 2007 гг. На 1000 женщин в детородном возрасте, 15—49 лет, включая родившихся у матерей до 15 и старше 49 лет, в 1995 г. родилось в среднем 27,8 человек, в 2007 г. — 36,1 (табл. 1). При этом коэффициент рождаемости наиболее вырос для старших возрастных групп. Так, если на 1000 женщин в возрасте 30—34 лет в 1995 г. приходилось 29,5 рождений, то в 2007 г. — 58,0, что в 1,97 раз больше. Также заметен скачок рождаемости детей в возрастной группе мам от 25 до 29 лет: от 62,6 рождений в 1995 г. до 83,9 — в 2007 г. При этом наиболее сильный рост рождаемости для этой возрастной группы наблюдался в последние годы (после

2001 г.). Противоположная тенденция наблюдается среди женщин до 30 лет. Среди женщин моложе 20 лет число рождений упало в 1,83 раза — с 25,2 до 13,8. Среди женщин в возрасте 20—24 лет падение рождений также существенно — с 81,7 до 64,1, или в 1,27 раза.

Таблица 1

Возрастные коэффициенты рождаемости [8, с. 21]

Год	Число рождений в среднем за год на 1000 женщин детородного возраста	Из них по возрастным группам, лет			
		Моложе 20	20—24	25—29	30—34
1995	27,8	25,2	81,7	62,6	29,5
2000	26,4	14,7	64,7	64,0	36,1
2001	26,9	14,8	62,6	65,6	37,7
2002	28,5	15,3	64,3	68,5	40,5
2003	30,2	15,7	63,2	73,5	44,6
2004	32,0	15,6	65,0	77,3	47,2
2005	32,3	14,5	62,3	77,6	49,8
2006	33,3	14,5	62,8	77,7	52,6
2007	36,1	13,8	64,1	83,9	58,0

Эти же данные подтверждаются распределением родившихся детей по возрасту матери [8, с. 22]. Если в 1995 г. больше всего детей — 36,8 % от всех рожденных — родилось у матерей в возрасте 20—24 лет, а в 2000 г. их доля сравнялась с долей тех, кто родился у матерей в возрасте 25—29 лет (32,6 % и 32,5 % соответственно), то в 2007 г. большинство детей было рождено матерями именно в возрасте 25—29 лет. При этом после 2000 г. с каждым годом поступательно растет доля детей, рожденных матерями в возрасте 30—34 лет. Так, по данным ЗАГСа г. Москвы, в 2009 г. 32 % детей родились у матерей старше 30 лет.

Положительным с социальной точки зрения можно считать факт поступательного уменьшения рождений у матерей в возрасте до 20 лет. Это объясняет более осознанный выбор молодого поколения женщин в пользу планируемого материнства, что обеспечивается политикой просвещения подростков в области репродуктивного и сексуального поведения, распространением и доступностью различного рода контрацепции [8, с. 10].

Таким образом, во всех возрастных группах женщин налицо распространение феномена отложенного материнства, который говорит о том, что женщины все реже после получения образования становятся матерями (что было распространено в советский период), все больше женщин выбирают работу. Он фиксирует также то, что современные женщины, продолжая разделять ценность быть матерью [2, с. 20—26], откладывают опыт материнства на более поздние сроки, отдавая предпочтение выбору профессии и поиску возможностей карьерного и профессионального роста до рождения ребенка [3, с. 32—36]. Эта гипотеза подтверждается результатами проведенного нами опроса, представленного ниже. Распространение феномена отложенного материнства также означает, что большинство современных матерей с детьми-

дошкольниками — это вполне зрелые профессионалы с имеющимся опытом работы, пусть даже и прерванной на несколько лет.

Занятость женщин в г. Москве. Рассмотрим далее, как женщины, в том числе и женщины с малолетними детьми, представлены на рынке труда Москвы.

Распределение численности экономически активного населения Москвы показывает, что женщины наиболее активного репродуктивного возраста представлены на рынке труда меньше, чем мужчины этого же возраста (табл. 2). Сюда относятся возрастные группы 20—29 и 30—39 лет, на которые приходится большинство рождений детей и последующего ухода и воспитания дошкольников. Более низкий процент женщин 30—39 лет по сравнению с процентом мужчин этого возраста говорит о том, что есть небольшой слой женщин, которые прерывают свою трудовую деятельность, оставаясь дома с детьми более чем на три года¹ и выпадая тем самым из когорты экономически активного населения.

Таблица 2

Распределение численности экономически активного и занятого населения по возрастным группам в 2008 г. в г. Москве, % [9, с. 29]

	Всего	В том числе население в возрасте, лет					
		15—19	20—29	30—39	40—49	50—59	60—72
Экономически активное население	100	0,3	19,8	26,1	29,1	21,3	3,4
В том числе:							
мужчины	100	0,4	21,0	27,0	27,4	20,3	4,0
женщины	100	0,3	20,1	25,1	29,2	22,3	3,0
Из экономически активного населения лица, имеющие работу, доходное занятие	100	0,2	20,4	26,1	28,4	21,4	3,5
В том числе:							
мужчины	100	0,3	20,9	27,0	27,5	20,3	4,0
женщины	100	0,1	19,9	25,2	29,3	22,5	3,0

Одной из причин более низкого процента занятых женщин в возрасте 20—39 лет может быть их уход с работы без социальных гарантий, т. е. уход на основе увольнения, а не на основе оформления больничного листа для ухода в декретный отпуск с сохранением места работы и статуса занятой, поскольку, уходя в отпуск по уходу за ребенком с постоянного места работы, они сохраняют за собой трудовые права и гарантии и тем самым остаются в статусе занятых. Это может также говорить о том, что женщины испытывают трудности при трудоустройстве по истечении трехлетнего срока отпуска по уходу за ребенком и не сразу обращаются в центр занятости.

Однако стремление женщин вернуться к трудовой деятельности воплощается к 40 годам, и женщины более зрелых возрастов на рынке труда оказываются доминирующими. Это относится и к 40-летним, и к 50-летним женщи-

¹ Трудовой кодекс РФ (ст. 256) предполагает сохранение рабочего места и стажа за женщиной, родившей ребенка, в течение трех лет после рождения.

нам (табл. 2). Таким образом, женщины в возрасте от 40 до 59 лет в последние годы остаются на рынке труда весомой рабочей силой.

Высказанные предположения о доминирующей среди женщин ориентации на трудоустройство согласуются и со статистическими данными, отражающими численность безработных. Наиболее заметны различия в долях безработных женщин и мужчин в возрастной группе от 20 до 29 лет. Картина меняется на противоположную в следующей, более укрупненной возрастной группе — от 30 до 49 лет. В этом возрастном промежутке (а для женщин он как раз приходится на этап возвращения к трудовой деятельности после опыта ухода и воспитания малолетних детей) занятость женщин оказывается более стабильной. Почти половина — 49,7 % — всех безработных мужчин и только треть — 33,7 % — всех безработных женщин приходится на эту возрастную группу [9, с. 29].

На основе этих данных может сложиться впечатление, что в отношении матерей, ориентированных на трудовую деятельность, в целом складывается достаточно позитивная ситуация. Однако результаты уникального исследования, проведенного Управлением государственной службы занятости населения г. Москвы в 2006 г., показывают, что за статусом трудоустройства женщин с детьми стоит достаточно драматичное решение этого вопроса.

В целом службы занятости показывают заметное поступательное снижение числа безработных среди родителей с несовершеннолетними детьми (учитывая и тот факт, что численность рождений детей с каждым годом растет, а значит, растет и количество их родителей) (табл. 3). Но подавляющее большинство из них — 93,3 % от всех обратившихся в службу занятости безработных родителей — женщины. При этом одинокие мамы составляют 29,5 % от всех безработных родителей (для сравнения: одинокие папы — 0,4 %), безработные женщины из многодетных семей — 3,4 % (для сравнения: мужчины также 0,4 %) и, наконец, безработные матери, воспитывающие детей-инвалидов, — 2,3 % от всех безработных.

Таблица 3

**Динамика численности безработных родителей
с несовершеннолетними детьми на конец года, чел.²**

Категория безработных	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Всего	12732	9539	9223	7412	7030
В том числе женщины	10874	8318	8262	6789	6563
Одинокие родители	3320	2631	2739	2122	2099
В том числе женщины	3249	2591	2691	2087	2073
Многодетные родители	360	318	381	336	276
В том числе женщины	293	273	323	277	240
Воспитывающие детей-инвалидов	231	200	244	186	174
В том числе женщины	204	180	226	175	159

² Данные с официального сайта Управления государственной службы занятости населения г. Москвы (<http://www.labor.ru/>).

О трудностях трудоустройства свидетельствует также опрос безработных москвичек, проведенный службой занятости. Опрос проводился среди тех женщин, которые пришли трудоустроиваться через Городской центр занятости. Всего было опрошено 1750 женщин.

Так, опрос показал, что 70 % женщин работали до ухода в декретный отпуск, 60 % от числа всех ответивших хотели бы приступить к трудовой деятельности до того, как их ребенку исполнится 3 года. Их желание в основном продиктовано финансовыми трудностями — 72 % опрошенных назвали эту причину как основную. В качестве основных трудностей в выборе работы опрошенные назвали: неподходящие условия и режим труда — 30,1 % от числа всех опрошенных, несоответствие уровня профессиональной квалификации требованиям работодателя — 21,9 %, низкую заработную плату — 20,8 %, проблемы транспортной доступности места работы — 15,9 %. При этом большинство обратившихся в службу занятости женщин (участниц опроса) хотели бы повысить свою квалификацию для более успешного трудоустройства — об этом заявили 79,9 % от числа всех опрошенных.

Дошкольные образовательные учреждения как необходимое условие возвращения матерей к трудовой деятельности. Перед тем как принять решение о выходе на работу, каждая женщина, имеющая малолетнего ребенка, решает вопрос его воспитания или, как минимум, присмотра за ним. В нашей стране традиционно эта функция делегируется матерями сети дошкольных образовательных учреждений (ДОУ), среди которых наиболее распространены детские сады. Насколько доступна эта услуга для современных москвичек сегодня?

Как показывает московская статистика, в 2003 г. в Москве численность дошкольных учреждений, по сравнению с 1990 г., уменьшилась почти на 900 единиц. В Москве действовало всего лишь около 62 % от общей численности ДОУ советского периода. После 2003 г. статистика показывает, что численность дошкольных учреждений постепенно растет, однако темп роста крайне неудовлетворительный. Проблема нехватки детских садов не только не ослабевает, но и продолжает усиливаться с каждым годом. Если в 2003 г. охват детей в возрасте 1—6 лет постоянными дошкольными учреждениями в Москве составлял 67,5 % от общей численности детей этого возраста, то в 2008 г. — всего 55,9 %, т. е. почти половину численности всех детей (табл. 4)! Причем даже такие, казалось бы, серьезные меры по восстановлению сети дошкольных учреждений, как строительство по 100 детских садов в год, не смогут дать желаемого быстрого эффекта. Ведь необходимо восстановить порядка 900 «утерянных» за 90-е гг. детских садов. Однако и планируемых 100 садов в год не удалось построить. В 2008 г. московская статистика зафиксировала строительство только 60 детских садов, в 2009 — только 40.

Особо стоит отметить, что остается острой и проблема присмотра за детьми самого раннего возраста, что в советское время решала сеть яслей. По данным 2005 г., ясли вообще прекратили функционировать как одна из основных структур дошкольного учреждения. Хотя для многих малообеспеченных и одиноких мам только ясли оказываются чуть ли не единственным институтом, позволяющим возвращаться на работу и возобновлять свой семейный доход.

Если также оказываются важным подспорьем и для карьерно-ориентированных женщин, желающих (или даже вынужденных) выходить на работу как можно раньше. Таким образом, потребность в ясельных группах остается высокой, и восстановление этого института ухода за детьми раннего возраста должно стать одной из приоритетных задач городской социальной политики.

Таблица 4

**Динамика развития дошкольных учреждений в г. Москве
(с учреждениями, закрытыми на капитальный ремонт) [4, с. 6]**

Тип дошкольного учреждения	Число дошкольных учреждений по годам		
	1990	2008	2009
Всего	2988	2233	2273
В том числе:			
ясли	245	—	—
сады и ясли-сады	2743	—	—
дошкольные учреждения	—	2095	2124
образовательные учреждения для детей дошкольного и младшего школьного возраста	—	138	144
<i>Число детей в дошкольных учреждениях по годам, тыс. чел.</i>			
Всего	414,1	292,3	309,7
В том числе:			
ясли	17,4	—	—
сады и ясли-сады	396,7	—	—
дошкольные учреждения	—	281,3	296,5
школы-детские сады	—	11,0	13,2

Еще одна проблема дошкольного присмотра и воспитания связана с высоким уровнем заболеваемости детей дошкольного возраста, посещающих детские сады. Ведь именно здесь организм ребенка «знакомится» со многими инфекциями и вырабатывает иммунитет к ним. Для работающей мамы это неизбежно выливается в необходимость брать отпуск временной нетрудоспособности (больничный) или же отпуск за свой счет.

Статистика показывает, что количество пропусков посещений дошкольных учреждений велико. Так, в среднем в 2009 г. каждый ребенок пропустил 67 дней, из них 12 дней — с официально зарегистрированным больничным (что в статистике фиксируется «по болезни») [4, с. 31].

Работа и семья в жизни москвичек: что показал опрос? Для получения репрезентативной статистической информации о возможностях и способах совмещения семейных и трудовых обязанностей жительницами г. Москвы, имеющими детей дошкольного возраста, было проведено социологическое исследование³. Основная задача исследования заключалась в том, чтобы выяс-

³ Исследование проведено при поддержке Комплекса социальной сферы Правительства Москвы и Департамента семейной и молодежной политики Москвы.

нить, насколько удобно современным молодым женщинам совмещать материнство и работу.

Для этого с сентября по ноябрь 2007 г. был проведен массовый опрос методом анкетирования — самозаполнения тематического вопросника. Объем выборки составил 1225 респонденток. Опрашивались женщины в возрасте от 20 до 45 лет, имеющие, как минимум, одного ребенка дошкольного возраста. В случае двух детей дошкольного возраста респонденткам предлагалось описать опыт воспитания и ухода за младшим из дошкольников.

Опрос проводился в дошкольных образовательных учреждениях Москвы, в каждом административном округе было задействовано от 2 до 6 детских садов с разной численностью детей. Отбор детских садов происходил случайным образом. Для достижения репрезентативности выборка была перевзвешена в соответствии со статистическими данными по численности детей, посещающих ДООУ в каждом административном округе Москвы, т. е. в тех округах, где численность детей в целом по округу в детских садах ниже, в опросе участвовало меньшее количество респонденток.

Рассмотрим подробнее социально-демографические характеристики опрошенных. Основная доля опрошенных входит в две возрастные группы: от 25 до 29 лет (35,1 %) и от 30 до 34 лет (32,6 %). В сумме эти две возрастные группы составили две трети от числа всех опрошенных. Немалой оказалась доля женщин в возрасте от 35 до 39 лет (15,8 % от всех опрошенных). Примечательно, что женщин до 24 лет в группе опрошенных оказалось мало — всего лишь 8,9 %. Старше 40 лет были 6,9 % опрошенных. Такая возрастная структура женщин, имеющих детей дошкольного возраста, согласуется с статистическими данными Мосгорстата о ежегодном увеличении среднего возраста рожениц (табл. 4) и еще раз подтверждает распространение феномена отложенного материнства как жизненной стратегии современных молодых женщин.

В опросе участвовали 1,7 % женщин, имеющих ученую степень, 55,2 % — с незаконченным высшим и высшим образованием, 41,1 % — со средним и средним профессиональным образованием и 2 % — с неполным средним образованием.

Выборка не предполагала репрезентативность по виду занятий, однако результаты опроса показали достаточно высокую квалификацию опрошенных женщин. Почти треть от числа всех опрошенных составляли специалисты с высшим образованием. Пятая часть опрошенных (19,3 %) идентифицировала себя как служащие. Почти 10 % матерей детей дошкольников — это руководители разного уровня (руководители предприятий или же руководители подразделений, департаментов). 3,7 % — предпринимательницы или занятые индивидуальной трудовой деятельностью (ИТД). Важно также отметить, что 10,1 % опрошенных сообщили, что не работают, но ищут работу.

В опросе участвовали женщины с разным семейным статусом: 7,1 % — не замужем, т. е. никогда не вступали в брак и на данный момент в таких отношениях не состоят, но имеют минимум одного ребенка; 73,5 % опрошенных состоят в официальном браке; 10,8 % живут в гражданском браке; 7,3 % — разведены; 0,3 % — вдовы.

Опрос также подтвердил распространенность проблемы неуплаты алиментов. В числе всех опрошенных только 50,4 % сообщили о том, что они живут в полной семье с двумя родителями, 30 % не дали ответа. Такой высокий процент «неответивших» может говорить о том, что во многих случаях женщины не могут однозначно идентифицировать статус своих отношений с отцом ребенка. И только 20 % дали однозначный ответ («да» или «нет»). Из них 14,2 % не получают алименты и только 5,4 % — получают.

Самоидентификация женщин. Разнообразие полученных демографических данных в отношении возраста, семейного положения и профессионального статуса респонденток, скорее всего, предопределяет наличие у них различных по своему характеру стратегий в отношении работы и материнства. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В ходе исследования были выделены три типа жизненных стратегий. Первый тип был определен нами как «деловая женщина с детьми». Ей свойственно активное поведение в профессиональной и общественной сфере. Она в большей степени, чем остальные, ориентирована на достижение высоких результатов на рабочем месте и способна отдавать приоритет карьере. Второй тип мы назвали «работающая мама». Эта жизненная стратегия предполагает компромиссное поведение, ориентированное на сочетание профессиональной и семейной деятельности, т. к. это позволяют условия жизни. И третий тип — «домохозяйка». Он характеризует жизненную стратегию тех женщин, которые считают свою самореализацию в домохозяйстве вполне достаточной и не планируют профессиональную деятельность.

Для выявления доминирующей жизненной стратегии опрашиваемым предлагалось выбрать один из трех описанных типов. Распределение полученных ответов показывает, что большинство женщин нацелены «сочетать работу и материнство, иметь свой собственный доход и достаточно времени для воспитания детей». Эту опцию отметили 77,3 % от всех опрошенных. Примерно равны доли женщин, выбравших для себя жизненную стратегию домохозяйки — 10,5 % и делающих ставку на карьерный рост — 9,7 %. Не дали ответа на данный вопрос только 1,2 %. Полученные результаты показывают, что тип «работающая мама» (чуть ли не единственная жизненная стратегия, существовавшая в советское время) продолжает оставаться доминирующим для москвичек и в начале XXI в. Однако, как будет показано ниже, ни государственная политика, ни политика предприятий не создает оптимальных условий для реализации этой стратегии.

Организация присмотра за ребенком дошкольного возраста как необходимое условие выхода на работу. Результаты опроса показали, что существуют три пика выхода на работу. Первый — самый ранний: 17,5 % опрошенных вышли на работу в течение полугода после рождения ребенка. Второй пик приходится на срок окончания выплаты пособия по уходу за ребенком, т. е. на достижение ребенком полутора лет — в это время вышли на работу также 17,6 % опрошенных. И наконец, треть опрошенных, 30 %, находились в отпуске по уходу за ребенком 30—36 месяцев. Этот срок указывает на возраст ре-

бенка, когда его можно устроить в детский сад. Более 36 месяцев (или трех лет) находились в отпуске только 9,4 % опрошенных матерей.

При соотнесении этих данных с данными по профессиональному статусу видно, что для предпринимательниц, женщин, занятых ИТД, и руководителей первого звена существует две тенденции в отношении продолжительности их отпуска. Для предпринимательниц и владельцев своего дела это период от полугода до года и от 2,5 до 3 лет. Для женщин, занятых ИТД, — от 0 до 5 месяцев и от 1,5 до 2 лет. Для женщин, занимающих должности руководителей и заместителей руководителей, — от полугода до года и от 2,5 до 3 лет.

Среди руководителей отделов, специалистов, служащих и рабочих наибольшая доля респонденток, продолжительность отпуска которых составляет от 2,5 до 3 лет.

В итоге можно сделать вывод, что женщины, занимающие высокие должности на предприятии, и женщины, занятые самостоятельной предпринимательской деятельностью, в большей степени, чем остальные, склонны возвращаться к трудовой деятельности в ранние сроки. В случае с предпринимательницами и занятыми ИТД это может объясняться тем, что наличие дохода от их предприятия напрямую зависит от их личных усилий. Для женщин, занимающих должности руководителя фирмы или заместителя руководителя, ранние сроки окончания отпуска по уходу за ребенком могут быть связаны с повышенной ответственностью их должностей и, возможно, с тем, что доход этих респонденток может составлять существенную часть семейного бюджета. Кроме того, эта группа респонденток может позволить себе услуги няни.

Организовать присмотр за ребенком дошкольного возраста — это необходимый этап в стратегии возвращения на работу для женщин с малолетними детьми. Для большинства женщин выходом из этой ситуации становится обращение к услугам государственного (муниципального), ведомственного или частного ДОУ. При отказе от такой стратегии присмотр может осуществляться с помощью родственников или членов домохозяйства, а также частных нянь. В зависимости от социально-экономических условий эти варианты могут комбинироваться.

Насколько часто прибегают родительницы к услугам частных нянь? В целом данные могут говорить о низкой распространенности среди населения практики использования подобных услуг: только 16,1 % опрошенных женщин прибегают к ним или прибегали ранее. Среди них только 6,3 % пользуются услугами няни и сейчас, 9,8 % пользовались ранее. При этом 79,1 % от всех опрошенных никогда не нанимали няню. Столь высокий процент говорит о малодоступности услуги. И это неудивительно, поскольку средний заработок няни в Москве составляет 30—40 тыс. рублей, тогда как средний заработок по Москве в целом в 2009 г. составил 31 тыс. рублей, согласно данным Департамента экономической политики и развития Москвы.

Описывая свою личную ситуацию устройства ребенка в ДОУ или детский сад, 42,2 % всех опрошенных респонденток оценили ее как сложную. 30,1 % респонденток сказали, что устроить ребенка в детский сад для них было очень сложно. Легко смогли устроить своего ребенка только 18,4 % женщин. Затруднились ответить 7,2 % опрошенных, не дали ответа 2,1 %. Такой высокий процент опрошенных, столкнувшихся с трудностями при оформлении своих детей

в детский сад, может говорить о слишком высоких вступительных взносах, непосильных для родителей, или о неравномерном территориальном развитии сети детских садов в городе.

Работа после родов: особые условия труда. Период отпуска по уходу за ребенком становится для многих женщин этапом переоценки своих профессиональных возможностей и новых потребностей, связанных с изменением семейного статуса. Треть опрошенных женщин, 37,6 %, после выхода из отпуска сменили свое место работы. Не сменили, но хотели это сделать — 3,6 %, остались на прежнем месте — 39,5 %, воздержались от ответа — 19,3 %. Почему смена работы оказалась столь частым явлением для мам, возвращающихся на работу?

Доминирующими причинами являются близкое расположение работы от дома (что отметили 38,5 % опрошенных москвичек) и лучшие условия организации труда на новом месте (38,2 %). Возможность увеличить заработную плату (27,6 %) и возможность профессионального и служебного роста (22,4 %) — вторая по значимости группа причин для смены работы. 5,3 % опрошенных отметили, что смена места работы была вынужденной из-за отказа работодателя в приеме на прежнее место. И наконец, 4,9 % выбрали новое место работы, поскольку работодатель предоставлял дополнительные корпоративные льготы.

Таким образом, можно сказать, что с появлением ребенка для матери становятся приоритетными те характеристики ее работы, которые позволяют успешно совмещать процесс продолжающегося ухода за ребенком и профессиональные обязанности. Ими в данном случае являются близость рабочего места и соответствующие условия труда на новом месте работы. Близость рабочего места позволяет экономить время на дорогу и согласовывать график работы с графиком работы ДОУ. Наличие таких условий на новом месте работы, как гибкий график или сокращенный рабочий день, «гибкость» рабочего места (работа на дому), возможность взять листок временной нетрудоспособности («выйти на больничный»), делает его привлекательнее старого, где эти условия отсутствовали или же не соблюдались.

Для того чтобы понять, какие аспекты организации труда больше всего привлекают работающих мам с дошкольниками, был создан блок вопросов, содержащий 12 характеристик. Эти характеристики были проранжированы в зависимости от доли ответов «очень важно», отмеченных респондентками. Следует отметить, что ответы показали огромную значимость каждого из аспектов. Полученные результаты продемонстрированы в табл. 5.

Возможность «выйти на больничный» как очень важное условие труда оценили 82,9 % ответивших респонденток. Второй по значимости оказалась возможность получения отпуска летом — 81,9 % ответивших. Эти два фактора составляют первую по значимости группу условий организации труда. Во вторую группу попадают: близкое расположение работы от дома, гибкий график труда и позитивный психологический климат в коллективе. Третья по важности группа объединяет наличие медицинской страховки на ребенка, льготы и услуги для работников с детьми, содействие в решении проблемы присмотра за ребенком (устройство в ДОУ). Четвертое место занимают такие характеристики, как предоставление сокращенного рабочего дня, возможность повышения квалификации.

**Рейтинг условий организации труда для женщин,
имеющих детей дошкольного возраста, для успешного совмещения
профессиональных и материнских обязанностей, % (N = 1221)**

Оцениваемые условия труда	Количество опрошенных, отметивших этот пункт как «очень важный»	Количество опрошенных, отметивших наличие данного условия на месте работы
Возможность «выйти на больничный» в связи с болезнью ребенка	82,9	45,8
Отпуск летом	81,9	61,7
Близкое расположение работы от дома	73,7	44,4
Гибкий график труда	73,0	40,6
Позитивный психологический климат в коллективе	72,5	44,5
Медицинская страховка на ребенка	68,5	5,6
Дополнительные корпоративные льготы и пособия для сотрудников с детьми	64,0	12,4
Содействие при устройстве в ДОУ	62,1	9,7
Сокращенный рабочий день	52,7	16,5
Повышение квалификации после выхода из отпуска по уходу за ребенком	51,6	8,3
«Гибкость» рабочего места, возможность работать на дому	35,1	11,6
Возможность привести ребенка на работу	30,4	28,9

Как выяснилось, эти значимые условия труда недостаточно представлены в реальности. В первую по популярности группу среди условий труда, чаще всего предоставляемых предприятиями, попадает предоставление отпуска летом. Вторую группу составляют такие условия труда, как предоставление больничного «без проблем», позитивный психологический климат в коллективе, близкое расположение работы от дома, гибкий график труда. В отдельную группу, третью по степени распространенности, попадает возможность привести ребенка на работу. На четвертом месте оказывается предоставление сокращенного рабочего дня. Дополнительные корпоративные льготы и услуги для сотрудников с детьми, а также гибкость рабочего места — группа условий, по частоте предоставления находящаяся на пятом месте. На предпоследнем, шестом месте, оказываются содействие организации в устройстве ребенка в ДОУ и наличие специальных возможностей повышения квалификации сотрудниц. Реже всего в качестве условия, характеризующего их место работы, респонденты называли льготную корпоративную медицинскую страховку на ребенка.

Таким образом, для большинства женщин, имеющих желание самореализации и испытывающих необходимость зарабатывать, в период воспитания детей дошкольного возраста остро встает проблема наличия на их месте работы специальных условий для успешного возвращения на рабочее место и продолжения трудовой деятельности. Отсутствие таких условий может быть суще-

ственной причиной для смены сотрудницами прежнего места работы на более «удобное» и удовлетворяющее их новым потребностям. Согласно вышеприведенным данным, существующие условия организации труда в основном не удовлетворяют большинство потребностей работающих матерей. В этой ситуации для удержания сотрудниц и стимулирования их рабочей мотивации организациям необходимо предложить им актуальный, ориентированный на их ожидания «трудовой контракт» в соответствии с представленной здесь иерархией потребностей.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Контракт работающей матери: советский вариант // Гендер. калейдоскоп : курс лекций. М. : Academia, 2001. С. 291—309.
2. Вовк Е. Количество детей в семье: установки и репродуктивное поведение // Соц. реальность. 2007. № 8. С. 20—26.
3. Вовк Е. Лучше позже? Возраст рождения первенца и неявные концепции родительства // Там же. С. 32—36.
4. Дошкольные образовательные учреждения в 2006 г. / Мосгорстат. М., 2007. 52 с.
5. Исупова О. Г. Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщин // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 92—98.
6. Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России : («Ваш ребенок нужен только Вам») // Там же. С. 98—107.
7. Московский статистический ежегодник, 2006 : стат. сб. / Мосгорстат. М., 2006. 190 с.
8. Московский статистический ежегодник, 2008 : стат. сб. / Мосгорстат. М., 2008. 206 с.
9. Московский статистический ежегодник, 2009 : стат. сб. / Мосгорстат. М., 2009. 204 с.
10. Окно в частную русскую жизнь / Н. Римашевская, Д. Ванной, М. Малышева, Е. Мещеркина, М. Писклакова. М. : Академия, 1999. 318 с.
11. Тёмкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 4—14.
12. Труд и занятость в России, 2009 : стат. сб. / Росстат. М., 2009. 623 с.
13. Экономическая активность населения России, 2010 : стат. сб. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_61/IssWWW.exe/Stg/01-12.htm (дата обращения: 10.02.2011).
14. Эшвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 63—72.
15. Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour / ed. by S. Ashwin. London : Routledge, 2006. 296 p.
16. Fathers and Mothers: Dilemmas of the Work-Life Balance : a Comparative Study in Four European Countries : (Social Indicators Research Series) / M. Fine-Davis, J. Fagnani, D. Giovannini, L. Højgaard. Dordrecht : Kluger Academic Publisher, 2004. 380 p.
17. Lockwood N. Work/life balance : challenges and solutions // Society for Human Resource Management Research Quarterly. 2003. Vol. 2 (June). P. 1—10.

И. В. Сохань

**«ДОЛОЙ КУХОННОЕ РАБСТВО!»:
К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ
СТРУКТУР БЫТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.**

В статье анализируется гендерный аспект революции быта как одной из приоритетных задач тоталитарной власти в Советской России 1920-х гг. Реформа гастрономических практик, традиционно объясняемая в исследовательской литературе социальными и экономическими задачами, имела под собой и иные серьезные основания онтологического характера — тоталитарная власть стремилась реализовать кормовую функцию, в принципе присущую всякой власти, абсолютным образом, целенаправленно отчуждая частный порядок осуществления гастрономических практик и связанного с ними частного желания-удовольствия у их архетипического автора — у женщины. Рассматривается феномен Л. Брик как апогей женской способности к производству желания в рамках тоталитарных структур жизни. С методологической точки зрения в статье обоснованно используется психоаналитический метод, персонологический подход и возможности философской концептуализации историко-культурологического материала.

Революционные преобразования повседневной жизни стали одной из главных целей в строительстве новой, коммунистической реальности в Советской России 1920-х гг. Трансформация структур быта проходила в рамках нового социального кода, когда все прошлое (дореволюционное) и буржуазное оценивалось сугубо негативно, а настоящее, рассматриваемое как площадка для вдохновляющих преобразований, и вот-вот наступающее светлое будущее представлялись как наилучшее и передовое¹, при этом объективные социальные проблемы считались пережитком буржуазного прошлого: в новой, коммунистической реальности, согласно социальному формату утопии, они должны были разрешиться сами собой. Магистральная линия переделывания повседневности состояла в движении от *частного к общему* — от индивидуального быта к его общественному эквиваленту, где практики быта, став рационализированными и сциентистскими, вытеснят в прошлое темную, природную сторону

© Сохань И. В., 2011

¹ Такой бинарный код новой реальности предполагал оппозицию старого, буржуазного как телесного и бессознательного, неразумного и неконтролируемого и нового, пролетарского как сознательного, разумного с абсолютно прозрачным и подконтрольным телесным габитусом. Стоит заметить, что побочный эффект реализации подобного социокультурного кода — это неизбежно возникаемый сток бессознательных и аффективных состояний, таких как чувство вины и страха, эксплуатируемое сталинским террором, и беспредел власти в реализации перверсивных потребностей своего бессознательного.

телесности, позволив состояться новой, абсолютно «культурной»² телесной идентичности пролетария. Учитывая статус повседневности как социального стока, сумерков культуры, где складываются ее маргинальные состояния, можно предположить, что крайнее овнешнение повседневной жизни через ее обобществление дает возможность максимально полного социального контроля над ней со стороны тоталитарной власти, которая именно посредством такого видоизменения структур быта делает всех граждан соглядатаями друг за другом, всех жителей — тюремщиками друг друга, а себе обеспечивает функцию онтологического источника жизни, подателя бытия.

Революция быта лишила домашнее пространство частного характера, переведя индивидуальные повседневные практики под неусыпное око общественного контроля, равно как и телесные функции, обеспечиваемые этими практиками. Идея коммун, столь популярная в 20-х гг., предполагала полную общность, открытость и доступность друг другу тел, которые потеряли свое индивидуальное звучание, — это неизбежно происходило в условиях общности пространства для сна, пищи — вещи, считающиеся личными, также теряли свой статус в данном качестве и становились объектами общественного пользования. Эта специфическая обнаженность человека, когда ему некуда укрыться на телесном уровне и его идентичность не артикулируется в персональных микрокоммуникациях с материальными артефактами его жизни, создает ситуацию доступности для любого манипулятивного влияния извне, для того, чтобы телесность и сознание мыслились социальным инструментарием власти, обеспечив действие принципа максимальной экономии индивидуального *желания* и, соответственно, максимальной интенсификации коллективного *желания*, репрезентированного как тоталитарная власть.

Нас интересует одна из основных структур повседневности — пища, поскольку именно преобразования в сфере практик ее потребления стали важнейшим средством формирования субъективности советского человека. Являясь базовой биологической потребностью человека, пища и все паттерны, связанные с ее выбором, приготовлением, потреблением и т. д., в ходе истории подвергались сложному культурному кодированию, благодаря чему можно утверждать, что всякий акт трапезы есть способ установления и подтверждения индивидуальной и социокультурной идентичности человека; и именно поэтому сами гастрономические практики могут быть эффективным инструментом кон-

² Ш. Фицпатрик (автор работ «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» и «Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня») отмечает, что идея культурности, которую советская власть дала своим гражданам, была крайне популярна в указанные годы — даже в повседневном дискурсе, в обыденной речи она артикулировалась для подчеркивания особого действия, совершаемого осознанно: «поступить культурно», «культурно пообедать», «культурно сходить в кино». Ш. Фицпатрик включает идею культурности в систему советских мифологем, которыми общество было перенасыщено [7]. А. Жид в «Возвращении из СССР» высказывает непосредственное удивление по поводу способности советского человека жить методом соцреализма в буквальном смысле, т. е. видеть реальность не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть в коммунистическом будущем [4].

струирования не только телесности человека, но и определенного формата его сознания и мировоззрения³.

Учитывая традиционный статус женщины как хозяйки повседневного пространства и хранительницы очага⁴, «автора и инициатора» гастрономических практик, можно не удивляться, сколько усилий было направлено на изменение ее привычного гендерного статуса и в целом на реализацию новой, советской гендерной политики, одно из направлений которой выражено знаменитым лозунгом «Долой кухонное рабство!» Частное пространство трапезы рассматривалось как буржуазный пережиток, отвлекающий женщину от той общественно полезной работы, которую она могла бы делать. Связь женщины с кухней, домашним очагом и приготовляемой там пищей носит архетипический характер, но в рамках строительства нового быта привычная гендерная симметрия должна была быть разрушена, и это случилось как на уровне вынужденного выбора самих женщин, так и на пропагандистко-декларативном уровне. Действительно, утрата традиционной половой идентичности, превращение женщины в товарища, пригодного к классовой борьбе и строительству коммунизма, непременно должно было включать в себя преодоление архетипических женских характеристик, в том числе и разрушение связи женщины и домашнего очага: находясь дома, готовя домашнюю еду, женщина выступала агентом формирования частных характеристик габитуса человека; теперь же функцию формирования габитуса, частные проявления которого совпадали бы с общественными требованиями, взяло на себя государство, поэтому женщина в короткое время должна была пройти путь «от плиты к книге» — от частной плиты как бессознательного пространства к четкому артикулированному идеологическому дискурсу своего существования (идея революционных преобразований быта возникла не в одночасье, ей предшествовало женское движение, набравшее силу в самом начале XX в. и сформулировавшее необходимость освобождения женщины от оков повседневности и включения ее в общественное производство — только в этом случае, целиком возложив заботу о своем существовании на свои плечи, преодолев свою обслуживающую роль, женщина могла встать на путь личностного развития).

Женщина как носитель наименее легитимных качеств телесности, чье влияние на культуру в традиционном мире всегда было возможно преимущественно как влияние на низовые, повседневные формы культуры, должна была быть выведена за рамки повседневности посредством включения в активный общественный труд, как и повседневность должна была быть сведена к прозрачной, подконтрольной, свободной от роли «кладовой» частных практик су-

³ Связь пищеварительных и ментальных паттернов с психоаналитической точки зрения исследована Ф. Перлзом [6].

⁴ Как пишет М. В. Добровольская, еще в период овладения огнем, т. е. первичного акта культурного кодирования трапезы, что обусловило телесную и метафизическую модификацию человека и появление новых, уже надприродных форм социального родства, установилась определенная гендерная симметрия, при которой женщина является хозяйкой огня (следовательно, автором приготовленной на нем пищи), хранительницей очага и домашнего пространства; а мужчина — охотником, защитником, автором внешних коммуникационных действий [1].

ществования. Посредством такого идеологического дискурса женщина мыслилась агентом прошлого, темного мира, т. к. именно женщина традиционно воспроизводила повседневные практики жизни, актуальные и универсальные для любой социальной и политической реальности. Поэтому тоталитарная власть, продолжая утопическую традицию, не остановилась только на средствах влияния на сознание человека, но обратилась к преобразованию его частного телесного пространства. Так, внедрение системы общепита во многом было обусловлено перестройкой устоявшейся системы гендерных отношений, когда женщине наравне с мужчиной присваивался статус активного субъекта труда и полноправного участника строительства новой жизни.

Исправление традиционной гендерной симметрии, которое шло по принципу рационализации существования, следовательно, рационализации всех женских (традиционно повседневных) практик жизни, привело к возникновению некоей унифицированной модели пола⁵ и гендерной идентичности, когда социальная роль женщины и мужчины мыслилась одинаково, однако делалась некоторая скидка на биологические признаки пола⁶.

Реформа кухни в рамках революции быта предполагала, как уже было упомянуто, прежде всего обобществление трапезы, основными результатами которого можно считать: 1) усиление уз социального родства через массовое сотрапезничество, что, несомненно, способствовало укреплению коллективного тела; 2) эксплуатацию такого формата трапезы, как *пир*, где происходит не только массовое праздничное со-разделение еды, но и осуществляется жертва, — мотив жертвы весьма характерен для тоталитарной стройки, когда каждый жертвует своей жизнью, индивидуальностью, здоровьем и во имя светлого будущего и гигантских планов⁷.

Обобществление трапезы неизбежно ставит вопрос о том, кто же в таком случае станет ее автором? Официальный дискурс устранения женщины из тоталитарной кухни на первый взгляд ясен — освобожденная от кухонного рабства женщина строит социализм, занимается общественно полезным трудом, что совпадает с ее саморазвитием. Специалисты по пролетарской культуре еды М. Зарина и П. Кожаный дискутируют на страницах журнала «Работница» 1920-х гг., отмечая, что изготовление пищи гораздо производительнее, если она готовится в общей столовой для 50 семей, нежели частной хозяйкой для одной семьи. Сейчас мы вполне можем улыбнуться на подобные утверждения, ведь качество приготовленной еды включает в себя далеко не только ее объемы

⁵ Можно утверждать — особого, пролетарского пола.

⁶ В частности, сталинская социальная политика, касавшаяся материнских функций женщины, всячески поощряла ее репродуктивную роль, однако, как это вообще характерно для тоталитаризма, дети мыслились не в контексте частной семьи, а выступали результатом союза женщины и власти.

⁷ Отличие традиционного дискурса пира от его варианта как тоталитарной трапезы в том, что жертва участника традиционного пира заключается в жертвовании телесным здоровьем и разумным состоянием сознания ради трансцендирующего эффекта единения; в то время как на тоталитарный пир участник приходит, уже пожертвовав своей индивидуальностью, собой как персональностью — в рамках дисциплинарных форм тоталитарной повседневности его жертва уже предуготована.

вкупе с выверенностью рецептуры, однако для данного времени такой подход представлялся передовым — помимо своей лаконичной рациональности, он основывался на принципе максимальной экономии материальных (продукты) и энергетических (труд повара) ресурсов, которые нужны стране для более важных целей. Также не оставлен без внимания М. Зариной⁸ экономический эффект общественного питания — мелкие лавочки, где хозяйки покупают продукты, качество которых зачастую фальсифицировано страждущими наживы предпринимателями и продавцами, теперь оказываются просто ненужными: продукты попадают в общественную столовую непосредственно от производителя и под неусыпным контролем государства (эффект экономии очевиден и здесь — все виды экономии ведут в конечном счете к экономии *желания*).

Немаловажным принципом для отчуждения способности и возможности *желать* в пользу тоталитарной власти был принцип приоритета полезности еды перед получением удовольствия от пищи. В дискуссиях касательно организации общественного питания, обустройства пищевых или харчевых фабрик (т. е. столовых — в тезаурусе того времени) речь идет преимущественно о чистоте как втором важнейшем, после рациональности, гастрономическом принципе. В совокупности, поняты максимализованно, эти принципы приближали трапезу к медицинской процедуре, предпринимаемой для поддержания жизни тела, и, несомненно, функционализировали телесность, в том числе и для ее носителя, — такая функционализированная телесность с гораздо большей легкостью могла восприниматься как *жертвенное тело*, что представляется весьма актуальным для тоталитарных задач. У жертвенного тела, чтобы оно могло состояться как таковое, отчуждались все его женские характеристики, традиционно представленные в культуре как наименее легитимные, связанные с темной, природной, бессознательной стороной телесности, с ее способностью выражать *желание*.

В избавлении женщины от кухонного рабства скрыто представлены цели и результаты, может быть, более важные, нежели включение в общественное производство, а именно то, что по мере выведения женщины за пределы кухни ее место там занимала тоталитарная власть с целью непосредственного инсталлирования в телесное пространство человека органов тоталитарного контроля. Во-первых, власть полностью контролировала распределение продуктов согласно общественной пользе от индивида⁹, ставя в прямую зависимость содержимое тарелки и желудка не только от объема труда, но и от лояльности режиму и преданности коммунистическим идеалам¹⁰; во-вторых, неизбежно возни-

⁸ Статьи М. Зариной «Фальсификации съестных продуктов и средства борьбы с ними» (Работница. 1923. № 11), «Строительство народного питания» (Работница. 1924. № 6) и др.

⁹ «Кто не работает — тот не ест», этот лозунг в контексте эпохи следует понимать самым буквальным образом, т. к. возможность *есть* была только у того, кто вносил существенный вклад в общественное строительство. С самого начала 1920-х гг. этот принцип только смутно формировался, окончательно же, как социальный механизм распределения еды, он стал актуален уже после НЭПа.

¹⁰ Подобная зависимость в исторических исследованиях получила название «кормовая функция власти».

кающие в таких условиях практики добывания (доставания) продуктов¹¹ (посредством связей, очередей и т. д.) могут позиционироваться как особые гастрономические практики¹² и являются своеобразным стоком социальной активности, жестко регламентируемой в рамках тоталитарного режима; в третьих, выступая подателем пищи (начиная от продуктов и заканчивая организацией питания), тоталитарная власть реализовывала отнятую у женщины способность влияния на Другого посредством своего *желания*, записанного в пище как в том, что из внешнетелесного станет внутреннетелесным и окажет воздействие на само качество жизни¹³. Таким образом, инсталлированные в телесность советского гражданина посредством контроля над его культурой еды *желания* тоталитарной власти не оставляли возможностей для его собственных *желаний*, в конечном счете обеспечив известными темпами развития науки и экономики советского государства.

И. Жеребкина, анализируя женскую сексуальность в эпоху сталинского террора на примере совершенно нетипичной ни для эпохи, ни для русской ментальности модели женской субъективности, представленной в лице Л. Брик, сравнивает беспредельную способность Лили к производству *желания* и такую же по интенсивности способность тоталитарной власти производить *желание*, являющееся «нарушением “нормального” желания, которое недоступно ординарной субъективности» [3, с. 93].

Но в этом сравнении Л. Брик «обыграла» и Сталина, который... не выдержал метафизической точки исполнения желания... Лиля парадоксальным образом не зависит и от этого, строя свой быт и жизнь в невероятной ситуации вечной сексуальности и вечной красоты — как не зависит и от смерти» [2, с. 212]. Ключевым здесь является «быт» — биография Л. Брик богата фактами, раскрывающими ее повседневные практики, которые отличались постоянством и изобильностью¹⁴ — и это при общей социально-экономической ситуации, когда в повседневной жизни насаждались принципы жесткой экономии, и, как было сказано выше, прежде всего экономии *желания*. А *желание* Л. Брик при этом интенсивно артикулировалось в бытовых практиках, абсолютно противоположных бытовой политике власти.

Фигура Л. Брик носит иллюстративный характер для понимания самого механизма *желания*: «Женское желающее тело вызывает отступление другого желания — произвола Советской власти вне всякой законности, парадоксальным образом признавая индивидуальное “наглое” желание выживания достойным права на

¹¹ Как, впрочем, и многих остальных вещей.

¹² Гастрономическими мы их можем назвать потому, что они задают особый формат отношения человека к пище.

¹³ Расхожая поговорка «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок» вполне справедлива именно в этом ключе — *желание* женщины влияет на мужчину на самом непосредственном внутреннетелесном уровне. В отношении тоталитарной власти как женщины и народа как мужчины используемый механизм тоталитарного гастрономического контроля абсолютно идентичен — *желания* власти реализуются усилиями кормимого ею народа.

¹⁴ Известно (по материалам биографов), что Л. Брик покупала одежду в Париже, много путешествовала, любила и всегда имела к своему столу изысканную еду.

существование. На уровне бессознательного это были желания одного уровня — вне запретов и ограничений. Поэтому они и читали друг друга» [2, с. 199].

Так советская (тоталитарная) власть, изъяв женщину из бытовой сферы, прежде всего гастрономической, произвела процедуру отчуждения *желания* в свою пользу, тем самым многократно усилив себя, реализуя в дальнейшем сформировавшуюся таким образом избыточность своего желания, а обычного человека сделав заложником вины за любые свои частные проявления, т. к. основной дискурс его существования должен был сводиться к способности следовать чужому желанию и реализовывать его. Однако мы наблюдаем определенный парадокс — выведя за рамки повседневности женщину, обеспечивая ей сходную с мужской конструкцию идентичности, тоталитарная власть занимает место женщины через практики предельной рационализации повседневности, которые являются мужскими в рамках традиционного гендерного кодирования культуры. В обществе, где все рационализировано, даже повседневность, частной жизни человека негде происходить, более того, частные проявления обязательно связаны с комплексом вины перед обществом¹⁵. Именно бинарность *вины* за свое частное *желание*, возникающее вопреки не оставляющим места этому *желанию* дисциплинарным пространствам советской повседневности, с одной стороны; и беспредельного *желания* тоталитарной власти, которое может реализовываться в своих самых перверсивных вариантах, с другой стороны; эта бинарность являлась базовой структурой коллективного бессознательного той эпохи, а также является базовой структурой для тоталитарных коммуникаций вообще.

Возвращение женщине авторства хозяйки домашнего очага частично и символически произошло на страницах «Книги о вкусной и здоровой пище», первое издание которой состоялось в 1939 г. [5] и которую можно назвать своеобразной гастрономической мифологией советского человека, ибо культура еды, запечатленная в ней, к реальной жизни граждан не имела отношения. Тем не менее само появление такого издания было очень важной вехой — в определенной степени становление тоталитарной культуры еды достигло своего апогея и по крайней мере женская роль хозяйки, готовящей еду для близких, была слабо, но артикулирована в социальном пространстве. Однако сам дискурс книги построен на передаче знаний о еде, которыми обладает советская власть, частной хозяйке, рецепты сопровождаются рассказами о достижениях пищевой индустрии социализма, являющейся опорой гастрономических практик советского человека. Так, мы наблюдаем процесс отчуждения традиционного гастрономического авторства у женщины посредством особой гендерной политики, повлекший за собой обобществление кухни и выталкивание женщины в социальную жизнь, присвоение ей, наряду с мужчиной, важной роли строителя коммунизма; затем, после закрепления этой роли и более-менее устоявшихся в социальной жизни соответствующих бытовых практик, происходит постепенное возвращение женщины в повседневную жизнь, которое означает возвращение столь необходимых для нормального существования культурного и социального пространств по-

¹⁵ Поэтому террор при тоталитаризме неизбежен — у каждого человека есть своя вина (онтологического характера), которая должна быть артикулирована в физическом воздействии на его тело через пытки, мучения и смерть в конечном итоге.

вседневных форм жизни. Хронологически процессы такого возвращения связаны с завершением сталинской эпохи — недаром исследователи традиционно ссылаются не на первое издание «Книги о вкусной и здоровой пище» 1939 г., а на ее второе издание 1953 г. — года смерти Сталина.

Библиографический список

1. *Добровольская М. В.* Человек и его пища. М. : Науч. мир, 2005. 367 с.
2. *Жеребкина И.* Лиля Брик: женская сексуальность в эпоху сталинской эпохи // Гендер. исслед. 1999. № 3. С. 187—213.
3. *Жеребкина И.* К вопросу о мужской сексуальности в эпоху сталинского тоталитаризма // Там же. 2006. № 14. С. 93—115.
4. *Жид А.* Возвращение из СССР // Два взгляда из-за рубежа : пер. М. : Политиздат, 1990. С. 62—163.
5. Книга о вкусной и здоровой пище. М. : Пищепромиздат, 1939. 435 с.
6. *Перлз Ф.* Эго, голод и агрессия. М. : Смысл, 2000. 368 с.
7. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. : РОССПЭН, 2001. 336 с.

ББК 60.542.2

Ю. С. Задворнова

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

В России, как и во многих развитых странах мира, семья как социальный институт претерпевает глубокие изменения. Большинство современных ученых, основываясь на эмпирических, а также демографических данных, делают вывод о том, что институт семьи в современном российском обществе находится в состоянии кризиса, поскольку он не выполняет своих основных функций, прежде всего в области рождения и воспитания детей. К таким исследователям следует отнести А. И. Антонова, В. М. Медкова, Т. А. Репину, В. И. Якунина. Другие ученые (В. Б. Голофаст, С. И. Голод и А. А. Клецин) придерживаются принципиально иного подхода к оценкам изменений в функционировании института семьи. По их мнению, семья как социальный институт в России сохранилась, но изменились ее структура, гендерные отношения и разделяемые гендерные роли, что обусловлено объективными процессами, происходившими в стране и мире на протяжении XX в.

Вместе с тем семья — центр формирования гендерных отношений, через нее транслируются следующим поколениям представления о женственности и

мужественности, гендерные стереотипы и нормы, определяющие поведение мужчин и женщин в обществе.

Гендерные отношения в современной российской семье находятся в состоянии трансформации. Наряду с советской моделью контракта «работающей матери», формируется новый тип семьи — бикарьерная семья, в которой работают оба супруга, претендующие на профессиональный рост и самоутверждение в публичной сфере. В такой семье снижается уровень мужского доминирования, в меньшей степени присутствует экономическая зависимость женщины, вопросы распределения обязанностей и ответственности решаются на основе договоренностей.

Развитие семьи с точки зрения изменения семейных ценностей и устройства внутрисемейных отношений проанализировано исследователями как постепенный переход от традиционной (патриархальной) модели с четко выраженной половозрастной субординацией к детоцентристской (переходной) семье, для которой характерны «возвышение» ценностей частной жизни, эмоциональных отношений и гипертрофированная ценность детей, и, наконец, к супружеской семье, которая описывается как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями». Исходя из перечисленных типов семей выделяют соответствующие им типы гендерных отношений: авторитарные (с регламентированным распределением ролей и главенством мужа) и эгалитарные (основанные на равноправии) [1, с. 76].

Гендерные исследования начали развиваться в России с 1990-х гг. Но еще задолго до того, как исследования гендера обрели статус научной дисциплины, главной и зачастую единственной социальной ареной, где гендерные отношения становились видимыми, была семья — один из классических объектов внимания социологии. Однако традиционная советская социология семьи тяготела к рассмотрению этого института с сугубо функциональных позиций. Изучению подлежали прежде всего те аспекты бытования семей, которые были значимы с точки зрения государственного интереса: репродуктивные планы, разводы, формы брачных отношений, воспитание детей [9, с. 6].

Модель гендерных отношений, существовавших в советском обществе, принято называть контрактом «работающей матери». По «условиям» контракта женщина, как правило, имела полную занятость на производстве, обеспечивая наравне с мужчиной важный вклад в семейный бюджет, при этом сохранялось неравное распределение бытовых обязанностей между мужчиной и женщиной. Принципиальное условие контракта — исключительность роли женщины-матери в обществе, предполагающая ее безусловный приоритет в воспитании детей. Контракт закреплял идеологию гендерного равноправия при сохранении практики «двойной занятости» женщин и скрытой дискриминации по признаку пола в публичной сфере [4, с. 16].

Противоречие между производственными и бытовыми функциями, возложенными на женщин, их высокая загруженность были одной из наиболее распространенных тем исследования социологов 1970—1980-х гг. Ученые отмечали, что «если трудовая нагрузка мужчины на производстве и дома состав-

ляла около 50 часов в неделю, то у женщины-матери в городских семьях она была на 30 часов больше» [6, с. 100].

Так, А. Г. Харчев высказывал точку зрения, что неравное распределение семейных обязанностей влечет нарушение принципа равноправия полов, создает мужчине лучшие условия для физического и культурного развития, чем женщине [10, с. 45]. Известные ученые в области социологии семьи Л. Гордон, Э. Клопов, Л. Оников по итогам социологического опроса отмечали, что домашний труд занимает у работающих мужчин около 1 часа в сутки, у женщин, имеющих детей, до 4—5 часов в день [2, с. 53]. По данным социологического исследования З. А. Янковой, 25 % опрошенных женщин считали необходимым более равномерное распределение обязанностей между супругами [12, с. 79].

Среди причин слабого участия мужчин в делах семьи назывались неразвитость общественных форм бытового обслуживания, низкий уровень механизации домашнего труда. Исследователи считали, что перестройка домашней работы в сторону механизации, возникновение в ней таких элементов, которые в равной степени могут выполняться и женщинами и мужчинами, призвана привести к равенству супругов во внутрисемейной деятельности. В научной литературе 1970-х гг. встречались суждения о том, что женщина фактически занимает главенствующее положение в семье: в ее распоряжении находится семейный бюджет, она воспитывает детей, организует семейный досуг (см.: [11, с. 277]).

В конце 1980-х гг. наряду с традиционными научными подходами в социологии начало формироваться новое направление, основанное на концепции гендера, признающее за обоими полами равное право на самореализацию во всех сферах жизнедеятельности. Так, исследовательницы Н. Захарова, А. Посадская, Н. Римашевская в своих работах утверждали, что советский тип семейных отношений был отнюдь не эгалитарным (см.: [11, с. 279—281]).

Результаты масштабного исследовательского проекта «Таганрог» также находились в противоречии с официальной идеологией, выявив гендерную асимметрию в обществе и фактическое неравное положение женщин [3].

На основе обширных статистических аналитических материалов были вскрыты основные формы дискриминации женщин в СССР, показана система воспроизводства патриархальных стереотипов в массовом сознании. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на высокую занятость женщины на производстве, в семейной сфере сохранялся патриархальный тип гендерных отношений.

90-е гг. XX в. в России стали периодом экономического и политического кризиса. Поляризация доходов, быстрая маргинализация части населения, формирование нового рынка труда, возникновение безработицы — все это не могло не повлиять на институт семьи. Как отмечают исследователи Н. М. Римашевская, А. Темкина и А. Роткирх, смена направления семейной политики государства, огромный разрыв в оплате труда женщин и мужчин привели к социальной незащищенности женщин, снижению их конкурентоспособности на рынке труда и возросшей ответственности в частной сфере [7, с. 27].

Резкое расслоение общества и формирование стратегии выживания для подавляющего большинства семей повлекло возрастание экономического значения семьи, установление роли мужчины — кормильца семьи как основной [4, с. 24].

Результаты сравнительного российско-европейского исследования «Семья: Восток — Запад», проведенного в конце 1990-х гг., показывают особенности гендерных отношений в России: замкнутость границ мужской и женской «культур», способствующая особой конфликтности отношений, неразработанность культуры партнерства между мужчинами и женщинами в семье и обществе [5, с. 52].

Совместное российско-американское исследование, проведенное в 1996 г., итоги которого опубликованы в книге под названием «Окно в русскую частную жизнь», позволяет сделать вывод, что, несмотря на некоторые изменения семейных ролей, ценностей и представлений, патриархальная семья в России все же оставалась доминирующей. Исследование в целом продемонстрировало согласие и мужчин и женщин с тем, что именно мужчина должен зарабатывать деньги, но роль распорядительницы семейного бюджета отводилась женщине. Раздельные сферы ответственности мужчин и женщин внутри дома и за его пределами в основном оставались неизменными. Однако данные этого исследования позволяют заключить, что мужья чаще, чем раньше, стали выполнять совместно с женами некоторые виды работ по дому. Результаты исследования показали разрыв в представлениях мужчин и женщин о типах супружеского взаимодействия: жены значительно чаще придерживались эгалитарных взглядов на гендерные отношения, были склонны изменять границы, разделяющие гендерно закрепленные сферы ответственности, мужья, напротив, придерживались традиционной модели отношений, но принятие решений в большинстве семей скорее осуществлялось совместно, нежели раздельно. Вопреки реальности 1990-х гг., многие женщины хотели, чтобы муж экономически содержал семью, предоставив тем самым возможность жене заниматься ведением домашнего хозяйства [7, с. 233—234].

Исследования конца 1990-х гг. позволяют сделать вывод, что российская семья того времени находилась в постоянном процессе «переосмысливания» гендерных отношений власти и разделения труда. В конце 1990-х гг. наметилась новая тенденция в развитии гендерных отношений — формирование жизненной стратегии «успешной женщины», для которой на первом плане оказываются интересы профессиональной самореализации и карьеры [4, с. 147].

В монографии «Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии» О. А. Хасбулатова проанализировала влияние внутренней политики государства на гендерные отношения в обществе и социальный статус семьи. В центре внимания автора находились: «государственная идеология, регламентирующая статус женщины и мужчины в обществе; государственно-правовая база, детерминирующая характер гендерной системы; гендерные аспекты политики в сферах образования, занятости, гражданских и политических прав, семейно-брачных отношений, управления» [11, с. 4]. Анализ гендерной политики позволил автору прийти к выводу о том, что на протяжении всего XX столетия в центре ее были экономические, демографические и другие цели, а не суверенитет отдельной личности, будь то мужчина или женщина. Рассматривая внутреннюю политику, О. А. Хасбулатова отмечает, что она «способна существенным образом влиять на социальный статус женщин и мужчин» и во многом определяет характер гендерного неравенства в конкретно-исторические перио-

ды [11, с. 6]. На основе социологического анализа документов О. А. Хасбулатова сделала вывод о преемственности государственных идеологий на различных исторических этапах, которые насаждали разные по форме, но схожие по сути стереотипные образы «творческого, успешного, делового, нацеленного на публичную сферу мужчины» и «зависимой (от мужа, отца, государства), домашней, сориентированной на приватную сферу женщины — труженицы и матери». Именно это во многом объясняет низкую результативность российской политики по вовлечению женщин в сферу управления и на уровень принятия государственных решений, высокую степень патриархальности массового сознания. В своей работе автор развенчивает миф о равноправном положении женщины в советском обществе [11, с. 268].

Результаты всероссийского исследования «Семья. Демография. Социальное здоровье населения РФ», проведенного в 2006 г., показали, что ролевая структура семьи находится в стадии изменения: наблюдается увеличение симметричности в распределении семейных обязанностей между мужем и женой, изменение представлений о лидерстве в семье*. Это подтверждается мнением значительной части россиян о том, что главы семьи вообще не должно быть — важные решения следует принимать совместно, мелкие — в соответствии с существующим разделением обязанностей. Изменились и взгляды на понятие «кормилец семьи»: так, если «кормильцем» определяет себя мужчина, то практически единственным основанием для этого служит то, что он имеет доход выше, чем жена; если «кормильцем» называет себя женщина, то это значит, что она, имея более высокий заработок, нежели муж, осуществляет и функцию распределения совокупного семейного дохода.

Однако по-прежнему женщины оказываются в сложной ситуации, когда им необходимо выполнять несколько социальных ролей одновременно: роль кормильца, роль жены и матери. Данные исследований доказывают: несмотря на то что в современной семье гендерные роли не столь жестко регламентированы, как в патриархальной, в реальности женщины по-прежнему продолжают выполнять основную работу по дому и воспитанию детей. Исследователи пришли к выводу, что разделение гендерных ролей в семье зависит от типа ее социальной принадлежности. Семьи, где работает один супруг, характеризуются традиционным разделением ролей. Среди супружеских пар, в которых работают оба супруга, представители «рабочего класса» считают работу жены экономической необходимостью, в то время как семьи среднего класса видят в работе жены, скорее, фактор эмансипации [8, с. 81—82].

Таким образом, анализ трудов отечественных социологов показывает, что в период социально-экономических трансформаций конца XX в. постепенно разрушается феномен советской эпохи — существование единой для всех социальных групп нормативной модели семьи. Наряду с патриархальными, в общественном мнении формируются эгалитарные представления на распределение семейных обязанностей. Вместе с тем «двойная занятость» женщины (ра-

* Исследование проведено РГСУ. По общероссийской репрезентативной выборке опрошены 2400 человек в 85 поселениях в 25 субъектах РФ с соблюдением квот по полу, возрасту и типам поселения согласно данным Росстата.

бота для экономической поддержки семьи и домашний труд) — глубинные черты советской модели — по-прежнему сохраняют статус нормы.

Библиографический список

1. *Голод С. И.* Моногамная семья: кризис или эволюция? // Соц.-полит. журн. 1995. № 6. С. 74—87.
2. *Гордон Л., Клопов Э., Оников Л.* Социальные проблемы быта // Коммунист. 1974. № 17. С. 49—60.
3. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. М. : ИСЭПН, 2001. 320 с.
4. *Здравомыслова О. М.* Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М. : Едиториал УРСС, 2003. 152 с.
5. *Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю.* Российская семья на европейском фоне. М. : УРСС, 1998. 176 с.
6. *Лаптенюк С. Д.* Мораль и семья. Минск, 1967. 191 с.
7. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году / Н. Римашевская, Д. Ванной, М. Малышева и др. М. : Academia, 1999. 272 с.
8. *Сажина Л. В.* Современная гендерная культура: кросскультурный анализ брачно-семейного сегмента. Ростов н/Д : Изд-во ИПО ПИ УФУ, 2008. 203 с.
9. *Гартаковская И.* Гендерные отношения в приватной сфере: постсоветские трансформации семьи и интимности // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 5—11.
10. *Харчев А. Г.* Семья в советском обществе. Л., 1960. 112 с.
11. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
12. *Янкова З. А.* О семейно-бытовых ролях работающей женщины // Социальные исследования. М., 1969. Вып. 4. С. 76—87.

ББК 60.561.51

Д. В. Шведова

**РОЛЬ СЕМЬИ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА**

Начало XXI в. ознаменовано колоссальными изменениями, которые происходят с институтом семьи и брака, что вызывает к нему повышенный интерес. Именно в семье осуществляются важнейшие процессы социализации личности, исторической трансляции культурных, нравственных ценностей. Семья развивается и изменяется вместе с обществом, оставаясь наиболее устойчивым и консервативным его элементом. В настоящее время изменения социокультурных условий резко усугубляют противоречия между семейными и внесемейными отношениями, которые приводят к кризису традиционных ценностей. Общество заинтересовано в духовно прочной семье, способной вырастить фи-

зически и нравственно здорового ребенка. Физическое, социальное, нравственное здоровье подрастающего поколения — это и здоровье нации в целом.

В США семья является одной из высших национальных ценностей, лежащих в основе американского образа жизни. Так, большинство американцев пытаются сохранить репутацию хорошего гражданина (гражданки) и семьянина, подчиняя этой цели все свое жизненное поведение. Стремительное изменение ситуации в отношении семьи и детей, начавшееся в 1960-х гг. в США, застало многих исследователей врасплох. В настоящее время, расходясь в оценке социальных последствий, ученые разных идеологических направлений рассматривают это изменение как важное и глубокое.

Определение понятия «семья» и что за ним кроется

В последние годы термин «семья» употреблялся в таких неопределенных смыслах, что разъяснение его использования имеет особую важность. Существует несколько формальных англоязычных дефиниций понятия «семья». В то время как традиционное определение подразумевает обязательное кровное родство, усыновление и брак, официальное определение включает и другие формы взаимодействия, основанные на совместном ведении хозяйства и распределении дохода. Таким образом, семью можно считать обоюдной социально-экономической конструкцией, одинаково важной и в гражданском обществе, и на свободном рынке. Отсюда политика, которая воздействует на формирование семьи и ее благосостояние, довольно широко распространена и разнообразна.

Многие американские исследователи под семейной политикой подразумевают действия любого правительства в ответ на проблемы или потребности семьи (см., напр.: [4]). Конгресс США стал последовательно заниматься этой проблемой начиная с середины XX столетия. С 1945 г. семейное законодательство было принято в *каждом отдельном штате*. В период с 1945 по 2005 г. государство сформулировало и предложило к рассмотрению более 5000 различных законопроектов, нацеленных на поддержание семьи [1].

В то время как процесс разработки внутренней политики (экономика, образование, экология) США главным образом основывается на социальных исследованиях и эмпирическом знании, процесс выстраивания политики в отношении семьи сталкивается с постоянными дебатами о ценностях, т. е. прежде всего происходит идеологическое противоборство. Действительно, борьба за определение понятия «семья» выявила общие вопросы-рассуждения, которые продолжают оказывать влияние на формирование семейной политики. Ставятся вопросы [2, р. 34]: есть ли только один действительный тип семейной структуры? могут ли нетрадиционные семьи создать тот же самый вид социальной стабильности, которая подразумевалась в рамках традиционных ценностей? должна ли семья быть динамической конструкцией, которая отражает реальные общественные, экономические и демографические изменения, или семья должна быть статической конструкцией? какие надлежащие гендерные роли и место мужчин и женщин в семье и на рабочем месте? может ли государство избежать определения этих ролей в создании семейной и трудовой политики? Политиче-

ские и стратегические дебаты вряд ли приведут к выработке универсально удовлетворительного ответа на любой из этих вопросов, однако попытка сформулировать такие ответы обществом может обеспечить более глубокое понимание важности семьи для государства.

Самая популярная традиционная конструкция семьи в Соединенных Штатах состоит из сожителей — нуклеарной единицы, возглавляемой женатыми партнерами противоположного пола, и несовершеннолетних детей.

Супруг мужского пола берет на себя роль основного кормильца, типичная причина его выхода из семьи — смерть. В самой строгой интерпретации этой договоренности предполагается, что женщины не будут участвовать в трудовой деятельности. Это традиционное определение стало доминирующим в течение 1930—1940-х гг., которые были отмечены расцветом в американском социальном обеспечении, связанным с Новым курсом президента Франклина Рузвельта. Социолог Марта Хилл отмечала, что «общая предпосылка, подчеркивающая необходимость государственной социальной политики» заключалась в том, чтобы «оградить семьи от экономических трудностей, защитив главного кормильца от серьезных осложнений на рынке труда или гарантируя наличие дохода маленьким детям или пожилым женщинам, которые потеряли своего главного кормильца» [3, р. 37].

Несмотря на преобладание такого подхода, понятие «сожительство нуклеарной семьи» как нормативной семейной структуры в США относится больше всего ко времени индустриального периода американской истории. До индустриальной революции домашние хозяйства с расширенной семьей были нормативным идеалом [6]. Именно экономическая необходимость определяла этот норматив: поколения живут вместе, чтобы успешно управлять семейной фермой или общим бизнесом [8]. Большое количество совместно проживающих членов семьи способствовало ее лучшему обеспечению в экономическом плане, создав своего рода семейный масштаб. Как бы там ни было, индустриализация США избавила от необходимости расширенной семьи и от участия в совместной трудовой деятельности. Появляющиеся на горизонте корпорации обещали обеспечить работой и реальным доходом. Администрация президента Ф. Рузвельта сулила государственную поддержку профсоюзам и пересмотр законов о труде; социальное страхование (социальное обеспечение и медицинское страхование), гарантировало доступность льгот для промышленных рабочих. С 1930-х гг. нуклеарные семьи стали стандартной единицей анализа для экономической и социальной политики, и семьи, и работодатели частного сектора оказались неразрывно связанными. Государство и промышленность поощряли людей создавать семьи и поддерживали такие семьи.

Традиционное определение семьи как сожительствоющего союза было повторно подчеркнуто Конгрессом США в 1993 и в 1996 г. Закон о семейных и медицинских отпусках 1993 г. (The Family Medical and Leave Act of 1993) предусматривал предоставление 12-недельного неоплачиваемого отпуска по ряду медицинских причин: беременность и роды; уход за новорожденным; уход за больным ребенком, супругом или родителями. Работодатели должны были сохранять рабочее место за сотрудником, и льгота распространялась на

него в продолжение всего отпуска. В целях реализации Закона о семейных и медицинских отпусках 1993 г. Конгресс США определяет семью как сообщество, в которое входят супруг, сын, дочь, но не рассматривает их как *сожителей*. Сын или дочь — это биологический ребенок или усыновленный ребенок, воспитанный в приемной семье, в отношении которого оформлено юридическое опекуновство или родительский статус. Понятию «супруг» дали определение в Законе о защите брака 1996 г. (Defense of Marriage Act of 1996), который был нацелен на разъяснение отношения американского правительства к гомосексуальному браку. Закон гласит, что правительство определяет супруга как мужа или жену, пол которого противоположен полу его или ее партнера. И опять Закон о защите брака 1996 г. не ссылается на сожительство как совместное проживание.

Рассматривая понятие «семья» в меняющейся исторической ситуации, можно заметить, что до настоящего времени при выработке политических решений семейная государственная политика базировалась на нескольких главных постулатах [5]. Во-первых, на протяжении эры Нового курса «семья» определялась как нуклеарная единица, состоящая из мужа, жены и несовершеннолетних детей. Во-вторых, муж/отец, как ожидалось, являлся основным кормильцем, в то время как супруг женского пола не работал вне дома, по крайней мере до тех пор пока несовершеннолетние дети не достигнут школьного возраста. В-третьих, наиболее вероятная причина утраты кормильца мужского пола — смерть. В-четвертых, только те лица, которые сожительствуют, считаются частью нуклеарной семьи. Наконец, в-пятых, члены семьи объединяются и разделяют социально-экономические ресурсы.

Несмотря на живучесть и долговечность этих подходов (или, возможно, из-за этого), современные ученые начали бросать вызов традиционному определению семьи, на котором основывалась семейная политика в течение прошлых шестидесяти лет. Действительно, новый социологический, демографический анализ предполагает, что семья, как обоюдная социально-экономическая конструкция, является динамическим понятием, определение которого должно быть изменено, чтобы соответствовать потребностям современных американцев и гражданского общества страны.

Гендерные роли в современной американской семье

Главная проблема, возникающая при определении семьи и содержания семейной политики в американском обществе, — это выявление уровня государственной причастности к продвижению традиционных гендерных ролей и в семье, и на работе. Вирджиния Сапиро, американский социолог, отмечала, что большинство положений социальной и семейной политики было разработано с «явной выгодой для женщины в связи с ее способностями быть женой и матерью» [7, р. 44]. Подобный подход, который навязывает женщине только роль жены и матери, по сути, лишает ее выбора роли кормильца в семье. Следовательно, подразумевается, что женщина — иждивенец, она не нуждается в образовании, обучении или государственной поддержке, позволяющей ей стать ос-

новным кормильцем. Скорее требуется прямая поддержка со стороны сожителя-мужчины или косвенная — от бывшего партнера. Таким образом, существующая социальная и семейная политика укрепляет традиционные гендерные роли и в семье, и на работе независимо от семейного положения.

Почему такая ситуация сохраняется в современном демократическом государстве с рыночной экономикой? Это явление обусловлено рядом факторов. Система, позволяющая женщинам успешно поддерживать своих детей без дохода супруга, подрывает традиционное определение семьи, которое управляло американской политикой с 1940-х гг. Более консервативные граждане и политические деятели рассматривают это как угрозу устоявшимся социальным стандартам, которые, с их точки зрения, были только усилены с «феминизацией бедности». Данный тезис [5] предполагает, что матери-одиночки, более вероятно, будут представлять бедные или малоимущие семьи. Характерно, что такое традиционное определение семьи лишает малоимущих (бедных) мужчин доступа к социальному вспомоществованию. Очевидно, что данная ситуация подрывает усилия отца присматривать за своими детьми независимо от того, является ли он родным отцом или воспитывает приемного ребенка в новой семье.

Послевоенная социально-экономическая ситуация требовала изменения законодательства относительно гендерных обязанностей и участия в трудовой деятельности. Однако формальное (теоретическое) обоснование традиционного определения семьи стимулировало рост числа неработающих женщин. Несмотря на идеологические мотивы поддержки традиционного социального стандарта, происходят стремительные изменения в семейной структуре и семейных ролях, которые, с одной стороны, были вызваны потребностями современной экономики, а с другой — сами оказывали существенное влияние на развитие экономики страны. Значительную роль в ее развитии сыграл рост числа женщин, работающих за пределами дома. Вовлеченность женщин в ряды рабочей силы выросла с 31 % в 1949 г. до 75 % в 1999 г.; доля полностью занятых домашним хозяйством женщин резко упала за тот же период с 70 до 15 % (по данным Бюро переписи населения США, 2007 г.).

Конгресс США стремился приспособить социальную политику к изменениям, происходящим в реальной жизни. Пол Бурштейн, Р. Мари Брикэр и Рэйчел Л. Эимвоэр изучили законодательство Конгресса США и проводимую им политику в отношении поддержки семьи, пола и работы. Речь шла о выделяемых субсидиях на эти цели. Авторы классифицировали субсидии Конгресса США по трем различным областям, каждая из которых отражала различное толкование понятия семьи [1].

Первое определение данного понятия основывалось на представлении о том, что женщины не должны входить в общественную сферу оплачиваемой работы. Ясно, что это толкование семьи — самое традиционное. Законодательство, поддерживающее определение семьи как отдельной сферы, ограничивало доступ американок к рынку труда, допускало различную оплату труда на основе семейного положения или пола и лимитировало домашний оплачиваемый труд.

Второе определение базируется на принципе равных возможностей. Оно подразумевает право женщин на доступ к тем же самым вакансиям, которые открыты для мужчин. При этом традиционные гендерные роли в семье сохраняются неизменными. Например, такая политика потребовала бы равных возможностей и равной оплаты труда, но поощрила бы женщин работать неполный рабочий день.

Третье определение понятия «семья» подразумевает контракт (*договор*) семьи и работы, что предполагает наличие правил, которые должны регламентировать работодателей таким образом, чтобы работники с семейными обязанностями (мужчины и женщины) имели бы возможность ухаживать за своими детьми. В данной парадигме семьи право выбора по уходу за иждивенцами (детьми, родителями и т. д.) сохранялось за обоими полами.

Анализ законодательной деятельности начиная с 1945 г. по субсидированию различных сфер семейной политики Конгресса США показал, что 15 % законодательных актов было выработано на основе понятия семьи как отдельной сферы (т. е. в поддержку традиционных семей), 59 % — как сферы равных возможностей и 23 % как сферы контракта семьи и работы. Кроме того, тенденции в поддержку понимания семьи как сферы равных возможностей или контракта семьи и работы появлялись в течение долгого времени. В послевоенный период большинство законодательных актов было приспособлено к пониманию семьи как отдельной сферы, поскольку общество охватила идея возвращения к довоенным социальным структурам. Однако политические деятели и работодатели быстро поняли, что женщины не намерены уходить с рынка труда и возвращаться полностью в сферу домашнего хозяйства. После Второй мировой войны приоритеты были смещены в сторону семейной политики равных возможностей. Двадцать девять законов, поддерживающих семью как сферу равных возможностей, были приняты между 1945 и 1990 г., в то же время семья как отдельная сфера не была удостоена такого количества законодательных актов за весь послевоенный период. Политическая поддержка концепции о семье как контракте семьи и работы значительно увеличилась с 1980-х гг. Именно в течение 1980-х популярность предоставления субсидий для поддержки семьи как сферы контракта семьи и работы увеличилась. В период с 1981 по 1990 г. в Конгрессе США состоялось 9 слушаний, в результате которых было принято два закона, обязывающих работодателей быть нейтральными к полу в вопросах пособия на ребенка, увольнения и других проблем и предоставлять отпуск родителям по уходу за больными детьми. Поддержка семейной политики равных возможностей оставалась устойчивой в течение долгого периода времени [1].

Вместе с тем следует отметить невнятность позиции Конгресса США. Высший законодательный орган страны, с одной стороны, проявил готовность внести коррективы в политику, которая впитала комбинированные элементы семьи и работы, а с другой — похоже, так и не намеревается внести соответствующие изменения в определение политики в отношении меняющейся структуры брака. Возможно, объяснение кроется в том, что прежнее традиционное определение семьи более важно для государства, поскольку оно пресле-

дует прагматическую цель поддержки привычного экономического здоровья страны, в то время как идеологические изменения в определении семьи и брака более сложны для реализации.

На самом деле необходима поддержка разнообразных моделей семьи, работы и гендерных меняющихся ролей и обязанностей в рамках семьи. Это становится необходимым и выгодным для государства, чтобы не спонсировать семьи, где работает один родитель. Рынок все больше и больше требует, чтобы оба родителя работали за пределами дома, и если государство не будет в состоянии внести изменения в политику, то это приведет к росту числа семей, требующих социальной поддержки и вспомоществования, что увеличит бремя государственных обязательств.

Таким образом, на протяжении последних десятилетий в американском обществе произошли значительные изменения в структуре брака и семьи под влиянием внешних и внутренних факторов. Традиционная нуклеарная семья находится на грани исчезновения. Доминирование традиционной нуклеарной семьи в 50-х гг. XX в. способствовало возникновению современного женского движения, которое стало решительно сопротивляться долгому господству мужчин, так же как и устранению женщин с рынка труда. Женское движение в США рассматривало традиционную нуклеарную семью с весьма критических позиций, не без оснований считая такой тип семейных отношений дискриминационным для женщин. Сегодня большинство исследователей разделяют взгляды женского движения в пользу равноправной формы семьи и реальной экономической независимости для жен. С этой точки зрения уход от традиционной нуклеарной семьи расценивается как прогресс и не рассматривается как негативное явление.

Семья все чаще напоминает деловое партнерство между двумя взрослыми людьми (число совместных банковских счетов уменьшается, число брачных контрактов растет). Сегодня домохозяйства с детьми составляют только 35 % от их общего числа (в 1960 г. — 49 %). Доходы в основном большинстве домохозяйств не распределяются на детей, как это было прежде в семейном домохозяйстве, когда дети получали определенное содержание. В век поколения, ориентированного на индивидуальность («Я-поколение»), на первое место выдвигается личность индивида, а не семья. Почти все, кто в прошлом беспокоился об упадке семьи, были мужчинами, предметом их особой заботы была утрата мужчиной власти в доме. Однако упадок патриархатной власти привел к росту статуса женщины до положения гражданки с равными правами. Рост женского равенства — логичное развитие цивилизованного общества.

Сегодня брак в США понимается как путь к самореализации. Самореализация одного человека требует присутствия другого, и партнер в браке выбирается в основном для того, чтобы быть личным компаньоном. Иными словами, на первое место в семейных функциях выходит функция морально-психологической поддержки личности, а не рождения и воспитания детей, совместного ведения хозяйства, как это было на протяжении предыдущих десятилетий.

Библиографический список

1. *Burstein P., Bricher R. M., Einwoher R. L.* Policy alternatives and political change: work, family, and gender on the congressional agenda, 1945—1990 // *American Sociological Review*. 1995. [№] 60 (1). P. 67—83.
2. *Tankersley H.* What is «family?» : defining the terms of the U. S. Welfare State // *Family and Childrearing in Russia and the USA : a Cross-Cultural Analysis*. Moscow, 2009. P. 39.
3. *Hill M.* When is a family a family? : evidence from survey data and implications for family policy // *Journal of Family and Economic Issues*. 1995. [№] 16 (1). P. 35—64.
4. *Monroe P.* Family policy advocacy: putting knowledge to work // *Family Relations*. 1995. [№] 44 (4). P. 425—437.
5. *Pearce D.* The feminization of poverty: women, work, and welfare // *Urban and Social Change Review*. 1978. Vol. 30. P. 28—36.
6. *Rayman P., Bookman A.* Creating a research and public policy agenda for work, family, and community // *The Evolving World of Work and Family: New Stakeholders, New Voices : Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1999. Vol. 562. P. 191—211.
7. *Sapiro V.* The gender basis of american social policy // *Women, the State, and Welfare / ed. by L. Gordon*. Madison : University of Wisconsin Press., 1990.
8. *Smith D. S.* The curious history of theorizing about the history of the western nuclear family // *Social Science History* 1993. [№] 17 (3). P. 325—333.

Аннотации

Козлова О. А. Дворянская свадьба в России конца XVII — начала XVIII в.: домостроевские каноны и европейские метаморфозы

Рассмотрены характерные особенности синтеза обрядности русской дворянской свадьбы начала Петровской эпохи, складывавшиеся под влиянием традиционных убеждений домостроевской Московии и общественных канонов европейского образца, введенных Петром Великим. Доказывается важность изучения гендерно окрашенных аспектов повседневности, раскрывающихся в чувствах и переживаниях представителей привилегированного сословия.

Ключевые слова: женская история, гендер, дворянка, европеизация, свадьба, повседневность, быт, патриархат, Пётр I.

Белевцова В. О. Традиционная брачная обрядность марийцев в конце XIX — начале XX в.: модель гендерной иерархии

Выявлены взаимосвязи между обрядами свадебного цикла и моделью гендерной иерархии в семье, рассмотрены основные женские и мужские персонажи в традиционной брачной обрядности мари и их гендерно-функциональное значение.

Ключевые слова: традиционная брачная обрядность, марийцы, гендерные роли.

Иванчина О. А. Образ женщины в сюжетах чувашских народных сказок

Предпринята попытка реконструкции основных структурных компонентов желаемого стереотипа поведения чувашской женщины в семье и обществе. Анализируются психологические установки, ценностные предпочтения и модели ее поведения, изложенные в сказочных сюжетах.

Ключевые слова: чувашская женщина, традиционная культура, гендерная конфигурация, чувашские народные сказки.

Околотин В. С. Роль женщин в реализации налоговой политики Советского государства (1929—1935 гг.)

С привлечением архивных документов и газетных публикаций рассматривается роль женщин в реализации налоговой политики Советского государства в период модернизации национальной экономики. На примере Московской и Ивановской промышленных областей отражены особенности участия женщин в массовых кампаниях по мобилизации налоговых платежей в бюджет государства.

Ключевые слова: Советское государство, модернизация национальной экономики, налоговая политика, мобилизация налоговых платежей, массовые кампании, рабочие волнения, финансовый актив, ударники.

Козлова Н. Н. Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект

Исследуется институциональный аспект гендерной модернизации советской политической системы через анализ деятельности женотделов — органов по работе среди женщин при РКП(б). Показана уникальность советской модели, в которой больше-

вики стремились совместить решение «женского вопроса» и вопросы строительства социализма.

Ключевые слова: «женский вопрос», женотдел, гендерная система, политическая модернизация, гендерная модернизация.

Морозов С. Д. Мужчины, женщины и дети России на рубеже XIX—XX вв.: уровень грамотности и образования

Анализируются грамотность и образовательный уровень населения России на рубеже XIX—XX вв. Эти показатели даются в сравнении по годам, социально-профессиональному и возрастно-половому составу — для мужчин, женщин и детей. Выявляются факторы, влиявшие на состояние и развитие грамотности населения в разных районах и губерниях страны.

Ключевые слова: Россия, рубеж XIX—XX вв., грамотность, образование, мужчины, женщины, дети, земские школы, церковно-приходские школы, гимназии, университеты.

Штылева Л. В. Два подхода к модернизации «полового воспитания» современных российских школьников (1990—2000-е гг.)

Интерпретируется сущность позиций сторонников и противников модернизации полового воспитания современных российских школьников, внедрения программы их сексуального просвещения, которые отражались в педагогической печати рубежа 1990—2000-х гг. Обращается внимание на тенденцию клерикализации воспитания школьников, противоречащую целям образования в постиндустриальном мире.

Ключевые слова: половое воспитание, сексуальное просвещение, модернизация, гендерный алармизм, современное образование.

Тукачева Ю. С. Гендерный подход к развитию личности в сфере образования

Дается характеристика гендерного подхода в сфере образования на основе процессов гендерной социализации и адаптации личности в ходе важнейших коммуникаций — образования и воспитания.

Ключевые слова: гендерный подход, гендерная социализация, гендерная идентичность, гендерная компетентность.

Овчарова О. Г. Гендерное образование: методики равенства

Рассматриваются методы преподавания гендерных дисциплин. Особое внимание уделяется интерактивным методикам и способам реализации гендерно-равноправного подхода к обучающимся.

Ключевые слова: гендер, гендерное образование, методы гендерного образования, интерактивные методики, этические принципы преподавания.

Лондаджим Т. Социальное самочувствие иностранных студентов, обучающихся в российских вузах (Гендерный аспект)

На материалах авторского социологического исследования, проведенного в вузах Москвы и Иванова весной 2010 г., анализируется личностное и социальное самочувствие иностранных студентов из дальнего зарубежья, обучающихся в российских вузах.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная жизнь, интегральная удовлетворенность жизнью, социальное настроение, социальная адаптация.

Савинская О. Б. Ценность занятости и предпочтения в условиях труда московских матерей дошкольников

Раскрывается значимость проблемы совмещения профессиональных и материнских обязанностей в образе жизни современных городских женщин на примере жительниц г. Москвы. Дается обзор статистической информации, фиксирующей рост среднего возраста роженицы (феномен отложенного материнства), а также нехватку детских садов и недостаточные темпы их строительства. Представлены результаты репрезентативного опроса 1250 женщин, имеющих детей дошкольного возраста (осень 2008 г.). Опрос показал широкую распространенность совмещения трудовой деятельности с материнской заботой как осознанно выбираемую жизненную стратегию современных женщин. Выявлено, что современные предприятия уделяют недостаточно внимания модернизации условий труда с целью большего соответствия потребностям работающих матерей.

Ключевые слова: трудовые отношения, гибкие условия труда, баланс работы и семьи, ролевой конфликт работающей матери, отложенное материнство, детские сады.

Сохань И. В. «Долой кухонное рабство!»: к вопросу о гендерных трансформациях структур быта в Советской России 1920-х гг.

Анализируются гендерные трансформации повседневной жизни, в частности трансформации культуры еды в Советской России 1920-х гг.

Ключевые слова: гендер, гастрономические практики, тоталитаризм, повседневность, тоталитарная власть, желание.

Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных отношений в семье в исследованиях отечественных социологов

Произведен анализ трудов отечественных социологов, изучающих гендерные отношения в семье. Исследуются основные тенденции трансформации гендерных отношений начиная с середины XX в. до настоящего времени.

Ключевые слова: гендерные отношения, бикарьерная семья, контракт «работающей матери», патриархальные отношения, эгалитарные отношения, гендерная роль, гендерная асимметрия.

Шведова Д. В. Роль семьи в американском обществе и семейная политика

Рассматривается понятие «семья» в меняющейся исторической ситуации, тенденции в изменении семейной политики США, анализируются причины изменений функций и структуры семьи.

Ключевые слова: институт семьи в США, гендерные роли, семейная политика государства, понятие «семья», законодательство о семье.

Summaries

Kozlova O. A. A noble family's wedding in Russia in the end of the XVII — beginning of the XVIII century: domestic patriarchal rules and European metamorphoses

The prominent features of the synthesis of the Russian noble wedding ceremonialism at the beginning of the Peter's epoch which were developing under the influence of the traditional domestic patriarchal rules of Moskovia and the public canons of Europe entered by Peter the Great are considered in the article. The importance of studying of everyday life's gender aspects revealing in the feelings and experiences of the noble class' representatives is proved.

Key words: women history, gender, noblewoman, westernization, wedding, everyday life, household, patriarchy, Peter the Great.

Belevtsova V. O. The traditional wedding ritualism of Mari in the end of the XIX — beginning of the XX century: the model of gender ranking

The article attempts to identify the interrelation between wedding cycle rituals and the model of gender ranking in the family. The main female and male characters of the traditional wedding ritualism of Mari and their gender and functional meaning are also described.

Key words: traditional wedding ritualism, Mari people, gender roles.

Ivanchina O. A. The image of a woman in the storylines of the Chuvash folk fairy tales

The attempt to reconstruct the basic structure elements of the desired stereotype of a Chuvash woman's behavior in the family and in the society is made in the article. Chuvash woman's psychological sets, value system and pattern of the behavior described in fairy plots are analyzed.

Key words: Chuvash woman, tradition culture, gender configuration, Chuvash folk fairy tale.

Okolotin V. S. A woman's role in the realization of the Soviet State tax policy (1929—1935)

Referring to the archival documents and the newspaper articles women's role in the realization of the tax policy of the Soviet State within the years of the national economy modernization is observed in the article. Taking Ivanovo and Moscow industrial regions as the examples the peculiarities of women's participation in mass campaigns for the tax payments mobilization to the state budget are studied.

Key words: the Soviet State, national economy modernization, tax policy, tax payments mobilization, mass campaigns, working-class movement, most active financial members, shock-workers.

Kozlova N. N. The gender modernization of the Soviet political system: the institutional aspect

The institutional aspect of the gender modernization of the Soviet political system through the analysis of zhenotdels RCP(b) activities is examined. The author demonstrates

the uniqueness of the Soviet model, in which the Bolsheviks sought to combine the solution of «woman's question» and the questions of socialist construction.

Key words: woman's question, zhenotdel, gender modernization, gender system, political modernization.

Morozov S. D. Men, women and children of Russia at the turn of the XIX—XX centuries: literacy and education

The article examines the literacy and educational level of the Russian population at the turn of XIX—XX centuries. These figures are given in comparison to age, socio-professional and age-sex composition — for men, women and children. The factors which influenced the status and the development of literacy in different regions and provinces of the country are identified.

Key words: Russia, turn of the XIX—XX centuries, literacy, education, men, women, children, active in rural schools, church schools, high schools, universities.

Shtyleva L. V. Two approaches to the modernization of the «sexual upbringing» of the present-day pupils in Russia (1990—2000)

In the article the author interprets the essence of positions of the adherents and opponents of the modernization of the pupils' «sexual upbringing» and of the introduction of the modern sexual education program, discussed in the pedagogical periodicals in the end of the 1990s — beginning of the 2000s. The tendency to the clericalisation of pupils' upbringing, which contradicts the goals of education in the postindustrial society is underlined.

Key words: sexual upbringing, sexual education, modernization, gender alarmism, modern education.

Tukachjova Yu. S. The gender approach to the personal development in the sphere of education

The characteristic of the gender approach in the sphere of education which is based on the processes of the gender socialization and the personal adaptation during the most important communications — education and upbringing is presented in the article.

Key words: gender approach, gender socialization, gender identity, gender competence.

Ovcharova O. G. Gender education: methods of equality

The methods of gender courses teaching are examined in the article. The special attention is given to the interactive methods and the ways of implementation of the gender-equal approach to students.

Key words: gender, gender education, gender education methods, interactive methods, ethical principles of teaching.

Londadjim T. Social state of health of the foreign students studying at the Russian high schools (Gender aspect)

The features of social health state of foreign students studying at Russian high schools are considered. Different definitions of social state of health are given. On the materials of author's sociological research made in high schools of Moscow and Ivanovo in spring 2010, personal and social state of health are analyzed.

Key words: social state of health, social life, integrated satisfaction of life, social mood, social adaptation.

Savinskaya O. B. Occupation value and preferences in labor conditions of preschoolers' mothers in Moscow

The article is devoted to the 'work/life balance' problem that women with children-preschoolers have to reconcile. The review of statistical data is presented. It shows that phenomenon of postponed motherhood is very popular in Moscow and shortage of preschooler municipal centers. The results of representative survey of 1250 women that have preschooler-age children are given in the second part of the article. The survey shows that the life style of working mothers in Moscow is deliberated. At the same time, labor conditions in companies are insufficient for working mothers.

Key words: labor relations, flexible work conditions, work/life balance, conflict roles of working mother, postponed motherhood, preschool learning centers

Sokhan' I. V. «Down with kitchen slavery!»: by the issue of gender transformations of everyday life structures in Soviet Russia in 1920-s

Gender transformations of everyday life in particular transformations of food culture in Soviet Russia in 1920-s are analyzed in the article.

Key words: gender, gastronomic practices, totalitarianism, everyday life, totalitarian power, desire.

Zadvornova Yu. S. Tendencies of transformations of gender relations in family in studies of Russian sociologists

The analysis of works of Russian sociologists studying gender relations in family is made. The main tendencies of gender relations transformations from the middle of XX century till present time are analyzed

Key words: gender relations, bicareer family, contract of «working mother», patriarchal relations, egalitarian relations, gender role, gender skewness.

Shvedova D. V. The family role in American society and the family policy

The concept of «family» in the changing historical situation, the tendencies in change of USA family politics direction are considered in the article, the reasons of changes of functions and family structure are analyzed.

Key words: family institute in the USA, gender roles, state family politics, concept of «family», family legislation.

Авторы номера

- БЕЛЕВЦОВА**
Виктория Олеговна аспирантка кафедры теории и истории мировой культуры, Поволжская социально-гуманитарная академия (Самара).
m.b.nika@mail.ru
- ЗАДВОРНОВА**
Юлия Сергеевна аспирантка кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет.
yulia-zadvornova@mail.ru
- ИВАНЧИНА**
Оксана Александровна аспирантка кафедры теории и истории мировой культуры, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара).
oksana77786@mail.ru
- КОЗЛОВА**
Ольга Андреевна аспирантка сектора гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва).
koa100011@rambler.ru
- КОЗЛОВА**
Наталья Николаевна кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Тверской государственный университет.
n_s@pochta.ru
- ЛОНДАДЖИМ**
Тьерри аспирант кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет.
Th_londadjim@yahoo.fr
- МОРОЗОВ**
Сергей Дмитриевич доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства.
office@pguas.ru; WEB: www.gasa.penza.com.ru
- ОВЧАРОВА**
Ольга Геннадьевна доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Саратовская государственная академия права.
ovcharovao@yandex.ru
- ОКОЛОТИН**
Владимир Сергеевич кандидат исторических наук, профессор кафедры менеджмента, Ивановская государственная текстильная академия.
okolotin.vladimir@yandex.ru
- САВИНСКАЯ**
Ольга Борисовна кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии РАН (Москва).
savinskaya@gmail.com

Авторы номера

- СОХАНЬ
Ирина Владимировна** кандидат философских наук, доцент
кафедры социологии НИУ-ВШЭ (Санкт-Петербург).
irina.sokhan@gmail.com
- ТУКАЧЕВА
Юлия Сергеевна** аспирант кафедры философии,
Сургутский государственный университет.
nicastar@mail.ru
- ШВЕДОВА
Дарья Владимировна** соискательница Института США и Канады РАН,
начальник отдела по взаимодействию с НКО ГУ
г. Москвы «Центр поддержки женских инициатив».
shvedd@mail.ru
- ШТЫЛЕВА
Любовь Васильевна** кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной педагогики,
дошкольного и начального образования,
Мурманский государственный гуманитарный университет.
e-mail: many-ny@rambler.ru

Содержание

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Козлова О. А. Дворянская свадьба в России конца XVII — начала XVIII в.: домостроевские каноны и европейские метаморфозы	3
Белевцова В. О. Традиционная брачная обрядность марийцев в конце XIX — начале XX в.: модель гендерной иерархии	13
Иванчина О. А. Образ женщины в сюжетах чувашских народных сказок	23
Околотин В. С. Роль женщин в реализации налоговой политики Советского государства (1929—1935 гг.)	28
Козлова Н. Н. Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект	38

ОБРАЗОВАНИЕ

Морозов С. Д. Мужчины, женщины и дети России на рубеже XIX—XX вв.: уровень грамотности и образования	43
Штылева Л. В. Два подхода к модернизации «полового воспитания» современных российских школьников (1990—2000-е гг.)	55
Тукачева Ю. С. Гендерный подход к развитию личности в сфере образования	59
Овчарова О. Г. Гендерное образование: методики равенства	66
Лондаджим Т. Социальное самочувствие иностранных студентов, обучающихся в российских вузах (Гендерный аспект)	70

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Савинская О. Б. Ценность занятости и предпочтения в условиях труда московских матерей дошкольников	75
Сохань И. В. «Долой кухонное рабство!»: к вопросу о гендерных трансформациях структур быта в Советской России 1920-х гг.	88
Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных отношений в семье в исследованиях отечественных социологов	95
Шведова Д. В. Роль семьи в американском обществе и семейная политика	100
<i>Аннотации</i>	108
<i>Авторы номера</i>	114

Contents

GENDER HISTORY

Kozlova O. A. A noble family's wedding in Russia in the end of the XVII — beginning of the XVIII century: domestic patriarchal rules and European metamorphoses	3
Belevtsova V. O. The traditional wedding ritualism of Mari in the end of the XIX — beginning of the XX century: the model of gender ranking	13
Ivanchina O. A. The image of a woman in the storylines of the Chuvash folk fairy tales	23
Okolotin V. S. A woman's role in the realization of the Soviet State tax policy (1929—1935)	28
Kozlova N. N. The gender modernization of the Soviet political system: the institutional aspect	38

EDUCATION

Morozov S. D. Men, women and children of Russia at the turn of the XIX—XX centuries: literacy and education	43
Shtyleva L. V. Two approaches to the modernization of the «sexual upbringing» of the present-day pupils in Russia (1990—2000)	55
Tukachjova Yu. S. The gender approach to the personal development in the sphere of education	59
Ovcharova O. G. Gender education: methods of equality	66
Londadjim T. Social state of health of the foreign students studying at the Russian high schools (Gender aspect)	70

SOCIOLOGY OF FAMILY

Savinskaya O. B. Occupation value and preferences in labor conditions of preschoolers' mothers in Moscow	75
Sokhan' I. V. «Down with kitchen slavery!»: by the issue of gender transformations of everyday life structures in Soviet Russia in 1920-s	88
Zadvornova Yu. S. Tendencies of transformations of gender relations in family in studies of Russian sociologists	95
Shvedova D. V. The family role in American society and the family policy	100
<i>Summaries</i>	111
<i>Authors of the issue</i>	114

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (61) — 2011

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 21.12.2011 г. Формат 70x108^{1/16}
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47